

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ «АРИЙСКАЯ РУСЬ»,
«ГРАЖДАНСКАЯ ИСТОРИЯ БЕЗУМНОЙ ВОЙНЫ»

А. БУРОВСКИЙ

ПЕТР
ПЕРВЫЙ

Проклятый
император

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

*Петр
Первый*

**Проклятый
император**

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2008

Оформление серии художника А. Зарубина

Б 92 **Буровский А. М.**
Петр Первый — проклятый император. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 352 с. — (Когда врут учебники истории).

ISBN 978-5-699-26219-9

Нам со школьной скамьи внушают, что Петр Первый — величайшая фигура нашей истории. Дескать, до него Россия была отсталой и дикой, а Петр, не успев взойти на трон, тут же провел грандиозные реформы, создал могучую Империю и непобедимую армию, утвердил в обществе новые нравы, радел о просвещении и т.д. и т.п... и вообще, что бы мы все без него делали!

Но стоит отвлечься от школьных учебников и проанализировать подлинные исторические источники — и мы обнаружим, что в допетровской России XVII века *уже было все*, что приписывается Петру: от картофеля и табака до прекрасного флота и вполне современной для того времени армии.

На самом деле Петр не создал, а разрушил русский флот. Реформы Петра привели к развалу экономики, невероятному хаосу в управлении и гибели миллионов людей. А на месте богатой и демократичной Московии возникло нищее примитивное рабовладельческое государство.

Миф о Петре Великом и его «европейских реформах» живет до сих пор и в книгах, и в душах. Давно пора разрушить эту опасную ложь, мешающую нам знать и уважать своих предков.

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-699-26219-9

© Буровский А.М., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

Введение

В 1721 году Петр I объявил Московию Российской империей, и до 1917 года продолжался императорский период нашей истории. Как бы ни менялась политическая ситуация за эти двести лет, идеология периода в своей основе оставалась неизменной, сопровождаясь таким же неизменным набором политических мифов.

Порядка двухсот лет в России полагалось считать, что русские — коренные европейцы, оторванные от остальной Европы нашествием монголо-татар. Что монголы исказили русский народный характер, русские «наглоотались татарщины всласть»¹ и что в самой России борются Европа и Азия.

Рывок «в Европу» сделал Петр Великий, положив начало новой европеизации России, и путь наш — к полной европеизации страны, которая неизбежно наступит... Правда, совершенно непонятно когда. А не будь Петра — не было бы рывка, и что бы с нами было — неизвестно.

Великое княжество Московское до Петра... вообще вся «допетровская Русь» официально описывалась в самых черных красках как общество самое дикое и примитивное, какое только может быть на свете, рассадник совершеннейшего мракобесия.

«Явление» же Петра полагалось считать триумфальным шествием разума и просвещения, рассекающего царство полного мрака. Даже грязь и кровь его эпохи

¹ Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М., 1963. С. 259.

трактовались в романтическом свете как неизбежность, на которую падает отсвет некоего мрачного величия.

Примерно как писал В.Г. Белинский:

Россия тьмой была покрыта много лет.
Бог рек: да будет Петр — и был в России свет.

Начинали уже современники Петра. Феофан Прокопович утверждал, что Петр «всю Россию, каковая уже есть, сделал и создал», а уйдя от мира, «дух свой оставил нам». «На что в России ни взгляни, все его началом имеет», — полагал Нартов и договаривался до того, что называл Петра «земным богом».

Петр Крекшин, один из первых биографов и историков Петра, всерьез продолжал эту линию: «Отче наш, Петр Великий! Ты нас от небытия в бытие произвел».

И после Петра не смолкал славословящий хор, причем из людей очень часто умных, деятельных и по заслугам знаменитых.

В.Н. Татищев утверждал, что всем в своей жизни, а особенно «разумом», он обязан Петру.

Кантермир писал «Петриду», посвящал Петру свои поэмы и «вирши».

«Он Бог твой, Бог твой был, Россия!» — восклицал Ломоносов.

Очень характерно, что молодой Александр Пушкин до Болдинской осени охотно писал стихи о Петре и Петровской эпохе, разразился своей великолепной «Полтавой», но стоило ему всерьез заняться Петровской эпохой, и родился «ужастик» XIX века, «Медный всадник». Впрочем, и без «Медного всадника» поговаривали в Петербурге о том, что в высокую воду, в сильные осенние шторма или в зимнюю вьюгу памятник Петру срывается с пьедестала, скачет по городу, и якобы даже видели трупы раздавленных чудовищным всадником. Правда? Выдумка? Но, во всяком случае, легенда была, а кое-какие остатки ее жи-

вут в городе и до сих пор; Пушкин писал, основываясь на легенде.

Интеллигенция, ученые люди считали и по сей день считают Петра символом прогресса и движения вперед, к сияющим высям просвещения. А народная молва наделила памятник Петру всеми особенностями беса! Это мимоходом было сказано к вопросу о том, Бог ли сказал «да будет Петр»... Уж очень это полемично.

Лев Толстой в молодости тоже очень почитал Петра, чуть ли не благоговел перед ним и собирался писать о нем роман... И тоже только до тех пор, пока не начал собирать материалы для романа. Тут-то Лев Толстой начал иначе отзываться о совсем недавнем кумире: «Был осатанелый зверь»... «Великий мерзавец, благочестивый разбойник, убийца, который кощунствовал над Евангелием... Забыть про это, а не памятники ставить».

Остается предположить, что и с Пушкиным, и с Толстым произошло одно и то же — с малолетства они находились в поле обожествления, обожания, превознесения, крайней романтизации Петра и всей Петровской эпохи. Воспринимали его восторженно не потому, что сами до этого додумались, и не потому, что располагали многими знаниями об эпохе. А как раз именно потому, похоже, что большими знаниями не располагали. Романтически-приподнятое, радостное отношение к Петру меняется по мере узнавания эпохи, по мере изучения документов.

Тут напрашивается вопрос: интересно, а что сказал бы Ломоносов, проживи он подольше и успеет начать составлять не только раннюю русскую историю, до 1054 года, а дойди он до эпохи Петра? Если бы Михайло Васильевич стал бы собирать документы петровского времени, систематически писать об этом времени? Может, было бы так же, как с Пушкиным?

Другое дело, что отношение к историческим деятелям 90 процентов людей строят не на основе самостоятельного изучения, а принимая какое-то устоявшееся мнение или внимая пропаганде. А тут сто лет, двести лет почти и не слышно было голосов, кроме восторженных.

И уж конечно, вполне объяснимо, что обожали Петра все экстремисты всех мастей, все радикалы и «революционные демократы». И все тот же Белинский:

«Для меня Петр — моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-либо сделать, быть чем-то полезным».

Не меньше захлебывается Герцен: «Петр, Конвент научили нас шагать семимильными шагами, шагать из первого месяца беременности в девятый».

Здесь характерен не только сам по себе восторг, но и отождествление Императора с революционным французским Конвентом. Пример Петра оказывается не менее важен для «революционера-демократа», «разбуженного декабристами», чем пример французских революционеров, — как интересно! Уже этого примера достаточно, чтобы предположить — видимо, на примере Петра учились и другие любители прыгать «из первого месяца беременности в девятый».

По крайней мере, и Маркс, и Энгельс, и Троцкий, и Вовка Ульянов — все они были величайшими сторонниками Петра, его восторженными поклонниками.

Веками, десятилетиями о Петре Великом, Петре I, говорилось исключительно самыми торжественными словами: великий реформатор! Великий человек! Великий просветитель! Отец народа! Создатель Империи!

«Великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства», — вещал Н.М. Карамзин¹.

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 31.

«...Богатырь физически и духовно», «невиданный богатырь, которому грузно было от сил, как от тяжелого бремени... ему тесно было в старинном дворце кремлевском, негде расправить плеча богатырского...» — так пишет о нем С.М. Соловьев¹.

И далее, в таком же эпическом стиле: «Молодой богатырь рвался из дома от матери — поразмять плеча богатырского, спробовать силы-удали молодецкой»; «...герой-преобразователь, основатель нового царства, а лучше сказать, новой империи...»

В этом хоре славословия звучат голоса величайших историков России — В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, Н.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.В. Тарле, В.В. Мавродина. В этом же хоре — голоса А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, А.Н. Толстого и К.Н. Симонова, В.Н. Ге и В.В. Сурикова. Петра возвеличивают всеми возможными литературными и художественными средствами.

Трудно усомниться в истинах, которые несут и возвещают ТАКИЕ имена, ведущие деятели русской культуры прошлого и настоящего.

Даже либеральный петербургский историк Е.В. Анисимов называет Петра «великим реформатором», скрупулезно перечисляя, что он оставил после себя:

«Последний рекрутский набор состоялся в 1874 году, то есть спустя 170 лет после первого (1705). Сенат существовал с 1711 по декабрь 1917-го, то есть 206 лет; синодальное устройство Церкви оставалось неизменным с 1721-го по 1918-й, то есть в течение 197 лет, система подушной подати была отменена только в 1887 году, то есть 163 года после ее введения в 1724 году»².

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VII. М., 1962. С. 183.

² Анисимов Е.В. Петр Первый: рождение империи // История отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 186.

Правда, уже в XVIII веке прозвучал совсем другой голос — князя Щербатова, с его великолепной, ядовитой и умной книгой — «О повреждении нравов в России». Князь Щербатов вполне серьезно полагал, что нравы допетровской Руси были здоровее, «правильнее» возникших позже и что для нравственности народа лучше было бы вообще обойтись без реформ. Но, во-первых, мало кто прочитал эту книгу и в XVIII, и даже в XIX веке — опубликовали-то ее только в 1888 году. Князь Щербатов писал если и не лично для себя, то для какого-то сверхузкого кружка; для тех, кто может понять его аргументы и кого не опасно допускать до критики избранного Россией пути, то есть для аристократов — причем аристократов и по своему материальному положению, и по уровню образования, и по нравственным качествам.

Во-вторых, и князь Щербатов не сомневался в пользе Петровских реформ. Да, они ужасны по своим методам. Да, привели к чудовищным последствиям. Но это — совершенно необходимые реформы. С точки зрения князя Щербатова, не будь петровского «рывка», России потребовалось бы 275 лет, чтобы добиться того же уровня развития, которого она достигла за 50 лет, к 1775 году. Если бы не реформы Петра, Россия продолжала бы отставать и оказалась бы сожранной и разорванной на части европейскими державами.

Не будем оспаривать конкретных цифр, не в них дело. Гораздо важнее, что в основных чертах князь Щербатов определил критику Петра и петровского времени на десятилетия и на века вперед.

С точно таких же позиций написаны и «День Петра» Алексея Толстого, с его прямо-таки зловещим колоритом; ведь и там старообрядец Варлаам, выведенный злейшим врагом и «оппонентом» Петра, — это дикий фанатик, не способный предложить ничего, кроме возвращения назад.

Таковы же эскапады Бориса Пильняка: никакой альтернативы сделанного Петром не рисуется, просто изображается отвратительный, вечно пьяный сифилитик и урод¹.

Беда даже не в том, что эти голоса критики раздавались недолго — от тех времен, когда реформы Александра II сделали политический климат Российской империи не таким душным, выбросили в печать множество документов, которые раньше практически никто не знал или знал в очень недостаточном объеме. А окончились любые критические высказывания к «году великого перелома», 1929-му, когда ЦК рядом постановлений объяснил всем и раз навсегда, что Иван IV Грозный, Петр I и некоторые другие персонажи русской истории — вне критики. Пильняка коммунисты убили довольно быстро, в 1937-м, а Алексей Толстой сделался придворным сталинским писателем и создал насквозь лживый, до отвращения холуйский роман «Петр I», в котором, конечно же, не повторял прежних «ошибочных оценок».

Почти все триста лет императорского периода критика Петра оставалась, во-первых, крайне осторожной и допускалась исключительно в кругу людей, в чьей лояльности Империя не могла сомневаться. В устах любых других людей такая критика тут же превращалась, в лучшем случае, в кощунство, а то и попросту в подрывную деятельность и в подкуп под могущество государства Российского.

Во-вторых, эта критика оставалась всегда чисто морализаторской. Никто не предлагал альтернатив, не пытался понять — а что происходило бы в России и во всей Восточной и Северной Европе, если бы Петр за пьянками и «Всешутейным Собором» позабыл бы свои знаменитые реформы или если бы вообще Петра придушили в раннем детстве и не возникло бы в истории государства Российского никакого такого царствования Петра.

¹ Пильняк Б. Его Величество Кнесь Piter Komandor. Пг., 1922.

Для всех историков, писателей, поэтов, государственных деятелей «очевидно» — реформы Петра совершенно необходимы, и именно в том или почти в том виде, в котором они состоялись. Ну да, были какие-то «некрасивые случаи», какие-то «перегибы», случаи жестокости и грубости... и вообще страна заплатила за реформы непомерно высокую цену. Чем дальше от эпохи Петра, тем охотнее историки и деятели культуры морализируют на эти темы, но именно что только морализируют — разглагольствуют о цене реформ и о том, что вообще-то, будь Петр не так крут, не так свиреп, а сподручные его пообразованнее и попримечнее, то и ненужных, излишних жестокостей было бы поменьше.

За века сложилась схема понимания нашей истории петербургского императорского периода. Изложить эту схему нетрудно, и сделать это можно буквально в нескольких пунктах.

1. Петр завел в России то, чего до него совершенно не было: от картин на светские темы и зеркал в домах до современной армии и системы управления.

2. Петр изначально был сторонником реформ, их знаменем; он захватил власть в борьбе с лютыми врагами реформ.

3. Все жестокости, творимые Петром, все «перегибы» его эпохи объясняются ужасными впечатлениями детства, когда на его глазах стрельцы, враги реформ, убили его любимого дядьку. Второе объяснение — он защищал не только самого себя, он защищал свое детище от невежественных и злобных людей. Казнил он их — так им и надо!

4. Петр был гением на троне; великим человеком, способным прозревать на века вперед. Все его сторонники, не говоря о врагах, не видели и не могли постигнуть всего величия сделанного гигантом духа.

5. Реформы Петра — величайшее благо для России; страшно подумать, что с нами всеми случилось бы, если бы не Петр Великий!

Все «мифы Петра» и «мифы Петровской эпохи» укладываются в эти простенькие пять пунктов.

Тут складывается ситуация, очень похожая на ту, с которой мы уже сталкивались в книге «Русская Атлантида»: когда некое мнение о русской истории буквально вколачивается в головы самыми разными способами и начинает наконец восприниматься безо всякой критики.

И в школах, и даже в университетах, и средствах массовой информации, и в художественной литературе царит одно мнение, одна идея, одна позиция.

Между прочим, критиками Петра и его времени эта идея тоже принимается, и с той же мерой нескритичности. Потому что, говоря о жестокости Петра или о пагубных последствиях его горе-«реформ», они все же мало сомневаются. В самой необходимости ломать вековой уклад русской жизни, истреблять «противников реформ», грабить церкви, разорять и доводить до полного отчаяния, до бегства из России миллионы людей — обо всех этих «необходимостях» мало кто задумывается всерьез. Не задается самый основной вопрос: а нужно ли было вообще делать то, что делал Петр? А если даже было и нужно, то в каких формах?

Вопрос этот не задается по понятной причине: потому что, только задав этот вопрос, мы тут же отходим от традиций петербургского периода русской истории, когда такие вопросы считались или кощунственными, или заведомо лишены смысла.

Если же взглянуть в жизнь «кондовой» допетровской Руси, мы тут же обнаружим удивительнейшие вещи! Мало того что мы обнаружим в Московской Руси XVII века пресловутые картины, зеркала, живописцев и театр, но очень быстро «окажется», что и реформы управления,

и регулярную армию создавали уже лет за сорок даже не до воцарения — до рождения Петра.

И более того... Мы обнаружим, например, что огромное множество русских людей самого «простого» состояния, в первую очередь крестьян, живут вне общины, выбирают сами себе священников, ценят книжное учение (то самое просвещение?), квалификацию, частную инициативу и очень положительно относятся к умникам, которые собственным учением и трудом смогли сделать себя богатыми. Да, они носят косоворотки, лапти и шапки, а их дочери и жены — сарафаны поверх посконных рубах... Но чем они по существу, не по форме, отличаются от остальных европейцев?! Ведь и норвежцы выглядят и ведут себя совсем не так, как итальянцы и французы, а поляки далеко не во всем понимают англичан, да и одеваются иначе.

Точно так же мы «вдруг» обнаруживаем на Руси торговый капитал, который, хоть убейте, принципиально ничем не отличается от голландского и шведского... Отличается отношение к нему государства — на Руси государство капитал не поддерживает, не защищает и никак ему не помогает, но ведь это уже совсем другое дело.

Да и с дворянами при близком рассмотрении «происходят» не менее удивительные вещи. Верные слуги государевы «вдруг оказываются» преданы очень европейским по духу идеям, очень современным для XVIII века. Они оказываются «вдруг» сторонниками парламентаризма, и притом задолго до того, как им «полагается» проникнуться этими идеями. По схеме, которую разделяют все сторонники «европеизации дворянства» — от князя Щербацкого до Ленина, — первым последовательным сторонником «прогрессивных идей» надо назвать Радищева, а декабристы стали первым поколением революционеров, потому что это «третье непоротое поколение дворян» и потому что во время походов 1813—1815 годов они побывали

в Европе и заразились ее духом. А тут дворяне почти за сто лет до декабристов, в 1730 году, проявляют себя вполне европейским сословием; людьми, чья психология очень мало отличается от психологии немецкого или скандинавского дворянства.

Декабристы были меньшинством, которое вовсе не одобряло большинство их сословия. В 1730 году не исчезающее меньшинство, а вовсе даже большинство русских дворян хотели ограничить власть царя и ввести в России конституцию. Если принять логику штампов петербургского периода русской истории, то в 1730 году русские дворяне, получается, были «прогрессивнее» и больше походили на европейцев, чем в 1825 году...

В 1730 году не отдельные дворяне, а дворянство голосами большинства своих представителей требует конституции. Но факт остается фактом — тогда, в морозном воздухе зимы 1730 года, впервые запахло появлением Российской конституции... Повеяло духом ограничения всегда абсолютной власти монарха. И ограничением всегда абсолютных прав тяглого государства. Молодежь 1730 года воспитана в обстановке службы Петру, а то и грязи и срама дворцовых переворотов. Старики хорошо помнят допетровскую Русь. Казалось бы — ну откуда им владеть столь «прогрессивными» идеями?! А они, оказывается, вот владеют.

И таких случаев очень много. Так много, что критически мыслящий человек не может не усомниться в самой схеме — даже в той, сомневаться в которой считается очень неприличным.

Вот и тема исторического расследования: а какой же была она, допетровская Русь? В какой степени тупой и кондовой? И не менее важная тема: а что же именно сделал Петр, если не соответствует действительности все или почти все, приписываемое ему? И: какой могла бы стать Россия без Петра? В конце концов, один человек —

это только один из великого множества, и подверженная множеству случайностей жизнь этого одного, как говорят на Востоке, «жизнь его подобна слезе на реснице». В конце концов, у его отца, Алексея Михайловича, родилось несколько сыновей в двух браках, а остался в живых только один. А если бы выжил — не Петр? А если бы не выжил ни один?

Что, если бы Петр не родился, умер бы «от живота» во младенчестве или был бы придушен разъяренными стрельцами в 1682 году? Что тогда случилось бы с Россией и с нами со всеми?

Задавшись этими вопросами, я и сел писать эту книгу.

Кандидат исторических наук, доктор философских наук, действительный член Академии ноосферы, член Санкт-Петербургского союза ученых, и прочая и прочая...

Часть I

ЦАРЕВИЧ ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ

— Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации.... случай, по-видимому, сложный... шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм...

М.А. Булгаков

Глава 1

ПЕРЕВОРОТ МЕДВЕДИХИ

Первая жена — от Бога, вторая — от человека, третья — от дьявола.

*Сомнительная народная мудрость,
которая, однако, частенько подтверждается*

ПЕРЕД ПЕТРОМ

До января 1676 года на престоле Московии сидел законный монарх, второй царь из династии Романовых, Алексей Михайлович. Он скончался «в 1676 году, с 29 на 30 число января, с субботы на воскресенье, в 4 часа ночи... на 47 году от рождения, благословив на царство старшего сына Федора»¹.

Люди помирают и в более раннем возрасте, но как будто ничто не предвещало его смерти. Царь был здоров, активен, бодр, ничем серьезно не болен. Придворных медиков его смерть удивила. По России поползла волна слухов об отравлении.

Брак царя с Марией Ильиничной Милославской продолжался с 1648 до 1669 года. От Милославской Алексей Михайлович имел пять сыновей и шесть дочерей: Евдокию, Марфу, Софью, Екатерину и Марию. Но мальчики как-то не жили в этой семье. Старшие сыновья Дмитрий и Алексей умерли при жизни родителей. В марте 1669 го-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга V. М., 1961. С. 608.

да умерла Марья Ильинична, за нею последовал царевич Симеон.

К 22 января 1672 года, ко дню, в который Алексей Михайлович женился на Наталье Нарышкиной, дочери капитана из Смоленска, живы были двое его сыновей: Федор, 1661 года рождения, и Иван, 1666 года. Как бы ни было почетно для девицы из рода Нарышкиных выйти замуж за пожилого царя, но детям от этого брака царствовать заведомо не было суждено.

От второй жены Алексей Михайлович имел дочерей Наталью и Феодору, а будущий царь Петр Алексеевич родился в 1672 году, от пожилого, 43-летнего тогда, Алексея Михайловича, и Натальи Кирилловны Нарышкиной — ей исполнился уже двадцать один год (немало по понятиям XVII столетия).

26 января 1676 года царем Московского государства стал Федор Алексеевич Романов, старший сын прежнего царя, 15 лет. Не первый раз на престол всходил малолетний царь. 17-летним венчался на царство Михаил, 13-летним — Алексей. Но первый раз взошел на престол царь до такой степени интеллектуальный.

Желая видеть после себя Федора, царственный отец позаботился о его образовании, и его учителем стал один из ведущих русских ученых того времени — Симеон Полоцкий. Учитель царя Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев вели подготовку к открытию первого русского университета.

Федор свободно знал польский, латынь, древнегреческий языки, читал в подлиннике античных авторов. Он хорошо знал религиозную литературу, сочинения отцов церкви, увлекался музыкой, особенно певческим искусством, и сам сочинил несколько духовных песнопений. Даже на фоне своего отца и деда, людей очень не глупых и образованных, он производил впечатление ярко выраженного интеллектуала. Одно из его излюбленных занятий состояло в том, что он «собирал художников всякого мастерства и рукоделия», платил им приличное жалованье, наблюдал за их работой и вел с ними долгие беседы.

Федор Алексеевич позаботился о наследнике: 11 июля 1681 года у него с женой, Агафьей Семеновной Грушец-

кой, родился сын Илья. Но 14 июля умерла родами царица Агафья, а через 6 дней умер сам Илья.

14 февраля 1682 года, ровно через 7 месяцев после смерти Агафьи, царь Федор женился на Марфе Матвеевны Апраксиной.

Детей от этого брака не было: 27 апреля 1682 года царь Федор умер на 21-м году жизни. Считается, что был он болезненным и хилым, причины смерти считались естественными, несмотря на молодость царя.

И сложилась странная, неоднозначная ситуация. Провозгласить царицей старшую дочь Алексея Михайловича Софью, 1658 года рождения? Способности ее ни у кого не вызывали сомнения, но женщины на троне Московии никогда не сидели... То есть в других странах — были, в том числе и несколько базилисс в Византийской империи. Но в России правящих цариц пока не было, и совершенно непонятно, какотреагируют на такое новшество пресловутые народные массы...

Монархия — не самый худший в мире политический строй. Но очень уж монархия уязвима. Всего-то две ранние смерти — отца и сына — в апреле 1682 года поставили Московию на грань междоусобия, гражданской войны и вообще страшно сказать чего — чуть ли не новой смуты. Кланы Милославских и Нарышкиных сцепились в беспощадной войне, князь Хованский со стрелецким войском поднял восстание. «Хованщина» затопила Москву.

В подавлении «Хованщины» и наведении порядка главную роль сыграла Софья Алексеевна. Установившийся в 1682 году порядок оказался непрочным и странным, на престол возвели сразу двух царей: Ивана (от Милославской, 1666 года рождения) и Петра — от Нарышкиной, 1672 года рождения. Над обоими царями стояла «правительница Софья». Не царь и не царица, но «правительница» с неопределенным сроком пребывания в этой должности, с непрописанными границами власти.

Возлюбленный Софьи Алексеевны, Василий Васильевич Голицын, в 1682—1689 годах формально стоял во главе разных правительственных учреждений, но факти-

чески был примерно тем, кем является в наши дни премьер-министр.

Софья и «первый царь» Иван жили в Московском Кремле. Петр и верхушка клана Нарышкиных — в Преображенском.

До 1682 года у Петра не было ни единого шанса стать царем. Теперь он появился, этот шанс. Тем более что его мать, Наталья Кирилловна, была крайне честолюбива, активна и средства достижения цели использовала совершенно любые. Кличку ей дали соответственную — Медведиха. Ходил упорный слух, что именно она отравила сначала Алексея Михайловича, а потом и Федора Алексеевича. Слух никогда не был доказан, но очень уж «вовремя» они оба умерли, расчищая путь к трону для Петра.

Называя вещи своими именами, Петр I стал царем случайно, после ранних смертей нескольких своих родственников и вследствие этих смертей.

КОНЕЦ МНОГОВЛАСТИЯ

Рано или поздно половинчатая ситуация в стране должна была взорваться, и произошло это в августе 1689 года. Сторонники Софьи обвиняли Медведиху в том, что она подслала убийц к Софье: пойманы были трое негодяев с ножами, шатавшиеся по Кремлю. Под пыткой эти трое показали, что их подслала Наталья Кирилловна с заданием — убить Софью и Василия Голицына. Нарышкины, разумеется, отрицали свою причастность. Если даже причастность и была — доказать ее очень трудно.

Странная это история — вдруг посреди Кремля оказываются трое бродяг с ножами за голенищем... Во время стрелецкого бунта, «Хованщины» 1682 года, в Кремль кого только не носило, но теперь-то ведь никакого мятежа и бунта нет. Кремль — резиденция правительства, «первого царя» и «правительницы», на воротах стоят вооруженные стрельцы и кого попало не пропустят. Откуда же трое бродяг?! Может, постарались агенты Нарышкиных — то ли подкупленные люди, то ли их тайные сторонники? Очень возможно. Но не менее возможно и другое — что сами убийцы от начала до конца подложные, и сторонни-

ки Софьи «нашли» их посреди Кремля ровно потому, что сами туда провели.

Сам факт, что были такие, шатались по Кремлю, доказывает мало что. Ну, может быть, и готовили эти людишки человекоубийство. Может, хотели прирезать и Софью — потом можно было очень дорого сбить ее голову Нарышкиным... Но очень может быть, никакого отношения к этим людям Наталья Кирилловна и в самом деле не имела. Не доказано ведь совершенно ничего, никак не прослежены их связи, а сами пойманные вскоре исчезают.

Может быть, конечно, что исчезли они вовсе не для современников, а для нас с вами — просто одна часть документов известна, а другие пропали, не дошли до нас и нам неизвестны. В изучении истории такие вещи происходят на каждом шагу, что поделывать.

Но если пойманные «гуляющие люди» и впрямь исчезли без следа — это очень и очень подозрительно. В этом случае, похоже, что сторонники Софьи пытались «слепить дело», а когда не получилось, не потянулась одназначная, для всех очевидная ниточка к Нарышкиным, поспешили спрятать концы в воду. Не обязательно все должно было кончиться для бродяг плачевно; совершенно не могу исключить вариант, что где-нибудь в Белгороде или Курске объявился вскоре странный человек с поясом, набитым золотыми. И, если не болтал лишнего, постепенно вышел и в купцы...

Они сами сознались? Тоже не доказательно, потому что мало ли какие фантастические вещи показывают люди под пытками! Скажем, несчастные «ведьмы» у немецких инквизиторов давали такие показания, что только диву даешься: и на шабаш они летали, и с дьяволом совокуплялись, и недород, ураган, наводнения организовывали.

Одним словом, крайне темная история.

А через несколько дней происходит еще одна, не менее темная: прибегает в Преображенское некий человек с криком, что, мол, там, в кустах сидят вооруженные люди, хотят известить царя. По другим сведениям, прибежал не «человек незнаемый», а стрелец из караула — мол, остальные караульщики бьются со злоумышленниками, давайте подмогу, спасайте царя!

Эта история еще темнее первой, потому что этих-то злоумышленников вообще никто в глаза не видел. Сидели, мол, в кустах, ждали царя... Почему именно царя? Кто сказал, что вообще кого-то ждали? И были ли они вообще, эти загадочные люди, под вечер засевшие в кустах?

История с засланными от Софьи убийцами важна потому, что стала спусковым механизмом для важных исторических событий. Дело в том, что Петр, только что вернувшийся из Немецкой слободы, Кукуя, и завалившийся спать, смертельно перепугался этих загадочных убийц. В одной рубашке, с перекошенным лицом, кинулся Петр бежать, спастись куда глаза глядят. Издавая дикие вопли, судорожно дергая лицом и всем телом, еле взобрался он на лошадь, и бедное животное рвануло под обезумевшим седоком. Петр прискакал в Троице-Сергиеву лавру, под защиту могучих стен, отдался на волю монахов — вот, святые отцы, спасайте, меня убивают! Судя по всему, он и правда был невероятно перепуган. Впрочем, и потом множество раз в ситуации малейшей опасности будет повторяться эта реакция — истерика, эпилептический припадок, сдавленные вопли, паническое бегство куда глаза глядят.

Уже утром в Троицу приезжает денщик Петра, Александр Меншиков, привозит «милому другу» портки и какую-никакую одежду: Петр ведь ускакал буквально в натальной рубашке, едва прикрывшись. Петр отказывается выйти из-под защиты колоссальных стен монастыря-крепости, и весь его двор из села Преображенское перемещается именно сюда. По всей стране звучит призыв ко всему дворянству, ко всем государственным чиновникам, к армии — собираться сюда, к Троице-Сергиевой лавре! Нарышкины призывают собирать дворянское ополчение, двигаться всей силой против изменщиков, пытавшихся убить «второго царя». Ситуация гражданской войны...

Разумеется, Софья от своего имени и от имени «первого царя» тоже созывает дворянское ополчение: всем идти в Москву, в Кремль — звучит ее грозный приказ!

Что не выдержали нервы у Петра — очевидно, кто спорит, но очень уж похоже — не у него одного, у обеих сторон попросту не выдержали нервы. Дело в том, что неза-

долго до того Петра женили на Евдокии Лопухиной. По тогдашним русским обычаям женатый парень становился взрослым. Женившись, наследник престола получал право сесть на престол. «Первый царь» Иван слабоумен — значит, царствовать «второму царю».

Вот и не выдержали нервы и у Софьи, и у сторонников Петра.

В конце августа 1689 года страна оказывается в ситуации пока холодной, без пальбы, но совершенно реальной войны — гражданской и династической. Два правительства в стране: одно в Москве, другое в Троице-Сергиевой лавре, и каждое требует лояльности от каждого сколько-нибудь заметного в стране человека. Требуется явиться «конным, людным и оружным», изъявить свою лояльность и высказаться в пользу именно этого правительства.

Страна выбирает Нарышкиных. Со всей огромной страны медленно, но неуклонно течет ручеек в Троице-Сергиеву лавру. Из Москвы, из лагеря Софьи, течет точно такой же ручеек, вплоть до последних, казалось бы, на сто рядов проверенных людей. Разумеется, множество людей выбирает Лавру не потому, что в чем-то убеждены, что-то считают или на кого-то полагаются. 90% дворян, не говоря о рядовых солдатах и стрельцах, руководствуются не соображениями о судьбах России, а собственными эгоистическими стремлениями, страхами и расчетами. А очень часто — и прямыми приказами благодетелей, начальников или сюзеренов.

Но и выбор, несомненно, есть, — уже хотя бы выбор тех, кто полномочен приказать этим 90% или убедить их в чем-то. Расчет на милости, если Нарышкины победят? Но ведь и Милославские не поскупятся для тех, кто посадит Софью на трон. Прямой подкуп? Но никаких невероятных богатств, никаких возможностей раздавать придворные чины у Нарышкиных нет, или, вернее, — их не больше, чем у политических конкурентов. Они не богаче Милославских и их сторонников, да и сам претендент на престол с их стороны все-таки более «неказистый» — «второй царь», а вовсе не первый и не правитель...

Почему же страна все-таки выбирает Нарышкиных?

Одна причина проста — это пол Софьи. Представим себе, что на ее месте была бы не дочь царя Алексея Михайловича, а сын. Скажем... ну тот же Василий. Пусть даже не наделенный всеми талантами и достоинствами Василия Голицына, но и не дурачок, не ничтожество, не трус... Скажем, нечто среднестатистическое, эдакий человек средних талантов и способностей (как основатель династии Михаил например). Или тем более человек с теми же незаурядными способностями, что сама Софья, но только мужчина?

Странно, что эта мысль до сих пор не приходила в голову нашим историкам, она ведь вообще-то элементарна. Но все, кого я спрашивал, как, по их мнению, — а что, если бы на стороне Милославских сидела бы на престоле не Софья Алексеевна, а сын... назовем его хотя бы Василий Алексеевич, и пусть тех же лет (в 1689 году Софье был 31 год)? Иван Алексеевич, болезненный и неумный, «головой скорбный», — это, конечно, не зная. Ну а если бы зная все-таки у Милославских имелось бы? И все, с кем я обсуждал такую возможность, единодушны — в этом случае у Петра не было бы ни одного шанса. Ни единого!

Вот и получается, что страна готова была признать женщину «правительницей», по мере привыкания к ситуации — и правящей царицей. Но именно что не выбрать, а признать, раз уж сложилась такая ситуация. Россия готова была смириться с положением вещей — раз уж нет лучшего претендента; согласиться с тем, что женщина сидит на престоле, по старому доброму принципу «на безрыбье и рак рыба». А вот выбрать женщину в цари, взять на себя ответственность за то, что она будет сидеть на престоле, отдать ей власть — к этому Россия еще совершенно не была готова.

Но это — только одна и, очень может быть, далеко не основная причина. Допускаю, что это прозвучит невероятно, даже дико — но похоже, власть досталась Петру именно потому, что и он лично, и Нарышкины олицетворяли собой самый кондовый политический застой.

Все знают, что Софья и Голицын — это реформы, это движение. А Петр — это стоящая за ним Медведиха с ее

кланом людей не идейных, умственно не крупных, совсем не рвущихся что-то делать. В самом Петре ничто абсолютно не позволяло разглядеть будущего преобразователя.

Да, к этому времени у Петра уже было две или три тысячи «потешных войск». Но ведь полки «иноземного строя», офицеры-иностранцы, команды на голландском и немецком, вполне «иностранный» вид армейских соединений к тому времени вовсе не были в России чем-то необычным, чем-то вызывающим удивление и интерес. В Преображенском и Семеновском полках вовсе не было чего-то, выгодно оттенявшего их, заставляющего выделить из всех остальных «полков иноземного строя», а ведь вся русская армия с 1680 года состояла из регулярных полков с европейской выучкой.

Какие-то европейские вещи, которые любил Петр? Учение у европейцев?

Во-первых, ну кто в России знал, чему и у кого учиться Петр? И кого это интересовало?

Во-вторых, не было у Петра никакого такого «европейского учения». То есть и глобус ему показывали, и всяческие приборы, и карты. Но показывали не больше, чем должны были показать любому русскому принцу, да к тому же не из числа «основных наследников». Федора, «первого наследника престола», учили несравненно серьезнее и куда более «по-европейски».

Трубка во рту? Пьянки в Кукуй-слободе? Дружба с Францем Лефортом и другими иноземцами? Но это ведь уж никак не говорит о программе преобразований, а свидетельствует разве что о готовности перенимать худшие стороны жизни европейцев. В самом же приятном случае говорит все это о мятущейся юности, стремящейся все на свете попробовать, во всякой гадости хоть немного да поучаствовать, хотя бы из любопытства. В худшем случае буйства Петра свидетельствуют о его развращенной и грубой натуре. Но уж никак все эти поступки не свидетельствуют о желании что-то в стране менять по существу.

К тому же 17-летний Петр никогда не высказывал своей приверженности к преобразованиям, не говорил о желании разрушить старину. Позже ему будут приписывать ненависть к боярству, к «византийщине», к старомосков-

ской старине... Но все это чистой воды выдумки, потому что сам Петр никогда ничего подобного не говорил. По существу дела, он вообще ни о чем серьезном никогда не говорил, ничем определенным не интересовался, никаких проектов не строил. Василий Голицын мог кого-то пугать (или привлечь) своими масштабными программами, но вот у Петра-то их как раз нет и в помине.

В определенной степени для захвата власти это даже и хорошо... С одной стороны, не привлекает Петр активных людей, преобразователей, дельцов, а с другой — как раз не отпугнет людей пассивных, не склонных куда-то мчаться (а их-то всегда большинство). И судя по выбору, который делает Россия, большинство ее правящего слоя как раз важнее «не отпугивать» перспективой реформ.

Приходится сделать вывод, что сторонников европеизации в России 1689 года немного. Причем «спокойный» вариант изменений, без «вскидывания на дыбы», возможен в основном тогда, когда у государственного кормила стоят люди, пришедшие к власти законным путем, но и без прямых выборов: например, те же законные наследники престола. И считаться с ними приходится, и в то же время как бы стоят они у власти помимо воли каждого отдельного человека... Если потребуют они, эти законные монархи, участия в реформах, изменения образа жизни — что ж, придется подчиниться! Но не выбирать же самому, по доброй воле то, что делать в любом случае будешь из-под палки, морщась и проклиная все на свете...

Как только Россия смогла выбрать — она выбрала лаврера, меньше связанный с преобразованиями страны.

В Лавре, когда в нее уже начали съезжаться бояре и дворяне, мать и патриарх специально уговаривали Петра вести себя так, как от него ждут: ходить тихими шагами, говорить скромно и кротко, побольше проводить времени в церкви, обо всем спрашивать мнения старших...

А с третьей стороны... Кто сказал, что, приезжая в Троице-Сергиеву лавру, россияне выбирали Петра?! Петра и видно не было, и слышно. Ну бегал такой по Преображенскому и Семеновскому, играл в войнушку, безобразничал в Кукуе... ну и что? Кто знал Петра? Кто с ним говорил, кто считал его серьезным фактором политики?

А никто. Знали не его, а мать, Наталью Кирилловну, Медведиху. Знали ее брата, Льва Кирилловича, их дальнего родственника Никиту Стрешнева. Знали патриарха, знали Федора Юрьевича Ромодановского, который хорошо относился к Петру. Вот эти люди были в политике важны, и именно они шли к власти. Они и вели переговоры, обещали места, расставляли альянсы, уговаривали и запугивали.

Эта коалиция, клан Нарышкиных, и получила власть в конечном счете.

До самой своей смерти 25 января 1694 года Наталья Кирилловна Нарышкина не то что не передала Петру всей полноты власти... Она и близко не подпускала его к принятию сколько-нибудь важных решений. Более того — есть серьезные основания полагать, что именно она развивала в Петре самые дурные наклонности — к пьянству, к разврату, к безумствам разного рода, — лишь бы он занимался потешными, войной, любовницами, приятелями, собутыльниками, флотом, женой... чем угодно. Впрочем, с женой она его тоже умело и целенаправленно ссорила, и тоже с понятной целью — чтобы сын не имел тыла в собственной семье, не мог бы начать с ней серьезную войну... Впрочем, куда уж ему!

Так что к власти шел никак не лично Петр, а позиция Натальи Кирилловны была хорошо известна в России — никаких перемен! Позиция странноватая для воспитанницы видного «западника» Матвеева, для дочери капитана в «полку иноземного строя», но что тут поделать?! Да, вот такая позиция. При ней... скажем так, в первые годы правления Петра, до смерти матери, никакие перемены в управлении страной и не происходили. Уж конечно, не были никак реализованы планы преобразований Василия Голицына. Даже то небольшое, что успели сделать Федор и Софья, уничтожилось.

Федор и Софья с Голицыным придавали огромное значение справедливости правосудия, прекращению мздоимства и взяточничества чиновников. Они старались платить должностным лицам побольше, чтобы они были нечувствительны к предложениям хотя бы мелких взяток и обрели бы чувство собственного достоинства.

Теперь же установилось, по словам князя Бориса Куракина, «правление весьма непорядочное», «мздоимство великое и кража государственная», «судейские неправды» и прочие безобразия.

Все зависело от клана Нарышкиных, где заправляли несколько человек. Первой, разумеется, была Наталья Кирилловна, по словам все того же Куракина, «править была некапабель (от французского «ne capable» — «неспособна»), ума малого». Самый умный из ее «конфидентов», князь Борис Голицын, был человек неглупый и хорошо образованный, но «пил непрестанно» и, руководя Казанским Дворцом, совершенно разорил Поволжье.

Лев Кириллович Нарышкин, родной брат царицы, человеком оказался беззлым, не подлым и даже не сводил счеты с Милославскими за прежние унижения. Человек «взбалмошный, недалекий и пьяный», он делал много добра самым случайным людям, «без ризону, по бизарии своего гумору». Никакими государственными делами он себя не прославил, никому не был особенно нужен, и кличку ему дали Кот Кириллович. Свойственник обоих царей по бабушке, Тихон Стрешнев тоже оценивается Куракиным как «человек недалекий», но лукавый и злой и «великий нежелатель добра кому угодно».

Клан Лопухиных так и не выдвинул ярких лидеров или представителей, так и остался в истории слепым пятном с надписью: «Лопухины». Было их человек до тридцати, «людей злых, скупых ябедников, умов самых низких».

Так что Нарышкины, «господа самого низкого и убогого шляхетства», самая жалкая клика... или, чтоб было приличнее, — эта компашка и пришла к власти. Она оттеснила даже Боярскую думу от принятия любых решений, и первые аристократы Московии «остались без всякого провоира и в консилиии или в палате токмо были спектакулями».

Служилое и приказное общество было вполне под стать пришедшей к власти клике. Эту публику и «чистить» не пришлось, достаточно было снять внешнее давление, страх опалы, разжалования, наказания.

Судить об этом обществе можно хотя бы по запискам окольников Желябужского, наблюдателя и даже участника многих дел в те годы. В этих записках длинной

вереницей проходят самые разные лица, от бояр и окольных до обычных приказных дьяков, судимых за самые разнообразные... скорее, пожалуй, за довольно однообразные преступления: женоубийство, оскорбление девичьей чести, подделку документов, «неистовые слова» про Государя, «непристойную брань» во дворце, за кражу золотых монет с помощью Тихона Стрешнева.

Самое яркое преступление совершил, пожалуй, князь Лобанов-Ростовский, который на Троицкой дороге разбоем отбил царскую казну. Зачем ему, владельцу нескольких сотен крестьянских дворов, было это нужно, история умалчивает. За разбойное нападение князя били кнутом, и тем не менее через шесть лет, в Кожуховском походе, он уже упомянут как капитан Преображенского полка.

По справедливому замечанию В.О. Ключевского, «в этом придворном обществе напрасно искать деления на партию старую и новую, консервативную и прогрессивную: боролись дикие инстинкты и нравы, а не идеи и направления»¹.

Возникает естественный вопрос: почему же все, что делали Федор, потом Софья и Голицын, так обрушилось?! Тем более — так легко и так мгновенно обрушилось?!

Что поделаты! Московия оставалась очень молодым, примитивным государством, где все очень непрочное, неустойчиво уже из-за отсутствия устоявшихся традиций государственной жизни. Где все легко разрушить, потому что вся-то государственность держится на преданности буквально нескольким людям и на трудовых усилиях буквально нескольких человек.

Невероятно узок круг всех, кто может в Московии вообще принимать хоть какие-то решения. Несколько десятков, от силы сотен человек определяют жизнь десятков тысяч. Все лично знают всех, все отношения патриархальны и просты. Под этой пирамидой и вне ее миллионы

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 476.

людей живут практически вне государства. То есть они помогают ему, участвуют в его делах, но не регулярно, и для них, может быть, важнее жизнь их семьи и общины, чем Московского государства.

Если устраняются «верхние» несколько человек, возглавлявших властную пирамиду, вполне могут пойти на смарку их усилия что-то перестроить, изменить или улучшить. Потому что остальные служилые десятки тысяч честно исполняют приказ — но сами они вовсе не несут в себе тех идей, которые вынашивают верхушечные несколько сотен.

Царь и его приближенные заставляют не брать взятки, не тянуть с делами и вообще вести себя прилично? Приказные и будут вяло, но старательно выполнять монаршую волю. Тем более что и честным приказным быть все же лучше, чем вылететь со службы, а то и угодить под следствие.

Нет усилий царя и приближенных? И их самих тоже нет? Тут же сто дьяков и тысяча подьячих начинают воровать вдвойне и втройне, вознаграждая самих себя за «воздержание» времен Софьи и Голицына. А это, в свою очередь, отражается на жизни уже десятков тысяч людей — почитай, всего служилого сословия.

Знала ли Россия обо всем этом, когда ехала не в Москву, к Софье, а в Троице-Сергиеву лавру, к Нарышкиным? Ну, конечно же, знала, а если и не могла выразить словами, то чувствовала, понимала не словесно, а на уровне эмоций. Да и как можно было всего этого не знать?!

Ну, вот он и сделанный выбор...

А КАК ЖЕ ЗАГОВОР?!

Да!!! А как же загадочные «мужики в кустах», от которых ускакал перепуганный Петр? А их так и не нашли, этих мужиков, и совершенно непонятно, были они вообще или нет. Те трое бродяг, пойманные посреди Кремля, — те точно были, их видели многие люди. А вот затаившихся убийц юного Петра, посланных врагами, чтобы лишить Россию ее трепетной надежды, — этих уже не видел абсолютно никто, кроме принесшего весть — мол, затаи-

лись и ждут... И возникает уже совершенно нешуточный вопрос — а были ли они вообще, эти невидимые никому посланцы Софьи? Тут возможно несколько предположений.

1. Покушение было, но по каким-то причинам не удалось, и преступники, обнаруженные караулом, убежали.

Вряд ли Софья была столь благородна, что уж и не допускала мысли о подосланных к братцу убийцах. Но почему тогда они не воспользовались его отлучкой в Кукуй? Ведь Петр как раз вернулся из Кукуя очень незадолго до того, как к нему вбежали, рассказали о поджидающих убийцах. Ездил он чаще всего один или с очень небольшим числом людей. Если уж устраивать покушение — трудно найти лучшее время и случай. А знали о поездках в Кукуй многие, и вычислить маршрут не было никакой сложности.

Можно, конечно, пуститься в художественную литературу, рассказать историю позанятнее — как прогрессивные стрелцы получили реакционное задание убить Петра, но оказались не в силах лишить Россию ее опоры и надежды. Они специально показали себя караулу — чтобы и задание провалить как бы нечаянно, и всеми любимого прогрессивного монарха уберечь.

Но если не ударяться в такого рода «психологические» бредни — в общем, реально маловероятный вариант.

2. Караул столкнулся с какими-то бродягами или разбойниками, но эти бродяги или разбойники не имели никакого отношения к Софье и никакого задания убить Петра отродясь не получали.

Такой вариант уже более вероятен; по крайней мере, его можно рассматривать всерьез. Очень возможно, что так оно и было.

3. Наталья Кирилловна сама организовала крики об убийцах, о столкновении патруля с вооруженными и затаившимися. Зачем? Тут имеют право на жизнь как минимум две версии.

Одна — чтобы поугатать сына, заставить больше думать о своей безопасности, ездить в Кукуй с вооруженной компанией, а не вдвоем с Меншиковым или даже во-

обще одному. Если так — последствия ее воспитательно-го хода оказались много сильнее ожидаемых.

Вторая версия — что Медведиха как раз очень хорошо просчитала все возможные последствия своего хода и получила как раз то, чего хотела. Действительно, ведь ситуация созрела! Петр женат, передать ему власть уже можно, и пора расчищать дорогу к трону. Как расчищать? Лучше всего — провокацией! Потому что попросту собрать свою армию и напасть на войска Софьи — это очень уж сомнительный поступок. Он и нравственно ущербный, а ведь правителю нужна хотя бы тень права, чтобы он мог спокойно наслаждаться властью.

Он и политически ущербный, сомнительный. Такой поступок очень легко может обернуться как раз тем, что дворянское ополчение примет сторону обиженной Софьи. Тогда воинское сословие России нанесет удар не по Софье, а как раз по Петру и Наталье Кирилловне.

Организовать дело так, чтобы кончить все одним мгновенным ударом? А если не получится одним? А как быть потом, когда Петр воссядет на еще теплый после Софьи трон? Нет-нет, правителю нужно основание стать правителем, нужна хотя бы тень права, почиющая на его державе...

В общем, самое лучшее — это не планировать военную операцию, да и не женское это занятие. Лучше планировать как раз хитрую интригу, чтобы это Софья напала бы первая или, на худой конец, «напала» бы... В этой игре нервов, в постоянном ожидании каждым участником событий какой-нибудь гадости очень легко могли поверить буквально в любую, самую примитивную подначку, а не то что в убийц, притаившихся за околицей. Убийц-то как раз ждали чуть не каждый день...

И уж конечно, не было ничего проще напугать до полусмерти не вполне вменяемого, невротизированного до предела Петра — как раз в нужный момент и как раз в нужную меру.

НОВАЯ СИСТЕМА ВЛАСТИ

Отправив в ссылку Софью и Василия Голицына, Нарышкины и не подумали даже пальцем тронуть «перво-

го царя» Ивана. Во-первых, если Софья и злоумышляла против Петра, хотела пролить родную кровь, то уж никак не хотел этого Иван. Если бы и возвели на него напраслину — никто все равно не поверил, потому что был Иван человек, может быть, и слабоумный, но, во всяком случае, добрый и спокойный. И много раз уговаривал мириться обоим — и Петра, и Софью (как будто в них самих было дело!).

Да и не был он никому помехой, добрый и глупый царь, тихо сидевший себе на троне да сидевший и кротко подписывавший все, что ему только ни подсовывали. Помер Иван очень рано, чуть не дотянув до тридцати, осенью 1696 года. До самой его смерти оба царя на официальных церемониях сидели рядом, на специально сделанном «двойном» троне. К Ивану иностранные дипломаты даже обращались к первому как к старшему, «более главному» царю. Петр жаловался, что у «братца Ваньки» «из носу воняет» и что он «дурак несусветный», но нарушить церемонию не мог. Он кротко высиживал, если не получалось сбежать.

А главное, братец вовсе и не мешал ему править. Мешала собственная мама, а как она померла — и не стало никаких препон для юной, деятельной натуры. Иван даже не очень понимал, что делает брат, а уж воспрепятствовать поступкам Петра ему бы и в голову не пришло.

Так с осени 1696 года Петр I Алексеевич оказался единственным царем Московии. Не потому, что он готовился к династической войне и сумел ее выиграть — а потому, что был знаменем победившего клана. Он был сыном матриарха этого клана, и очень может быть — отравительницы его брата. Не потому, что готовился к царствованию, и, уж конечно, не потому, что намеревался провести какие-то реформы.

Шанс стать царем у Петра I появился после смерти его отца и старшего брата. Шанс реализовался вследствие хитрой интриги матери. Он сделался царем как знамя изменности и консерватизма. Прямым следствием его прихода к власти стало правление серого и вороватого клана Нарышкиных, развал сделанного его предшественниками.

Называя вещи своими именами, Петр I, младший сын Алексея Михайловича Романова, случайно сделался русским царем, и в этом смысле — случайной судьбой Московии и всей России.

Зададимся вопросом — кто же оказался этим царем?

Человек с какой подготовкой и с какими личными качествами? Ведь теперь от личных качеств его, неограниченного монарха, зависело невероятно многое.

Глава 2

ВОСПИТАНИЕ

Существовали важнейшие причины, по которым Петр и после смерти матери в 1694 году долгое время почти не занимался управлением государством. Одна из них — полное отсутствие систематического образования.

Федора, наследника престола, и Софью учил Симеон Полоцкий — монах из Западной Руси, окончивший Киево-Могилянскую академию. Образованнейший человек, писавший стихи на русском, польском, латинском языках, ставивший собственноручно написанные пьесы назидательного содержания и выпускавший сборники проповедей, он очень даже имел, чему научить царевича и царевну. Только вот Петром он отродясь не занимался — считалось, что нечего тратить время и силы на образование младшего царевича, который все равно никогда сидеть на престоле не будет.

Подход это и не гуманный, и не особенно разумный. В наш более справедливый и просвещенный век у него найдется немного сторонников. Но тогда очень часто наследнику давали гораздо лучшее образование, чем остальным царским детям. Для Петра же сочли вполне достаточным дьячка — Никиту Зотова. Сохранилось замечательное описание того, как Зотова сделали учителем Петра. Знаем мы об этом из записок некого Крекшина, который из любви и благоговения к Петру лет тридцать собирал любые известия, сообщения, документы, бумаги — лишь бы они имели к Петру хоть какое-то отношение.

По старомосковскому обычаю Петра начали учить с пяти лет. Его старший брат и крестный отец, Федор, не раз говаривал куме-мачехе, царице Наталье (которая была старше его самого всего на 10 лет): «Пора, государыня, учить крестника». Царица просила Федора найти учителя «кроткого, смиренного, Святое Писание сведущего».

Приближенный царя Федора Алексеевича, Федор Соковнин, и указал царю на подходящего «мужа кроткого и смиренного, и грамоте и писания искусного» — на Никиту Моисеева сына Зотова, подьячего приказа Большого Прихода.

Царь пожаловал его к руке и проэкзаменовал в присутствии Симеона Полоцкого. Симеон одобрил чтение и письмо Зотова, и тогда Соковнин повел Зотова к вдове царя Алексея, Наталье. Наталья Кирилловна приняла его, держа Петра за руку, и сказала:

— Знаю, что ты доброй жизни и в Божественном Писании искусен; вручаю тебе моего единственного сына.

Зотов же залился слезами от волнения, упал на колени со словами:

— Недостоин я, матушка, принять такое сокровище!

Царица пожаловала его к руке и велела назавтра начать обучение.

Идиллическая картинка, ничего тут не скажешь! Такая идиллическая, что даже как-то неловко, рассказав ее, тут же расследовать, кто же кого приучил к запойному пьянству: Никита Зотов Петра или наоборот?! Из чего, помимо всего прочего, следует подтверждение высказанной Иваном Тургеневым мудрости: «Друг Аркадий, не говори красиво»¹. Как правило, рассказывание красивых идиллий призвано только скрыть какие-то неприглядные факты. А Никита Зотов то ли изначально был горьким пьяницей, то ли его сделал таким Петр, что тут поделаться?!

Может, конечно, возникнуть естественнейший вопрос: как мог спойть Никиту Зотова шести-, от силы десятилетний малыш?! А очень просто. Сам, своими собственными ручками семилетнего ребенка он, конечно же, не смог бы сладить с тщедушным, но вполне взрослым Зо-

¹ Тургенев И.И. Отцы и дети. М., 2002. С. 39.

товым, вошедшим в какую-никакую, а мужскую взрослую силушку... Но «зато» у Петра были потешные войска, и он пользовался ими вполне квалифицированно, как и подобает военачальнику.

Петр желал бегать и играть, он буквально минуты не мог сидеть на месте спокойно. Книжное учение требовало (и в наши дни тоже требует) внимания, усидчивости, времени. Зотов требовал, чтобы Петр сидел за столом и учил буквы, читал и считал. И тогда Петр приказывал потешным солдатам поймать Зотова, привязать его к стволу толстого дерева. Не прикрутить, как это делается в фильмах про индейцев! Зотов был одним из очень немногих людей, к которым Петр был все же гуманен, и с ним поступали приятнее. Никиту Зотова крепко обвязывали веревкой вокруг пояса — так, чтобы он не мог отвязаться и убежать, а другой конец веревки крепили к стволу дерева (так привязывают к колышку козу).

А чтобы первому учителю было не скучно, в пределах его досягаемости оставляли приличную баклажку с сивухой. Делать Никите Зотову больше ничего не оставалось, потому что Петр убегал с потешными на весь день, заниматься более увлекательными делами. Привязанный Зотов уже от нечего делать все прикладывался и прикладывался к баклажке, пока не приходил в замечательное состояние духа, а потом не засыпал. Добрый Петя Романов, будущий царь Петр I, даже оставлял Зотову ветоши, чтобы было на чем прилечь, чтобы не на голую землю!

Вот так, по одной из версий, и спился бедный Никита Зотов.

Другая же версия состоит в том, что Никита и до того попивал, хотя пока что и умеренно. Заметив, что Петр очень уж «резов», Никита начал давать ему «глотнуть» своего любимого напитка. Петра водка оглушала, он сидел более смирно, и Никита заканчивал урок... Вот так Петр и начал спиваться.

Я не буду настаивать на верности ни одной из этих версий, но замечу — они могут быть обе справедливы, в одно и то же время. К невероятно раннему приобщению Петра к алкоголю, к его жгучему интересу к сивухе мы еще вернемся, пока же отмечу — ну, конечно же, не осо-

бенно многому можно было научиться у Никиты Моисеевича Зотова.

Петр прошел с Зотовым азбуку, часослов, Псалтырь, даже Евангелие и Апостол. Уже подростком и взрослым он мог читать и петь на клиросе не хуже дьячка, знал наизусть большие куски Евангелия и Апостола. Невеликое учение? Ну что ж... От Никиты Зотова больше «перенять» было и невозможно.

Вот книжки с картинками Петр любил! Специально для него Зотов просил царицу выдавать «книжки с кунштами» и исторические сочинения из дворцовой библиотеки. Наталья Кирилловна разрешила брать книжки и дала задание живописных дел мастерам из Оружейной палаты делать интересующие Петра иллюстрации. Составились постепенно целые «потешные тетради», где красками и золотом изображены были солдаты, города, войны, оружие, сражения, тексты сказок и целые иллюстрированные повести.

Но картинки картинками, а писал Петр с жуткими ошибками. Даже учение у голландца Тиммермана — уже подростком, в 1687 году, мало что исправило. Тиммерман показывал ему всевозможные диковины, типа астролябии или компаса, и это Петра очень развлекало. Но по-прежнему он затруднялся сделать абсолютно все, что требовало хоть малейшего усилия, и при любопытстве ко всему занимательному делал кошмарные ошибки.

Часто говорят об интересе Петра ко всему новому, о жажде познания и так далее. Но в том-то и дело, что Петр стремился не столько заниматься этим «новым», сколько развлекаться. Любой сколько-нибудь опытный педагог прекрасно знает разницу и буквально чувствует ее.

Так же обстояло дело и со знанием языков. Петр мог довольно свободно объясняться, читать и писать по-немецки и по-голландски, понимал французскую речь, но и на иностранных языках был чудовищно неграмотен. Активно общаясь с немцами или с иностранцами, которые жили в среде немцев и хорошо знали немецкий язык (например, шотландские офицеры), Петр попросту дико мешал русский язык с немецким и голландским — лишь бы

его понимали и он хотя бы примерно понимал собеседников.

В письмах к Меншикову Петр часто писал русскими буквами такие немецкие фразы, как «Мейне либсте камарат» или «мейн бест фронт» (смешав, кстати, в одной фразе немецкий с голландским), а архангельского воеводу Ф.М. Апраксина именовал *Min Her Geuverneur Archangel*, ухитрившись опять перемешать немецкий с французским.

А Франц Лефорт в 1696 году писал Петру «по-русски», но латинскими буквами: «*Slavou Bogh sto ti prechol sdogova ou gorrod voronets. Daj Vos ifso dobro sauersit i che Moscva sdogovou buit*». Скорее всего, Петр понимал!

В сущности же, Петр не был толком грамотен ни на каком языке — ни на русском, ни на немецком.

Принято отмечать огромные познания Петра в самых разных областях... Но в чем состояли эти познания? Это или практические навыки, например умение работать на различных станках. Петр гордился своим умением выточить любую деталь, которая нужна в корабельном деле, при постройке морского корабля. Известна история, когда он привел голландский корабль в Санкт-Петербург, выполнив работу лоцмана.

Или же это обрывки знаний, без системы, без философской или общенаучной подготовки. Так, свалка разных «любопытных» сведений — кусок отсюда, кусок оттуда... По такому же, с позволения сказать, принципу, кстати, создана и знаменитая Кунсткамера — это ведь вовсе не музей Естественной истории, не универсальный музей «всего на свете» (как Британский). Это собрание диковинок — всего, что удивляет, шокирует, вызывает отвращение или привлекает своим болезненным отклонением от нормы. По материалам, например, Зоологического музея или Музея антропологии и этнографии можно составить представление о целых разделах науки... но не по материалам Кунсткамеры.

Петр I не проявил никакого устойчивого отношения к наукам и искусствам; все его «ученые познания» бессистемны и совершенно не показывают серьезных знаний ни в одной области культуры или науки.

СТРАННАЯ ФОБИЯ ПЕТРА

Петру вообще очень свойственны разного рода «фобии», порой исключительно причудливые. В их числе и лютая ненависть к старинным родам. Откуда?! Как может царь, первый дворянин в государстве, буквально исходить ненавистью к аристократии?! Стремясь любой ценой оправдать и обелить Петра, это объясняют порой «тяжелыми впечатлениями детства». Мол, Петра в малолетстве жестоко обижали бояре, и этот рубец остался у него на всю жизнь.

Гораздо труднее указать на конкретные обстоятельства этих обид: кто унизил бедного Петрушу, когда и по какому поводу? Потому что никаких конкретных свидетельств такого рода история не сохранила. Даже потеряв отца очень рано, в три с половиной года, Петр вовсе не рос сиротой. О его матери можно (и нужно) сказать много дурного: и безответственная она, и неумная, и жестокая, и государственными делами заниматься неспособная, и в средствах никогда не стеснялась. Но сына и дочерей Наталья Кирилловна любила, заботилась о них и в обиду никогда бы не дала.

С трех же лет Петр жил в отдалении от двора, в селе Преображенском, куда ездили только бояре, близкие к Нарышкиным или входившие в их клан. События «Хованщины» 1682 года могли образовать психологический рубец и у людей покрепче 10-летнего мальчика. Тогда на его глазах убили любимого дядьку Матвеева.

Но и тут, во-первых, лично Петра никто не обижал, а во-вторых, обидчиками-то были стрельцы, а обижаемыми — знатные дворяне, Михаил Долгорукий или Артамон Матвеев. На залитой кровью Красной площади 15 мая 1682 года естественнее было бы стать ненавистником черного народа и защитником старинной знати.

Князь Борис Куракин приводит в своей «Истории о царе Петре Алексеевиче» гораздо более реальную причину этой фобии: «Начало падения первых фамилий надо видеть еще в детстве Петра, когда царством управляли царица Наталья Кирилловна и ее брат Лев Нарышкин. В том правлении имя князей было смертельно возненави-

дено и уничтожено как от царского величества, так и от персон тех правительствующих, кои кругом его были, оттого что все оные господа, Нарышкины, Стрешневы, Головкин, были из домов самого низкого и убогого шляхетства, и всегда ему внушали с молодых лет против великих фамилий».

В общем, воспитывали Петра те, кто сидел в Преображенском, а потом захватил власть. Клан Нарышкиных, происходивший вовсе не от князей, а от стрелецкой верхушки и от офицеров в полках нового строя. И воспитывал, понятное дело, в своем вкусе.

Впрочем, помимо прямых внушений и подзуживаний круга, в котором воспитывался Петр, у него были и другие, чисто личные причины не любить образованных и воспитанных людей: сам-то он к их числу не относился. Можно как угодно относиться к высшей знати, ведь любовь и нелюбовь к любой общественной группе — дело личное. Но, во всяком случае, знать и хорошо образована, и хорошо воспитана. Петр плохо владел даже собственным языком, лишь годам к 16 овладел четырьмя правилами арифметики, совершенно не знал литературы и искусства. Это уже ограничивало его возможности, сокращало число собеседников и создавало комплекс неполноценности.

Но, в конце концов, можно было сидеть за столом и вообще ничего не говорить, а только улыбаться и всем своим видом изображать, как изливается на окружающих «монаршая милость». Но в том-то и дело — и вести себя за столом... вообще вести себя в обществе Петр тоже совершенно не умел. Не умел самых элементарных вещей, обязательных для воспитанного человека той поры. Не умел подать стул и не умел сам красиво сесть или принять от слуги тарелку; не умел пользоваться салфеткой, ножом и вилкой.

В 1697 году, отправляясь в Европу вместе с «Великим посольством» под именем Петра Михайлова, Петр встретился в местечке Коппенбург с двумя знатными дамами: курфюрстиной бранденбургской Софией Шарлоттой и ее матерью, курфюрстиной ганноверской, Софией. Встреча произошла по инициативе дам, которые потом

записали свои впечатления в дневники: курфюрстинам очень уж хотели видеть Петра, «царя варваров». По словам Софии Шарлотты, Петр в первые минуты встречи все закрывал лицо руками и бормотал: «Я не могу говорить...» Но гораздо более сильное впечатление на курфюрстину произвело другое: «Видно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность».

Курфюрстины, к сожалению, стали судить по Петру обо всей России и всех русских, заложив тем самым отвратительную традицию видеть в нас забавных дикарей, своего рода «белых папуасов», и сочли Петра «очаровательно диким». Но ведь то курфюрстины, жаждущие экзотики, а то Голицыны и Долгорукие. Своих-то не обманешь, и «очаровательным дикарем, естественным и непринужденным» ты в их обществе никак не прослы-вешь.

Тем более Петр совершенно не способен был поддерживать светскую беседу. Для этого он попросту недостаточно хорошо знал и русский, и другие языки и совсем не знал литературы, истории, культуры, архитектуры... вообще всего, что называется таким неопределенным словом — культура.

Кроме того, Петр абсолютно не умел учитывать личности собеседника, хоть в какой-то степени применяться к нему, говорить о том, что может быть интересно этому собеседнику. Тем же курфюрстинам он рассказывал о том, как собственноручно пытал стрельцов, а одному католическому священнику — про то, как казаки вешают и сажают на кол ксендзов.

Конечно, все это связано с воспитанием в кругу «самого низкого и убогого шляхества», нет слов! Но возникает естественнейший вопрос — а почему сам Петр не изменил такого положения вещей? В конце концов, не такая это великая тягота — научиться вести себя в обществе, почитать книги, пообщаться со знающими людьми... Ломоносов, в 20 лет попавший в Славяно-греко-латинскую академию, тоже был и груб, и дик... первые годы, а кое в чем и только лишь первые месяцы. Не он первый, не он последний.

Великолепный есть диалог у Тургенева:

— Понимаешь, меня вывихнули с детства...

— Понимаю. Но тебе уже 35... Поди да ввихни себя обратно!

Действительно. Почему же Петр ни в 35, ни в 45 лет так и не «ввихнул себя обратно»? Почему он не воспитал себя сам, не привлек нужных для этого людей? Почему он до конца своих дней ел руками, громко чавкал и орал, указывал и тыкал пальцами, напивался до скотского состояния, чесал голову и пукал за столом, пугал и оскорблял собеседников?

А вот почему...

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

О серьезном нервно-психическом заболевании Петра говорят все историки, изучавшие эпоху. Одни говорят об этом заболевании сочувственно, другие — не очень. Связывают это заболевание с очень разными событиями в его жизни, но сам по себе диагноз особых сомнений не вызывает. Позволю себе привести обширную цитату из книги американца Мэсси, который вообще-то воспринимает Петра крайне восторженно и пишет все это вовсе не для того, чтобы его как-то унижить: «...молодой царь начал страдать досадным, нередко заставлявшим его испытывать мучительные унижения недугом. Когда Петр возбуждался или напряжение его бурной жизни становилось чрезмерным, лицо его начинало произвольно дергаться. Степень тяжести этого расстройства, обычно затрагивавшего левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой лицевой тик, длившийся минуту или две, а иногда — настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц левой стороны шеи, после чего спазм охватывал всю левую половину лица, а глаза закатывались так, что виднелись одни белки. При наиболее тяжелых, яростных приступах затрагивалась и левая рука — она переставала слушаться и произвольно дергалась; кончался такой приступ лишь тогда, когда Петр терял сознание.

Располагая только профессиональными описаниями симптомов, мы никогда не сможем наверняка установить

ни саму болезнь, ни ее причины. Скорее всего, Петр страдал малыми эпилептическими припадками — сравнительно легким нервно-психическим расстройством, которому в тяжелой форме соответствует истинная эпилепсия, проявляющаяся в так называемом большом припадке. Насколько известно, Петр не был подвержен этому крайнему проявлению болезни: никто не видел, чтобы он падал на пол и изо рта у него шла пена или утрачивался контроль над телесными отправлениями. В его случае раздражение возникало в отделе мозга, управляющем мышцами левой стороны лица и шеи. Если источник раздражения не исчезал или хотя бы не ослабевал, соседние отделы мозга тоже приходили в возбуждение, что и вызывало произвольные, судорожные движения левого плеча и руки.

Еще труднее, не зная наверняка характера заболевания, точно указать его причину. Современники Петра и авторы более поздних исторических трудов предлагают целый спектр мнения. Одни приписывают эти судороги травмирующему воздействию того ужаса, который он испытал в 1682 г. ...Другие находили истоки болезни в потрясении, перенесенном им семь лет спустя, когда Петра разбудили среди ночи в Преображенском вестью о том, что стрельцы идут убивать его самого. Третьи грешили на безудержное пьянство, к которому царь пристрастился с легкой руки Лефорта — чего стоит один Всепьянейший собор! Был даже слух, просочившийся на Запад из Немецкой слободы, будто недуг царя был вызван ядом, который подослала ему Софья, пытаясь расчистить себе дорогу к престолу. Однако самой правдоподобной причиной эпилепсии, особенно если больной никогда не получал сильного удара по голове, отчего на ткани мозга может появиться рубец, считается перенесенное им длительное и тяжелое воспаление. В ноябре 1693-го — январе 1694 года у Петра на протяжении нескольких недель держался сильный жар — тогда многие даже опасались за его жизнь. Подобное воспаление, скажем энцефалит, способно вызвать образование на мозге локального рубца, впоследствии раздражение поврежденного участка под действием особых психологических возбудителей да-

ет толчок припадкам такого свойства, какими страдал Петр. Болезнь глубоко повлияла на личность Петра, ею в значительной степени объясняется его необычайная скованность в присутствии незнакомых людей, не осведомленных о его конвульсиях и потому не подготовленных к этому зрелищу»¹.

Я не претендую на знание медицинской стороны дела — энцефалитов, травм, рубцов, возбуждений отделов головного мозга. Но поправить Р. Мэсси мне все же придется, причем в трех очень важных деталях.

1. О тяжелой болезни Петра свидетельствуют вовсе не одни эпилептические припадки. Ничуть не меньшее впечатление на современников производило выражение выпученных глаз царя. «Непривычка следить за собой и сдерживать себя сообщала его большим блуждающим глазам резкое, даже дикое выражение, вызывавшее невольную дрожь в слабонервном человеке»².

Вообще же симптомов «душевного повреждения» у Петра так много, что даже перечислить их непросто. Взять хотя бы его приступы неуправляемой и совершенно иррациональной ярости. Впадая в ярость, Петр мог бросаться на людей с покрасневшим, искаженным лицом, бил их чем попало и куда попало. Как-то на пиру у Франца Лефорта, 14 сентября 1698 года, Петр стал страшно кричать на Шеина: «Вор! Вор! Сколько ты полковников продал, бляжий сын?!»

Это до Петра дошли слухи, что Шеин ставил за деньги в полковники. Не говоря дальше ни слова, Петр с побуревшим лицом размахнулся шпагой, и Шеин еле успел увернуться, шпага только разрубила блюда на столе. «Вот так я разрублю твой полк, а с тебя живьем сдеру кожу!» И Петр занес руку для второго удара. Никита Зотов и Федор Юрьевич Ромодановский бросаются, чтобы предотвратить смертоубийство, и тогда Петр наносит удар Зотову по голове. Счастье, что удар пришелся плашмя, Никиту только сильно ранило. Ромодановского Петр задел

¹ Мэсси Р. Петр Великий. Т. 1—3. Смоленск, 1996.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 487.

шпагой по руке и чуть не отсек ему пальцы. Скорее всего, царь убил бы Шеина, если бы не кинулся на выручку Франц Лефорт, хозяин пира. Хорошо, что его Петр бил только кулаками и ногами.

В таких случаях Петр мог представлять серьезную опасность для окружающих. Лефорту он сильно разбил голову; Меншикову, который пытался оттащить его от Лефорта, разбил локтем нос. Хорошо, что локтем, а не шпагой, хорошо, что нос, а не дыхательное горло, — вот и все, что можно сказать по этому поводу. То есть потом, наверное, Петр рыдал бы, что собственноручно убил лучшего друга Франца Лефорта, но в тот самый момент, когда НАКАТИЛО, — вполне мог убить.

Да! Воевода Шеин после этой истории куда-то безвестно пропал. Не буду ничего утверждать: наверняка ничего неизвестно. Но что пропал, это точно, и что никогда не была доказана его торговля должностями, тоже точно.

И позже так бывало много раз. В 1703 году при штурме Нарвы московитские солдаты устроили в городе такую «страшную резню без пощады женщинам и детям», что о ней вынужден писать даже подчеркнуто лояльный к Петру Соловьев¹. У сталинской содержанки, Алексея Толстого, получается так, что жена коменданта Нарвы, фру Горн, чуть ли не сама виновата в том, что ее убили московитские солдаты. Московия, а потом Российская империя — это воистину удивительная страна, где унтер-офицерские жены сами себя секут, а жены врагов сами себя душат. Впрочем, с нею связаны порой еще более загадочные вещи: например, в тот же день штурма Нарвы несколько сотен молодых женщин изнасиловали сами себя.

Пытаясь прекратить грабежи и убийства, Петр пришел в страшную ярость и заколол шпагой одного из собственных солдат; остальные разбежались. По словам того же С.М. Соловьева, Петр потом показывал эту шпагу жителям Нарвы со словами: «Не бойтесь! Это не швед-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VIII. М., 1962. С. 10.

ская, это русская кровь!» На каком языке обращался к жителям Нарвы Петр, Сергей Михайлович умалчивает.

Комментариев не будет.

Или взять приступы такой же иррациональной, истерической паники. Вроде бы Петр стеснялся своего панического бегства из Преображенского в Троице-Сергиеву лавру... Но, во-первых, стен Лавры он отнюдь не покинул наутро. Во-вторых, потом это же паническое бегство будет повторяться не раз и не два. Известна история про то, как Петр панически побежал, возвращаясь из «Великого посольства» в 1696 году, испугавшись неизвестно чего.

Так же истерически побежит Петр из-под Нарвы в 1700 году. А ведь в 1700 году панически бежит, бросив армию, уже не мальчик 17 лет, а взрослый дядя 28 лет. И не просто бежит, приступы паники и корчи повторяются несколько месяцев.

Тогда, помимо всего прочего, последует указ брать в солдаты монахов «попригожее», то есть поздоровее, и знаменитый указ снимать церковные колокола. Простейший расчет — под Нарвой шведы захватили 177 орудийных стволов, из них 116 — устаревшего образца (очень тяжелых и притом маленького калибра). Всего в Московии тогда было больше 1000 стволов... Ни малейшей необходимости срочно лить новые пушки вообще не было. А снимать колокола... Видите ли, у колокольной и орудийной меди разный состав, и перелить колокольную медь в орудийную очень непросто. Сделать это можно только с помощью специальных присадок. Таких присадок в Московии попросту не было, приходилось их ввозить, и к 1703 году из 90 тысяч пудов «заготовленной» колокольной меди перелили в орудийную всего 8 тысяч пудов. Остальные колокола так и валялись, но, конечно же, никогда не вернулись на подходящее им место — на колокольни.

Так что приходится прийти к выводу — не было этого ничего: ни острой необходимости снимать колокола, ни тупого сопротивления мракобесов-попов, не понимающих первоочередных нужд государства.

А был дичайший произвол, не вынужденный никакой необходимостью. И можно только гадать, была ли это

только растянувшаяся на месяцы истерика¹, сама по себе, или проявилась еще одна из фобий Петра — его устойчивая ненависть к церкви. Ну не любил он всего, что хоть как-то связано с церковью, в том числе колокольного звона. Ну неприятно ему было, что колокола звонят... Вот он и воспользовался случаем!

Но в любом случае: какие образы заставляют его так истерично и так неадекватно реагировать? Ведь назвать Петра трусливым человеком будет неверно. Он легко приучил себя «не кланяться» ядрам и гранатам при обстреле, хорошо вел себя во время шторма на Белом море в 1697 году, не боялся участвовать в рукопашной. Всю жизнь он ходил и ездил без охраны, появляясь в том числе и там, где ему могла угрожать реальная опасность. Так что паническое бегство, истерика — это никак не трусость, это все-таки заболевание.

Или взять его бесконечные, выражаясь мягко, причуды... Например, Петр I панически боялся тараканов. Почему?! Уж тараканы-то вполне определенно не были неверным войском, вроде стрелецкого, и не убивали близких ему людей. В тогдашней Руси с тараканами никто и не думал бороться, наоборот — их обилие в доме считалось верным признаком богатства. Потолок шевелится над печкой, тараканы срываются с потолка в горшок со щами — это те приметы быта, от упоминания которых посуровеет не одно лицо моих милых читательниц, современных опрятных хозяек: «Чтоб в моем доме!..» Но наши предки думали иначе, и поведение Петра объясняется как-то по-другому. Во всяком случае, такая фобия у него была, и, если Петр останавливался в незнакомой избе, тараканов в ней тщательнейшим образом выметали.

Не меньше боялся он высоких потолков и обширных помещений. О вкусах Петра, его требованиях к жилищу легко судить по «Домику Петра» в современном Летнем саду в Петербурге.

¹ Врачи не признают термина «затянувшаяся истерика». Для них истерика — это однократный, не очень продолжительный приступ. Поэтому на своем определении я не настаиваю, пусть медики приведут более точный. — А.Б.

Полагается говорить о скромности Императора... Но больше всего поражает все-таки теснота помещений и низкие потолки. А если Петру все-таки приходилось ночевать или жить в комнатах с высокими потолками, для него натягивали парусиновый полог, изображали низкий потолок.

«Зато» вот что Петр любил, так уж любил! Например, обожал уксус и оливковое масло и поедал их в огромных количествах. Если же замечал, что кто-то от употребления этих яств на пирах уклоняется, приходил в страшное неистовство, приказывал человеку раскрыть рот пошире и силой вливал туда большущую бутылку уксуса или оливкового масла.

Как видите, при внимательном анализе материала симптомов не убывает.

2. Травмы головы Петр получал. Во время очередной «потешной баталии» пушечная граната взорвалась возле самого царя, и он чудом уцелел, но получил сильную контузию.

По другим данным, один из «потешных бомбардиров» по неопытности забил в пушку чересчур большой заряд. Орудие то ли разорвало, то ли отбросило, царь получил сильный удар по голове и потерял сознание.

Так что возникнуть (или усугубиться) болезнь могла еще и из-за этого.

3. Как видите, и современники и историки называют самые почтенные, самые веские причины для возникновения болезни — и с ужасной сценой, когда Матвеева оторвали от близких людей и сбросили на подставленные снизу копыя (у десятилетнего Петра остались в ручках ключья от его бороды). И с болезнями. И даже с ядом, подосланным Софьей.

Но все это маловероятно, потому что и до этого восстановления, до 15 мая 1682 года, мальчик порой вел себя, выражаясь мягко, странновато — например, совершенно не мог высидеть спокойно ни минуты. Просто был не способен сделать над собой усилие и посидеть на месте достаточно долго, чтобы нарисовать картинку или выслушать короткую историю. «Нехватка фиксации внимания» у детей старше 2—3 лет у психиатров рассматривается как

симптом довольно серьезного невроза, среди всего прочего, препятствующего обучению и воспитанию ребенка... Что и имело место быть.

В четыре, пять, семь лет Петр уже очень любил что-то разбить, сломать, бросить на землю. Обожал, например, бить посуду, и если не позволяли — истерически бился, визжал, колотился об землю и об руки державших его людей.

Еще один симптом — невротические движения головой, когда царевич от возбуждения или испуга задирает к небу личико, дергал всеми лицевыми мышцами, не мог удержать дрожь в руках. Как-то стрелец, глядя на вертящегося головой Петра, произнес:

— Ну кот! Чистый кот!

А было это за шесть лет до событий 1682 года, когда Петру еле исполнилось 4 года.

Так что вряд ли убийство Матвеева стало первопричиной психического расстройства Петра, и вообще непонятно — приобретенная у него болезнь или врожденная. Или целый пучок болезней?

Не менее яркий признак нездоровья Петра — его неспособность сосредоточиться, остановиться, углубленно задуматься о чем-то. Говоря о невероятной работоспособности Петра, часто забывают уточнить: никто никогда не видел его читающим серьезную книгу (даже по его любимому морскому делу) или пытающимся вникнуть в тонкости юриспруденции, богословия или литературы. Все сколько-нибудь сложное просто не привлекало его внимания, и времени и сил на это он не тратил. Петр никогда не гулял один, его не заставляли погруженным в размышления (исключение — последние два-три года жизни, когда Петр впал в страшную депрессию). Он также никогда не бывал один в церкви, не молился затаенно, «своему».

Если даже лжива история про то, как Зотов подпаивал маленького Петра — иначе он не мог усидеть смирно, доказывает — эти черты личности Петра проявились уже в 5—6 лет.

Сама неспособность сосредоточиться ни на чем определенном, поверхностность, неупорядоченность сами по себе могут послужить материалом для диагноза. Ведь на

свете нет людей принципиально необучаемых. Нет и не может быть на свете психически нормального мальчика, которого невозможно обучить ни правильному письму, ни социально приемлемому поведению. Тут сам факт необучаемости говорит о серьезных психических отклонениях.

Даже во время так называемого отдыха Петру необходимо, чтобы вокруг было шумно, многолюдно, чтобы вокруг танцевали, орали, плакали и пели, и чем шумнее — тем лучше. Для него самого тоже в часы «отдыха» больше всего характерно речевое возбуждение, неспособность остановиться. Петр как бы не дает самому себе времени подумать о чем-то серьезном.

Привычку Петра постоянно куда-нибудь мчаться историки склонны воспринимать чуть ли не романтически: ведь нельзя же было по-другому, другими средствами «поднимать Россию на дыбы», строить флот и громить супостатов. По словам В.О. Ключевского, «лет под 50, удосужившись взглянуть на свою жизнь, он увидел бы, что он вечно куда-нибудь едет»¹.

Трудно сказать, насколько это было необходимо — все время куда-то мчаться, а не управлять из того же Преображенского дворца или из Грановитой палаты. Но уж конечно, не было никакой необходимости на пирах поминутно выбегать из комнаты, чтобы размяться. По-видимому, Петр просто органически не мог высидеть на одном месте; что-то все время гнало его за горизонт.

Но если он и не ехал, не мчался никуда, Петр тоже все время был «занят», причем все «дела» и все «занятия» Петра, о которых мы знаем, — это простейшее механическое движение, суетливость, беготня, движения руками и ногами. Он словно бы избегает всякой возможности остаться один на один с собой, с природой, с Богом или с человеческой мудростью. Он заполняет до отказа все свое время, забивает его этим, по большей части совершенно бесцельным, движением.

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 488.

Кто-то может возмутиться: почему «совершенно бесцельным»?! Ведь Петр все время занимался государственными делами! Он написал 20 тысяч одних указов!

ОБ УКАЗАХ ПЕТРА

Но ведь как раз эти 20 тысяч указов — яркий пример душевного нездоровья Петра. Царь действительно писал эти указы постоянно, в том числе и в самых мало подходящих местах: например, во время поездок, в возке, в курной избе на лавке или сидя прямо на бревне или на пне, пока перепрягают лошадей.

Вроде бы, ну какая самоотверженность! Какая преданность долгу! Но в числе указов Петра есть множество таких, например: «Подчиненный перед начальником должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство».

Или вот: «Поелику по Невской перспективе шатается множество оборотов бездельных в штанах гишпанских, полиции их брать и лупить кнутом нещадно, пока сии гишпанские штаны в обрывки полные не превратятся».

Или вот указ о том, чтобы Петра извещали о начале каждого пожара за полчаса до его начала. Трудно понять, в чем его административная или любая иная ценность.

Даже если брать указы более солидные — и по размерам, и по смыслу... Среди таких указов есть и указ о повсеместном, в масштабах государства, переходе на использование косы-литовки вместо серпа. Петр пришел к выводу, что серпом жать поля долго, непродуктивно, и старательно пишет указ. Большая часть указов Петра очень похожа друг на друга по структуре; сначала пишется о том, что заставило Петра издать этот указ. Это, так сказать, объяснительная записка в указе, своего рода декларация. Подданным подробно разъясняется, до чего неправильно они шьют штаны, собирают хлеба, строят корабли и живут с женами.

В одном из поздних указов разъяснялось даже, что «Наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены

бывают... но когда выучатся, потом благодарят». Как видите, тут есть даже своя философия.

Потом излагается, чего, собственно, Петр хочет от подданных; так сказать, подробная инструкция, — что именно требуется делать или не делать. И в заключении идет устрашающий набор кар, перечисление пыток и казней, которым надо подвергать всех, кто указа вздумает не исполнять.

А.С. Пушкин говаривал, что указы Петра «как будто писаны кнутом». Мнение справедливое, но этого мало — указы Петра писаны без всякого учета реальности, и исполнение большей части этих указов попросту вредно.

Примеры? Пожалуйста! Вот, по крайней мере, два случая, когда исполнение указов Петра приводило к трагедиям.

Первый пример. Это когда Петр особым указом велел изменить ширину ткацких станков. Дело в том, что основную массу холстов выдělывали в те времена кустарным способом, поставив ткацкий станок в крестьянской или посадской избе. Станок был узким, потому что тесной и многолюдной была сама изба. Ни на количество сделанного, ни на качество холста ширина станка, конечно же, не влияла; только потом, когда из полотна уже шили рубашки, надо было отдельно раскраивать и сшивать два узких куска ткани. Эта техника так вошла в быт, что даже уже в XX веке на иллюстрациях к детским книжкам часто рисовали именно такие рубашки — с четко видимым швом посредине груди. Потому что эта техника дожила до XX века, а в XIX веке так даже часть фабричных ситцев выпускалась узкими, привычными для покупателей.

Но узкие ткани пережили эпоху указов Петра в глуши, в деревне, в провинции, куда не дошли эти указы, где их никто не читал, а если и читал — не исполнял. Для ткацких же мануфактур под Холмогорами указ оказался губительным, потому что широких станков, принятых в европейских мануфактурах, тут попросту не было. А если даже их и ввезли бы из-за границы (в чем не было ни малейшей необходимости), ставить такие станки было негде.

Холмогорские ткацкие предприятия работали по принципу «рассеянной мануфактуры» — работницам выдавали

сырье, платили, и они вырабатывали продукцию дома, а потом сдавали ее купцу. Это в Европе (и то не всегда и не везде) работники приходили из дома на производство, где и стояли станки.

В результате северные ткацкие мануфактуры пришли в совершеннейший упадок.

Кроме того, во время своей поездки на север Петр обнаружил «ужасную» вещь: дикари из Холмогор делали «неправильные» обводы судна! Не такие, как в Голландии! Правда, эти «неправильные» обводы корабелья делали вовсе не по невежеству, а потому, что строили корабли, приспособленные к плаваниям по ледовитым морям. Голландский-то флот даже в Балтийское море почти не плавал и севернее Эдинбурга не забирался; да, голландские корабли ходили быстрее — но они никогда не смогли бы плавать в таких широтах и в такой ледовой обстановке, как корабли поморов.

Указ Петра, повелевавший поломать все «неправильные» корабли и построить на их место «правильные», с такими же обводами корпуса, как в Голландии, привел к катастрофическим последствиям. Даже к более катастрофическим, нежели указ про ширину холстов. Ведь ткацких станков в Московии было сотни тысяч, и чтобы их всех поломать, потребовалась бы, чтобы вся армия и весь чиновничий аппарат не занимались бы ничем другим. К счастью, у Петра были и другие занятия.

А вот кораблей было всего несколько сотен, все они базировались всего в нескольких портах и были очень заметны. Корабли, соответственно, сломали, из сырого леса, наскоро, стали строить другие, но, когда построили, мореходными качествами прежних они вовсе и не обладали. Россия, русское Поморье, навсегда потеряла свой приоритет в северных морях; свое «ноу-хау», позволявшее ей очень уверенно конкурировать с любыми иноземцами и осваивать Субарктику и даже Арктику.

Ударил этот указ и по строительству кораблей, которые должны были ходить по Волге и по Каспийскому морю. Каспийские бусы строили в нескольких местах по Волге и по Оке; бус был огромным судном с водоизмещением до 2 тысяч тонн и длиной по палубе до 60 метров.

Для сравнения — ни одна из каравелл, на которых Колумб доплыл до Америки, не имела водоизмещения больше 270 тонн. Галеоны, на которых вывозились богатства Америки в Испанию, имели водоизмещение от 800 до 1800 тонн, и лишь немногие из них достигали размеров каспийского буса. Водоизмещение большинства торговых кораблей Голландии и Англии, в том числе ходивших в Индию, в Америку, на остров Ява, не превышало 300—500 тонн. На этом фоне даже коч, поморская лодия, водоизмещением до 500 тонн, весьма мало отличался от европейских кораблей по размерам, а каспийский бус их значительно больше.

Указы Петра уничтожили строительство этих кораблей, и спустя 50, 100 лет пришлось заводить флот, что называется, на голом месте.

Или вот указ про то, что помещики должны доносить про полезные ископаемые, которые скрываются в их землях. Если же помещики злым умыслом скроют эти полезные ископаемые — кнут, ссылка, отнятие имений, разжалование, опала! Откуда помещик, при полном отсутствии специального образования, без подготовки, сам-то узнает про эти полезные ископаемые — бог весть. Да и какие именно залежи и чего считать «залежами полезных ископаемых»? Скажем, хорошего качества песок — «полезным ископаемым» считать? А если его так мало, что годится такое месторождение только для самого поместья?

Был даже издан указ, в котором Петр подробнейшим образом рассказывал, как надо жениться. Как и когда производится помолвка, через сколько недель после нее уже можно и венчаться, что надо спрашивать и у молодых людей их желания, а не «творить брачные узы» без них, «одним родительским соизволением». А если кто-то ослушается, будет жениться не так, как написаю в указе, — тогда и жениха, и невесту, и всех родственников — кнутом их, забить в кандалы, сослать в отдаленные губернии... в общем, обычный набор, повторяемый из указа в указ.

Сечь кнутом и ссылать следовало тех, кто будет крыть крыши досками вместо введенных указом черепицы, дранки или дерна; тех, кто ставил печи на полу, а не на

специальном фундаменте; тех, кто не обмазывает глиной потолки; кто копает могилы не так, как велит Петр. Каторга угрожала всем, кто выделяет кожу для обуви дегтем, а не ворванью, кто не ходит в церковь по воскресеньям, кто ездит на невзнузданных лошадях и выпускает скотину без присмотра. В Петербурге под страхом каторги нельзя было пользоваться весельными лодками для переправы, а можно было только парусными; подробнейшая инструкция, как надо чинить, чистить, красить и сушить парусные лодки, занимала три страницы текста. Священнику, который ведет церковную службу небрежно, а во время литургии не «упражняется в богомыслии», тоже грозили кнут и ссылка.

Тут, правда, опять возникают вопросы: например, где найти критерий небрежности, с которой священник ведет службу, и как определить, упражнялся ли он в богомыслии? Определить, правильно ли красят лодку, все же несравненно проще. Указы Петра очень часто настолько неопределенны, допускают такие широкие толкования, что на основании хотя бы вот этого указа вполне можно хоть всю Православную церковь, и всех прихожан, и всех жителей Петербурга, и всех вступающих в брак вполне в одночасье «замести», перепороть кнутом и сослать прямо рядами и колоннами.

Остается только радоваться, что большая часть указов Петра никогда не была реализована. Большая часть из них просто не попала в провинциальные канцелярии — туда, где указы надо было начать исполнять. А если и попадали, то канцелярии на местах боялись что бы то ни было делать, и провинциальные чиновники старались не обращать на себя внимания.

Был, правда, случай, когда указ Петра честно пытались исполнить: вятский воевода Чаадаев честно постарался исполнить очередной указ про то, что воевода должен «заботиться о сиротских домах, академиях и школах, а также госпиталях». Сиротского дома в патриархальной Вятке не было, академии на всей Руси были в двух только городах: в Москве и в Киеве. Воевода основал только школу; нашел для нее помещение, учителей, а вот учеников для школы не было. Тогда воевода пошел по пути,

от которого не отказался бы, вероятно, и сам Петр: воевода послал по территории уезда солдат и драгун, чтобы они наловили нужное число подростков, подходящих по возрасту в ученики. Именно эта попытка вошла в историю как случай сопровождения учеников в школу под конвоем, и многие ученые и писатели рассказывали об этом бреде прямо-таки восторженно, как о полезнейшем примере. Так оно и было — водили мальчиков под конвоем, заставляли учиться. Что делали подневольные ученики? Зубрили букварь? Правильно, они бежали домой при первом же удобном случае, стоит солдатам зазеваться. Кончилось тем, что сбежали все, кроме троих, и надо отдать должное воеводе — он не стал ни возвращать именно этих беглецов, ни ловить новых «учеников», ни лупить кнутом родителей сбежавших, а «прикрыл» мероприятие и последних трех «учеников» отпустил тоже.

А население Вятской губернии теперь очень хорошо знало, что учеба — это не почетная обязанность, не привилегия обеспеченных слоев, не путь к жизненному успеху, а тяжелейшая повинность. Такая тяжелая, что без солдат никак не обойдешься... И какое влияние оказывало сие на народные нравы, догадаться нетрудно.

Понимал ли Петр, что он издает ненужные, бессмысленные указы и что исполнить все эти указы невозможно?

Если не понимал, то, простите, какой же он царь?

Если понимал, но продолжал дезорганизовывать собственное государство, необходимо задать тот же вопрос.

А если Петр I понимал, что его указы никуда и ни за чем не нужны и их никто не будет исполнять, то зачем продолжал их писать?

Тем более известны тексты Петра, которые невозможно прочитать — они написаны во время езды, когда возок бросало из стороны в сторону и на бумаге возникали странного вида черты, отдельные невнятные значки. Что характерно — Петр никогда не пытался восстановить эти тексты, то есть вовсе не пытался воспользоваться плодами собственной работы.

И приходится прийти к выводу столь же грустному, сколь и неизбежному: все это писание указов, в том чис-

ле и в дороге, — вовсе не есть деятельность государственного человека. Это лишь имитация такой деятельности. Своего рода судороги человека, который органически не может остановиться, прервать вечного бега в никуда, движения, совершаемого ни за чем.

Впрочем, в этом упорном, натужном издании все новых и новых указов проявилась еще одна черта Петра, которую тоже не назовешь вполне нормальной: стремление вникнуть абсолютно во все стороны жизни подданных, организовать решительно все и ни в коем случае не допускать, чтобы кто-то или что-то избежало бы регламентации.

Не надо думать, что автор первым отыскал эти черты Петра, а до того никто о них не подозревал. Знали все, кто занимался эпохой, хотя и осмысливали по-разному.

«Несчастье Петра в том, что он остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущение, что у его власти нет границ, а есть только опасности. Эта безграничная пустота сознания долго ничем не заполнялась. Мастеровой характер усвоенных с детства занятий, ручная черная работа мешала размышлению, отвлекала мысль от предметов, составляющих необходимый материал политического воспитания, и в Петре выростал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и нравственных сдержек. Недостаток суждений и нравственная неустойчивость при гениальных способностях и обширных технических познаниях резко бросались в глаза и заграничным наблюдателям 25-летнего Петра, и им казалось, что природа готовила в нем скорее хорошего плотника, чем великого государя»¹.

Правда, и здесь Ключевский непременно хочет оправдать царя Петра: «С детства плохо направленный нравственно и рано испорченный физически, невероятно грубый по воспитанию и образу жизни, бесчеловечный по ужасным обстоятельствам молодости, он при этом был

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 501—502.

полон энергии, чуток и наблюдателен по природе. Этими природными качествами несколько сдерживались недостатки и пороки, навязанные ему средой и жизнью»¹.

Обстоятельства молодости Петра были какими угодно, но только не «ужасными», но судорожная, болезненная подвижность, неспособность остановиться, поверхностность, неумение сосредоточиться были с ним всю его жизнь. Когда взрослого человека все время надо развлекать, занимать, увлекать или он сам изо всех сил развлекает себя, избегая любой возможности остановиться и задуматься, — это признак нездоровья. Стремление подчинить «правилу» всю жизнь — тоже ярчайший признак невроза, если не чего-то посерьезнее. Но если бы только в том было дело....

«БОЛЬНЫЕ ПРОЖОРЛИВЫ И СЕКСУАЛЬНЫ»²

Современников, потом историков поражала прожорливость царя. Если Алексей Михайлович в еде был крайне умерен, а за едой — аккуратен, то Петр был чудовищно прожорлив и несдержан в еде.

И так же неудержимо сексуален, далеко выходя за пределы приличия. Такое впечатление, что он просто не мог удержаться при виде любой понравившейся ему женщины, кто бы она ни была. Для него не существовало приличий, правил поведения за столом — он в любом обществе чавкал, набивал рот едой (оттуда падало), рвал пищу руками, не обращая никакого внимания на то, как реагируют сотрапезники.

Но точно так же для Петра не было правил поведения и в еще более деликатной сфере жизни. В конце концов, свою будущую вторую жену Петр попросту отобрал у Меншикова (быть может, была тут и провокация самого Меншикова, но ведь каков факт...). Может быть, Петр не понимал, какое впечатление на всех окружающих произ-

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 502.

² Детская психиатрия. Учебник/Под редакцией Э.Г. Эйдемиллера. СПб.: Питер, 2005. С. 79.

водят его романы то с английской актрисой, то с матросской девкой из Саардама, то с женами собственных подчиненных? Или ему было безразлично? Во всяком случае, если его отец и старший брат всегда держали себя в рамках приличий, то Петр не последовал их примеру.

Неумение удерживаться, стремление овладеть буквально всякой женщиной, которая только смогла ему понравиться, привело к закономерному итогу: известно более 100 бастардов Петра. Что характерно, он им никогда не помогал, объясняя это очень просто — мол, если будут достойны, сами пробьются.

О педерастии Петра говорили совершенно открыто еще при его жизни. Ученые же мужи, если и ведут споры, то исключительно о том, кто приохотил к педерастии Петра — Франц Лефорт или Александр Данилович Меншиков? Оба предположения одинаково вероятны. Мне трудно судить, насколько прав Лев Самойлович Клейн, напрямую связывая сексуальную активность и педерастию, мол, повышенная сексуальность — это в принципе родовая мета педерастов¹. Спорить не буду, потому что в этом мало разбираюсь.

Но, во всяком случае, при дворе мало кто не знал, что Петр «живет, Меншиковым бляжьим образом», как кричал один гвардейский сержант. Впрочем, и со многими гвардейцами Петр жил точно таким же образом. Сусальная пропаганда расхваливала простоту Петра, который так был непритязателен, так необычно прост в своих привычках, что часто спал в одной постели с матросами и солдатами. Только в простоте ли тут все дело?

ДИАГНОЗ

Собственно говоря, все эти симптомы очень хорошо известны специалистам: это симптомы состояния, которое называется «синдром гиперактивности и дефицита внимания» и приводится в медицинской литературе под аббревиатурой СДВ. Возможна и такая формулировка: «синдром дефицита внимания и гиперактивности», или

¹ Клейн Л.С. Другая любовь. М., 2000. С. 207.

«синдром нарушения внимания с гиперактивностью», но во всех случаях речь идет об одном и том же явлении.

Возникает этот синдром при кислородном голодании малыша при затяжных родах (роды у Натальи были затяжные), при родовых травмах головы или травмах черепа в первые годы жизни. «Симптоматика СНВГ почти всегда проявляется до 7 лет, обычно в 4 года. Средний возраст обращения к врачу — 8—10 лет: в этом возрасте учеба и работа по дому начинают требовать от ребенка самостоятельности, целеустремленности и настойчивости»¹. Саму же симптоматику я описывать не буду, потому что на примере Петра она уже описана очень подробно.

Вообще-то существует «эффективное, недорогое и безопасное» лечение синдрома, но если ребенка не лечить, почти наверняка у взрослого развиваются такие малосимпатичные проявления, как асоциальная психопатия и алкоголизм. Ведь дети, страдающие СНВГ, исходно маргинальны, не могут встроиться в нормальное сообщество и детей, и взрослых, не умеют добиваться исполнения своих желаний, целеустремленно работать, а у взрослых развиваются такие черты, как «постоянная двигательная активность. Больной все время в движении, напряжен... неспособен подолгу делать что либо сидя... все время на ногах, когда не двигается, чувствует себя неудобно»; нарушение внимания; неспособность до конца выполнить задание; вспыльчивость; непереносимость стресса; импульсивность.

Дополнительными признаками СНВГ врачи считают «супружескую неверность, низкие успехи в учебе и работе, не соответствующие уровню интеллекта и образования; злоупотребление алкоголем и наркотиками»².

Комментарии нужны?³

¹ Уэндер П., Шейдер Р. Синдром нарушения внимания с гиперактивностью // Психиатрия / Под ред. Шейдера Р. М., 1998. С. 222.

² Уэндер П., Шейдер Р. Синдром нарушения внимания с гиперактивностью // Психиатрия / Под ред. Шейдера Р. М., 1998. С. 234

³ Выражаю благодарность своей первой жене и матери моих сыновей, врачу-невропатологу Елене Александровне Буровской, которая помогла мне определиться с вероятным диагнозом Петра I. — А.Б.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА

XVII и **XVIII** века — это время господства механики в методологии науки. Из всех разделов физики господствовала именно она, навязывая свое отношение к миру и другим наукам и всей остальной жизни. Сама Вселенная в представлении ученых была как бы исполинскими часами. Про «небесную механику» и про «механику сфер» писали и Галилео Галилей, и Михаил Коперник. И общество, и человек представляли в виде простых механических схем, вполне однозначных и сводимых к движениям самых элементарных фигур.

Ученые-механицисты типа Вольфа, Пуффендорфа, Гроция или их учителя Лейбница настаивали на видении государства как исполинской машины. По словам Лейбница, в этой машине «как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы».

Вольф зашел, пожалуй, даже дальше: «Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз картинами, а уши — музыкою, пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзию, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые прилежали добродетели и благочестию».

В научной школе «регулярного государственного строя» смешивались две линии: понимания общества и государства как механизма и идея государства, подавляющего собой общество и руководящего абсолютно всем. Как видно из слов Вольфа, даже пением птиц и журчанием воды.

У меня нет никакого сомнения, что Петр и впрямь боготворил ученых-механицистов; что идеи «регулярного

государства» вызывали у него совершеннейший восторг. Я не сомневаюсь в свидетельствах современников, что Петр много лет переписывался с Лейбницем, а Вольфа даже позвал возглавить Санкт-Петербургскую де сиянс Академию наук.

Несомненно, Петру очень нравились и идеи насчет обязанностей подданных, которые, по мнению Вольфа, «должны с готовностью и охотно делать то, что власть находит нужным для общего благополучия». Петр очень жаловался курфюрстинам Софье и Софье Шарлотте на упрямство своих подданных: «под иным на дыбе вся шкура сойдет, а он все кряхтит да запирается». Идиллические подданные Вольфа, которые сами все делают «с готовностью и охотно», что им ни скажи власть (например, сами себя поднимают на дыбу), не могли его не радовать чрезвычайно.

Легендарный указ о том, что священник во время литургии должен «упражняться в богомыслии», родился задолго до чтения Вольфа. Любовь к упрощенному, элементарному, лишённому малейшего следа второго и третьего слоя, проявляется у Петра чуть ли не с рождения.

Об этом свидетельствует и невероятное стремление к регламенту. Петр очень любил составлять подробнейшие описания, что надо делать, после чего и как именно. Потуги учить крестьян убирать хлеб, посадских — ткать полотно, купцов, торговать, священников — думать о Боге, а всех вместе — плавать на лодках и жениться...

Об этом говорит и постоянное, упорное понимание Петром людей как механизмов или как неодушевленных орудий. Высшим, доведенным до предела проявлением этого было знаменитое запираение денщиков на ночь в шкапы. По-видимому, эти денщики для Петра не были тем, чем являются другие люди для любого взрослого человека; то есть они могут восприниматься как высшие или низшие, полноценные или не вполне, но во всяком случае это существа, обладающие своими характерами, волей, интересами. Для Петра же денщики, пожалуй, были чем-то вроде письменных принадлежностей или бумаги (или кнута, пыточных клещей — вставьте то, что вам покажется важнее): чем-то таким, что вполне уместно

спрятать в шкаф, пока не нужно. Наверное, так же поступали бы и мы с вами, если бы карандаши и ручки норовили бы сбежать и наутро не были к нашим услугам.

Не меньше свидетельствует о том же другой, менее известный эпизод.

В мае 1712 года все молодые дворяне, «недоросли», были вызваны в Петербург. «Был нам всем смотр, — вспоминает В.В. Головин. — А смотрел сам царское величество, и изволил определить нас по разбору на трое: первые, которые постарше — в службу в солдаты, средние — за море, в Голландию, для морской навигацкой науки, а самых малолетних — в город Ревель, в науку». Никакие личные склонности во внимание не принимались, и даже состояние здоровья недорослей Петра практически не интересовало. Скажем, в одной партии недорослей с В.В. Головиным был некий Михаил Голицын, и его тоже отправили «учиться на моряка». Выучиться на него Голицын не мог при всем желании, потому что страдал морской болезнью, но и это при распределении никак не было учтено.

Так же, чисто механически, распределялись молодые дворяне и во время других смотров. Петр устраивал смотры недорослям регулярно и так же регулярно отправлял их туда, куда хотел, по признакам чисто внешним, не имевшим ничего общего с их желаниями, склонностями и интересами.

Так что если не валить с головы больной на здоровую, то не европейские механицисты увлекли бедного Петра идеями «регулярного государства», а это Петр нашел в них то, что искал всю жизнь, и пришел в страшный восторг.

Напомню и про удивительное неумение Петра понимать собеседника, даже просто интересоваться — а что думают, что чувствуют люди? Петр не просто не умел видеть и чувствовать внутренний мир других людей. Похоже, он не очень понимал, что у других людей может быть своя внутренняя жизнь, что у них есть свои желания, мысли и эмоции.

Задолго до разрыва с первой женой, Евдокией, Петр собственноручно пытал обвиненного в краже казенных денег ее родного дядю, Петра Аврамовича Лопухина. Был ли Петр Аврамович хоть в чем-то виноват, до сих пор не-

известно, но вот как сказалась эта история на отношениях супругов — понятно, думаю, без комментариев.

Что это? Невероятный инфантилизм? Симптом психической болезни? Не берусь объяснить, потому что не специалист. Во всяком случае, Петр жил совершенно вне реальности, и это сказывалось не только в отношениях к людям. Один его указ «Докладывать о месте пожара за полчаса до его начала!» чего стоит.

А если вернуться к отношениям с людьми... Всю свою жизнь, с тех пор, как крохотный Петруша Романов дико визжал и бился, требуя дать ему разбить стакан или чашку, и до того, как пожилой царь начал хрипеть в последних муках, он был поразительно неадекватен всему миру, в котором посчастливилось ему родиться, в том числе и своему окружению. Причем Петр оказывался неадекватен любому окружению, любой ситуации, любой среде и любому общественному слою, в которых бы он ни оказывался.

Удивительный контраст с его отцом! Алексей Михайлович ухитрялся везде «вписываться», вполне оставаясь царем.

Если бы Алексей Михайлович не родился царем, он все равно мог бы сделать большую или меньшую, но карьеру. Но трудно представить себе без душевной тоски судьбу Петра, не будь он сыном царя, а будь сыном даже богатого и знатного, но все же не такого высокопоставленного человека. Сам, собственными трудами, он никогда бы не смог занять в обществе такого высокого и даже сравнимого положения.

Уже сказанного вполне достаточно, чтобы прийти к выводу: сама возможность того, что такие типы, как Петр, могут получить неограниченную власть, выглядит как беспощадный приговор неограниченной монархии.

Но есть, по крайней мере, еще две важные части жизни Петра, о которых пока не было сказано ни слова.

ПОТЕШНЫЕ

Во-первых, это «потешные войска!».

Еще в 1682 году в Москве, у Кремлевского дворца, была сделана площадка для военных игр 10-летнего Петра.

Ребенок этих лет упоенно командовал взрослыми, на несколько лет старше, парнями, отданными ему для развлечения. Военные команды, пальба, ружейные приемы — все это доставляет ему нешуточное наслаждение, Петр все больше втягивается в игру.

С высылкой Нарышкиных в Преображенское туда перемещается и «потешное войско». Само слово «потешное» имеет смысл уточнить — войско создается и впрямь для потехи царя, но оружие-то у него совсем не «развлекательное». Разделившись на «враждующие армии», потешное войско палит друг по другу не настоящими пулями и ядрами, конечно. В ружьях холостые заряды, и летит в противника только пыж (который может, впрочем, и ушибить, и обжечь). Пушки заряжаются пареной репой или горохом. Не ядро и не граната, но на несколько десятков метров летит раскаленная липкая масса, которая вполне может попасть в глаза или в уши, сбивать с ног и контузить.

В 1685 году на Яузе построен военный лагерь, который Петр велел называть «стольным городом Пресбургом» (или Прешбургом). С тех пор одна «потешная армия» берет город, а другая отбивается по всем правилам воинского искусства. Как было до этого времени, не знаю, но вот с этого года в «потешных войсках» вполне определенно появляются убитые.

«Потешные» нападают и на мирное население. Они исто-во, как и полагается военным людям, исполняют приказы, когда им приказывают навести заряженные репой пушки на купеческий караван или на знатного боярина со свитой, приехавшего увещевать Петра, уговаривать его прекратить безобразие. Это не моя выдумка! Несколько раз по прямому приказу Петра «потешные» нападали на подданных семьи Романовых и на будущих подданных самого Петра. На тех, кто спустя несколько лет будет ему присягать.

И позже, повзрослев, он будет бросать свою «потешную» армию на население собственной страны — и в 1687, и в 1690, и 1694 годах. В этом пункте Алексей Толстой пишет чистейшую правду: когда стал «потешным» генералом Федор Зоммер, из Пушкарского приказа привезли 16 самых настоящих орудий и «стали учить по-

тешных стрелять чугунными бомбами — учили строго: Федор Зоммер даром получать жалование не хотел. Было уже не до потехи. Много побили в полях разного скота и перекалечили народу». Совершенно справедливое описание, основанное на исторических источниках.

Сюрреалистическая картина: солдаты в металлических касках на голове и с ружьями наперевес гоняются за деревенским стадом, палят из пушек по крестьянам, убирающим урожай! А тем не менее картина это совершенно реальная, причем жаловаться на материальные расходы и даже на убийства некому. Ведь во главе безобразия — сам царь!

С 1686 года — в «потешные» зачисляются и взрослые люди, из «потешных» формируются батальоны. В 1687-м создаются целые «потешные полки» — Семеновский и Преображенский. Петр еще не единственный царь, а «второй» — но он уже главнокомандующий небольшой армией.

Иные из историков ставят в большую заслугу Петру, что он сделал в армии более длительные маневры, особенно истово готовил и тренировал солдат... Но это вовсе не были маневры в строго военном смысле этого слова; речь шла скорее о любимой игрушке, с которой Петр был не в силах расстаться.

Уже после переворота 1689 года, сделавшего Петра полноправным царем, и перевалив на третий десяток, Петр продолжал развлекаться точно так же. 2 июня 1690 года ему сильно опалило лицо при «потешном штурме» Семеновского двора. 4 сентября того же года возле Преображенского происходила «примерная» битва: лучший стрелецкий полк, состоявший из конных и пеших стрельцов, должен был драться против Семеновского полка и конных царедворцев. В этот день воевали до полной темноты, было много раненых и обожженных.

В октябре 1691 состоялся «великий и страшный бой у генералиссимуса Фридриха Ромодановского, у которого был стольный город Пресбург». В этот день очень отличились рейтары ротмистра Петра Алексеева, которые, в конце концов, и взяли в плен «вражеского генералиссимуса Ромодановского». Что под именем Петра Алексеева скрывался царь, читателю уже понятно.

По словам самого Петра, «день тот был равен судному дню», а ближний стольник царя, князь Иван Дмитриевич Долгорукий, «от тяжкие своейя раны, паче при изволении Божиим, переселился в вечные кровы, по чину Адамову, идеже и всем нам по времени быти». Сколько еще туда переселилось народу родом и чином помельче и поплоше, неизвестно. Тех, о ком не будет писать и даже не узнает царь. Известно только, что раненых и убитых было много.

Осенью 1694 года организован знаменитый Кожуховский поход — движение двух «неприятельских армий» под деревню Кожухово, близ Симонова монастыря. Это были «русская армия» под командованием Федора Юрьевича Ромодановского и «польская армия», которой командовал Иван Иванович Бутурлин. В обе армии мобилизовали множество служилых людей, не очень-то обращая внимания на их возраст, состояние здоровья и уж тем более — желание.

У Ромодановского, в «русской армии», были полки Семеновский, Бутырский и Преображенский, восемь рейтарских рот, три роты гранатчиков, две роты даточных людей, названные Нахалов и Налетов, и 20 рот стольничьих (то есть поверстанных на «потеху» придворных). В «польской армии» было около 7500 человек — роты стрельцов и состоящие из дьяков и подьячих, то есть из приказных, оторванных от дела и тоже погнанных на «потеху». Всего же число участников «потехи» приближается к 30 тысячам.

«Польский король» засел в крепости — военном лагере, сделанном в чистом поле, а Ромодановский ее брал. Бомбардир Петр Алексеев опять, разумеется, совершил славные подвиги — взял в плен стрелецкого полковника. Потеряв крепость, «польский король» засел в новом укрепленном лагере и «отбивался зело отчаянно», пока Ромодановский не вынудил его сдаваться. Одним словом, бой был долгий и жестокий, почти «взаправдашный», и на этот раз мы знаем, что «убито с 24 персоны пыжами и иные случаи, и ранено с 50», как сообщает об этом Борис Куракин.

Известно и то, что Петр был очень доволен «потехой»... а мнение родных и близких погибших для развлечения царя, конечно же, никого не интересовало.

Одновременно с «потехами» на суше шли и «потехи» на воде: уже весной 1691 года царь собственноручно сделал и спустил на Москву-реку яхту, а осенью уехал на Переяславское озеро. Лев Кириллович Нарышкин и Борис Александрович Голицын специально ездили за Петром — чтобы он лично принял персидского посла. 1 мая на Переяславской верфи спустили первый корабль, а в июле весь двор выехал в Переяславль и пробыл там до сентября (после чего Петр тут же начал новую сухопутную «потеху»).

Получается, что Петр уже взрослым проводил в «потешных войсках» и в корабельных «потехах» большую часть года... И возникает невольный вопрос: что же это?! Неужели затянувшаяся игра в солдатики, где вместо оловянных фигурок участвуют настоящие люди и течет настоящая кровь? В конце концов, «потешное войско» вело самые настоящие бои, в которых были раненые и убитые... А ведет их, организует, сначала мальчик лет 12, 15, а вскоре и молодой мужчина 20, 22 лет...

Или тут речь идет о какой-то маниакальной любви к армии? К ее атрибутике в виде команд, оружия, приказов, разбойничьих песен, походов, трупов в придорожной пыли?!

Или Петр попросту не чувствует себя уверенно в царском дворце — не готов, не воспитан... да не хочет, наконец! А в армии, тем более в созданной своими руками армии, ему комфортно, уютно...

Эти предположения, по крайней мере, позволяют объяснить, почему многолетней игрой Петра стала именно армия в ее «потешном» варианте и почему эта игра исчезла с началом постоянных походов. Поначалу ведь вообще трудно было различить, где «потешный» поход, а где настоящее дело. Скажем, 1 мая 1684 года Петр выступает в свой «второй морской поход» в Архангельск. По смыслу это всего-навсего поездка царя в Архангельск, посмотреть на иностранные корабли, и только. Но Петр движется с частью своей «потешной армии», и уж конечно, с ее командным составом. Ромодановский назначен адмиралом, «польский король» Бутурлин — вице-адмиралом, контр-адмиралом — Гордон.

Плавный переход от «потешной войны» к войне самой настоящей очень хорошо виден на примере Азовских походов — в I Азовский поход в 1695 году выступало еще самое настоящее «потешное войско». Поместное войско и казаки посланы были в низовья Днепра, для отвлечения турок, вел их боярин Борис Шереметев. А Семеновский, Преображенский, Лефортов полки, городовые стрельцы и полк Гордона двинулись на Азов, в низовья Дона. Шли так же весело и лихо, как в «потешных походах». Петр отписывал Апраксину: «Шутили под Кожуховом, а теперь под Азов играть идем»; и в другом месте: «про твое здоровье пьем водку и ренское, а паче пиво». Азов оказался мало похож на Прешбург, и дело под Азовом получилось далеко не «потешным», решительно ни с какой точки зрения, — но это ведь уже второй вопрос. Главное — Петр и под Азов отправился развлекаться.

Все войны Петра прямо вытекают из его «потешных» войн и походов и переплетаются с потехой. До конца своих дней он обожал армию и очень часто находился в ней под псевдонимом «Петр Михайлов», «Петр Алексеев», «капитан-бомбардир» и так далее. Принципиальной разницы между реальной действующей армией и «потешной армией» он никогда не делал.

Ни один человек, который хотел иметь с Петром хорошие отношения, не мог уклониться от участия в его войнах, а в юности — в «потешных войнах». Исключения, пожалуй, — это его родные дядья, братья Натальи Кирилловны. Но и страшный глава Преображенского приказа, Юрий Федорович Ромодановский, и Франц Лефортов, и Борис Голицын — все они, как миленькие, командовали «потешными» армиями.

По-видимому, «потешные войска» — это не только место развлечений, но и своего рода царский клуб — место, где он отыскивает себе подходящих людей, общается с ними неофициально, «без мундиров». Где создаются репутации и выстраиваются иерархии, вынашиваются планы и готовятся назначения. Но интересна все-таки эта анонимность самого царя! Что-то стоит за ней?!

А кроме того, у царя Петра был и еще один клуб...

ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ СОБОР

Это был «Сумасброднейший, всепьянейший всешутейший Собор» — так официально и полностью называлось это учреждение. Когда он был основан, точно не могу сказать, но во всяком случае — задолго до того, как Нарышкины пришли к власти. Даже в наши просвещенные, невероятно прогрессивные времена не одна бровь поднимется, если мальчик лет 14—15 захочет собрать компанию под таким названием.

Всепьянейший же собор был не просто компашкой... Это была многолетняя игра со своими правилами и законами. Если «потешные» баталии незаметно переросли в военные походы и отмерли, то Всепьянейший собор сохранился до самой смерти царя Петра.

В этом клубе Петр тоже имел скромный чин — дьякона, а главой его сделался Никита Зотов — «Всешумнейший и всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеяузский патриарх», называемый еще «князь-папой».

Собор был своего рода «общественной организацией» и имел даже свой устав. Этот устав написал лично Петр, и читатель не ошибется, предположив — это был очень длинный и невероятно подробный документ. В уставе подробнейшим образом определены чины Собора и способы избрания «князь-папы» и рукоположения всех чинов пьяной иерархии. Да, рукоположения! Собор полностью воспроизводил всю церковную иерархию и все церковные обряды.

Главное требование устава было просто: «быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда». Ну и требование подчиняться иерархии собора — его 12 кардиналам, епископам, архимандритам, иереям, диаконам, протодиаконам. Все они носили клички, «которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати»¹. Были и «всешутейшие матери-архиерейши и игуменьи». Все облачения всех чинов, все молитвословия

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 495.

и песнопения, весь порядок «службы Бахусу и Ивашке Хмельницкому» и «честного обхождения с крепкими напитками» прописывались самым подробным образом.

Паскудства, творимые Петром и его сподвижниками, вполне подобны всему, что выделявали члены «Союза воинствующих безбожников» в 1920-е годы. И с черепами на палках бегали, и матом орали в церкви, и блевали на алтарь, и... Впрочем, описаниями диких кошунств Все-пьянейшего собора можно заполнять целые книги, только стоит ли? Вроде бы уже и так все ясно.

Трезвых, как страшных грешников, торжественно отлучали от всех кабаков в государстве. Мудрствующих еретиков-борцов с пьянством предавали анафеме.

В общем, собор был откровенной и до крайности похабной пародией на Церковь и на ее обряды, а некоторые обряды собора таковы, что в это трудно поверить. При вступлении в собор нового члена, его спрашивали: «Пиеши ли?» — в точности как в древней церкви новичка спрашивали: «Веруеши ли?»

Когда новопринимаемый отвечал: «Пью», его хватили люди, одетые в вывернутую наизнанку одежду, с масками кошек и свиней на лицах или с зачерненными сажей физиономиями, тащили его к винной бочке.

Никита Зотов, пьяный, естественно, в дупель, восседал на этой бочке, с «крестом», сделанным из двух табачных трубок, в одежде монаха, но с прорезью на заднем месте. В другой руке он держал сырое яйцо вместо державы.

— Благослови, отче!

Тот дико матерился и «благословлял» — махал «крестом», отпихивал ногой и бил о темя «посвящаемого» сырым куриным яйцом, чтобы разбившееся яйцо стекало по лицу. Налетали прочие, так сказать, рядовые участники собора. С мяуканьем, воплями, ржанием, топотом, визгом волокли человека — упаивать до морока, до рвоты.

Характерно, что это безобразия не всегда было только для «внутреннего употребления», в своем кругу. Не успев войти хоть в какую-то силу, сразу после переворота Медведихи, Петр начал изо всех сил демонстрировать нравы

Всепьянейшего собора и даже заставлял окружающих принимать в нем участие.

Уже в 1690—1691 годах на святках члены собора ездили Христа славить по всей Москве. Компания человек в 200 на нескольких десятках саней, в которые запряжены свиньи, собаки, козлы, быки, ездил из дома в дом, с вечера и до утра. На передних санях — любимый учитель Петра, Никита Зотов (между прочим, в слове «любимый» я не заложил ни одной капли иронии — Петр и правда его очень любил), в усмерть пьяный «князь-папа», размахивая жезлом и в жестяной митре на голове. За ним ехали одетые в шляпы из лыка, в кулях мочальных, в разноцветных кафтанах, украшенных кошачьими лапками и беличьими хвостами, в соломенных сапогах и так далее.

Компания вламывалась в дома и везде требовала вина и водки, разбредалась по дому в поисках еды, выпивки и «приключений» разного рода: обрывали юбки прислуге, а то и дочерям хозяина, выпивали все, что находили. В общем, вели себя по старой армейской поговорке: «пить все, что горит, вступать в интимные отношения со всем, что шевелится».

Поили и хозяина и, «напоив до изумления», глумились над ним, как хотели. В этом месте своего «Петра Первого» Алексей Толстой не отступает от истины, рассказывая, как боярина Буйносова сажали «голым гузном в лукошко с яйцами», а «князю... забили в задний проход свечу и пели вокруг нее ирмосы (религиозные песнопения. — А.Б.). Одним словом, «святочная забава в этом году была такая трудная, что некоторые приуготавливались к ней, словно бы к смерти»¹.

Поскольку все знали — в числе «шутников» и сам Петр, сопротивляющихся не было.

На первой же неделе Великого поста «Его Всешутейшество» устраивал покаянную процессию: выезжал в санях, запряженных свиньями или собаками, верхом на козлах или быках, в вывороченных наизнанку шубах. Если на святках полагалось подносить им водки и платить

¹ Толстой А.Н. Петр I. М.: Захаров, 2004. С. 255.

за «славление», то теперь полагалось подносить водки за то, что каются, «на покаяние».

Если «потешные баталии» незаметно исчезли из жизни царя, то Всешутейный собор до конца жизни оставался его любимой игрушкой. И даже вне «заседаний» собора элементы этого развлечения возникали на каждом шагу.

На Масленице в 1699 году после пышного придворного обеда, в присутствии и при участии сотен людей, царь устроил не что-нибудь, а «служение Бахусу». «Князь-папа» Никита Зотов «благословлял» трубками преклонявших колена гостей. Благословив последнего, заставив всех, включая дам, выпить по большому бокалу сивухи и напившись сам, Зотов пустился в пляс, размахивая «пастырским» посохом.

Только один из гостей, присутствовавших на обеде, французский посол, не выдержал этого маразма и ушел, сославшись на то, что в его отечестве таких Всешутейных соборов нет и он к тому не привык.

В январе 1694 года царского шута Якова Тургенева женили на «дьячьей жене» (так в источниках)! Хочется верить, что речь идет все-таки про дьячью вдову, но, зная Петра, вполне допускаю — могли повенчать с шутом и жену при живом муже.

Праздновали свадьбу, венчая Тургеновых дважды — в настоящей церкви, и водя молодых вокруг винной бочки на соборе, неся несусветную похабщину и надираясь до посинения. И ходили процессиями по Москве, ехали за каретой молодых на козлах, быках, на свиньях... Впрочем, эту всю мерзкую экзотику читатель уже знает по святочным «забавам».

Эта свадебная компания тоже не оставила москвичей в покое: Яков Тургенов ездил в гости к купцам, а к боярам и служилым людям — сам царь.

Взрослый Петр на четвертом и на пятом десятке резвился порой точно так же. В программу празднования Ништадтского мира в 1721 году (Петру — 49 лет, ему осталось жить всего 4 года) он включил непристойнейшую свадьбу нового «князь-папы», старика Бутурлина, с вдовой прежнего «князь-папы», помершего Никиты Зотова. В торжественно-шутливой обстановке молодых обвен-

чали в Троицком соборе, причем роль Евангелия играл ящик с водкой, форматом похожий на священную книгу, а шуты грубо передразнивали каждое слово и каждое движение священника.

Иноземцы иногда придумывали просто замечательные в своей наивности оправдания поведению Петра. Мол, он хотел показать москвитам, как непривлекательно пьянство, и одновременно хотел соединить презрение к пьянству и распутству с отвращением к предрассудкам московского православия. Историки, более близкие к нашему времени, находили смысл в царских безобразиях — ведь к временам Петра православие закоснело в чисто формальном подходе к вере. Надо было показать народу мерзость этого закостенения, и для того как раз служила пакостная пародия Всешутейного собора...

Предоставляю читателю судить самому, легко ли таким способом вызвать отвращение к чему-то, кроме самих запойных балбесов (и это еще очень мягкое определение). И в какой мере идущий в пляс пьяный Зотов или падающий через каждые три шага Бутурлин способны навести рядового москвиты на глубокомысленные размышления о формализме в Православной церкви и «восхотеть» чего-то более живого.

Высказывались предположения и о том, что Петр использовал пьянство как способ развязывать языки окружающим. Якобы он был очень здоров, пьянел медленно, и остальные собутыльники, напившись, высказывали все, что у них было на душе. Возможно, Петр и правда такой способ использовал. О Ф.Ю. Ромодановском это известно совершенно точно — Федор Юрьевич зазывал к себе и напаивал «до изумления» гостей, разузнавая таким образом их мысли и их отношение к тому или иному.

Но, во-первых, пользу этого способа выяснять настроения подданных Петр постиг очень не сразу, лишь через много лет после того, как Всешутейший собор не просыхал уже многие годы.

Во-вторых, при чем тут, простите, здоровье?! Способность много пить не пьянея свидетельствует исключительно о том, что печень алкоголика уже подверглась первым изменениям. Здоровый человек — это как раз тот,

кто пьянеет резко и сразу, даже от небольших доз алкоголя. В странах с питейной традицией человека с подросткового возраста готовят к тому, чтобы он «умел пить», — и мы с вами, увы, практически поголовно в какой-то степени больные люди. Тот же, кто выдудливает «поллитру» и потом танцует вместе с Зотовым, не более здоров, чем наркоман, вводящий себе в вену 100 смертельных доз героина.

Петр — очень, очень больной человек. В числе прочего больной алкоголизмом. В 1698 году английский епископ Бекетт отметил, что Петр старается победить в себе «страсть к вину» — то есть зависимость от алкоголя. Такое поведение не характерно для бытовых пьяниц, пьющих потому, что это доставляет им удовольствие. Попытки разорвать унижительную зависимость от алкоголя характерны для тех, кто чувствует, что уже не может не пить — вне зависимости от получаемого удовольствия. Но если алкоголь уже стал частью обмена веществ в организме, речь идет уже не о дурной привычке, а о болезни, и притом о тяжелом заболевании, которое разлагает личность алкоголика, и избавиться от заболевания трудно.

Тогда... тогда в чем же смысл Всешутейного собора? В чем значение пьянства всей Петровской эпохи? Только ли в кошунстве, если учесть, что Петр знал и чтит церковный обряд, пел с певчими церковные песнопения в хоре, мог сам вести службу, понимая при этом ее смысл? Можно, конечно, припомнить слова Священного Писания насчет того, что и «бесы веруют и трепещут». Но мешает многое, в том числе и явно ритуальный вид петровского пьянства. Зачем-то ему все это было нужно...

Одно из объяснений можно поискать в том, что Всешутейный собор сложился как «царский клуб» еще в большей степени, чем «потешные войска». Буквально ни один из высших чиновников государства не избежал общей участи — другое дело, что одни, жаждая чинов и назначений, не вылезали из собора, а другие бывали там нечасто. Но только один человек из ближайшего окружения Петра не был в собраниях Всешутейного собора... Но об этом человеке — отдельно, и ниже.

При дворе Петра запойное пьянство вообще считалось чем-то вроде правила хорошего тона. Отказ от пьянства рассматривался чуть ли не как государственное преступление. По свидетельству епископа Солсберри Джилберта Бернета, Петр даже в Англии собственноручно гнал и очищал водку (английский епископ называл ее «бренди», но самогонный аппарат описывал с завидной точностью).

Что же касается до ассамблей, явления, вроде бы не имеющего ничего общего с Всепьянейшим собором...

Брауншвейгский посланник Вебер описал подробно, чем занимались на одной такой ассамблее. Некий гражданский чиновник Бассевич опоздал к началу, и Петр заставил его выпить четыре полных стакана венгерского, а потом пить со всеми «с прилежанием». Притом что объем стакана был тогда порядка 400 граммов, а венгерское было крепким — примерно как современный портвейн. Петр лично следил, чтобы все пили, пили и пили... Заметив, что на левой стороне стола ставят стаканы недопитыми, заставил выпить каждого по «огромному стакану», а когда ушел наверх, к императрице, поставил у дверей чайных, чтобы никто не мог сбежать.

«Великий адмирал плакал, как ребенок... Князь Меншиков упал замертво, и его люди вынуждены были послать за княгиней и ее сестрою, которые с помощью разных спиртов привели его в чувство и попросили у царя позволения ехать с ним домой. Князь валашский Кантемир схватился с обер-полицмейстером; то начиналась какая-то ссора, то слышалось чоканье бокалов на братство и вечную дружбу». Если бы не детали, вроде стражи у дверей «пиршественной залы», и не перечисление немалых общественных рангов присутствующих, описание вполне походило бы на описание самой гнусной попойки бродяг, дармоедов, а то и уголовного элемента.

Таких описаний можно привести очень много. Ассамблеи производили сильное впечатление и на иностранцев, в результате чего писали о них и шведский посланник Киннигсек, и немец на русской службе Берггольц, ставший основоположником русской дворянской семьи, и многие, многие другие. Русская знать очень уж была по-

вязана собственным, личным участием во всем этом безобразии, но описания и оценки и грамотного простолюдина Посошкова, и князя Голицына решительно ничем не отличаются.

А старообрядцы так коротко и ясно нарекли ассамблеи «диавольским капищем» и «деянием языческим». И нарекли довольно точно — потому что складывается полное впечатление какого-то мрачного ритуала, неучастие в котором просто заставляет усомниться в лояльности «сподвижника Петра».

Итак, алкоголизм — это важнейший из клубов Петра. Тот клуб, которому он сохранял верность всю жизнь. Неизвестно ни одного назначения на сколько-нибудь значимую должность, ни одного пожалования, сделанного Петром человеку, который совсем бы не участвовал в ритуале петровского пьянства.

Клуб — это вообще-то место, в котором собираются единомышленники, и этим-то важен клуб для монарха: он позволяет отбирать людей, отвечающих каким-то необходимым качествам или несущих в себе какие-то нужные представления.

По каким же параметрам должны были становиться единомышленниками с царем участники его главного клуба?

Само по себе запойное пьянство всегда свидетельствует о неприятии человеком жизни, в которой он вынужден жить. Если незачем убегать из действительности, если и с тем, что имеешь, жить интересно и хорошо — то ведь и регулярно пить совершенно незачем. Вот если жизнь не в жизнь, жена — последняя стерва, дети — идиоты, начальство — подонок на подонке, а жизнь безнадежно проиграна, тогда и имеет смысл забраться в забегаловку, разложить на перевернутом ящике, на газетке, соленый огурчик и рыбку, опрокинуть стакан и другой, чтобы заплясали облака, кузнечик запиликал на скрипке, потасканные рожи собутыльников излучили бы сияние, их косноязычные речи стали бы вместилищами мирового разума, а гнусная забегаловка так вообще превратилась бы в чудесное место, в которое надо бы чаще заглядывать.

Конечно, алкогольное убегание от действительности может иметь множество оттенков — в том числе и политическое. С откровенно диссидентскими целями пили и В. Высоцкий, и другие «легально диссидентствующие» в СССР 1960—1980-х годов. Логика понятна: раз запойно пьют настолько известные, любимые в народе люди — значит, «нет, ребята, все не так, все не так, ребята», в государстве — вот о чем сигнализировало их пьянство.

Так же пили и китайские «диссиденты», не принимавшие официальной идеологии — конфуцианства. Ку Фуцзы, Конфуций, сурово осуждал пьянство: совершенный муж не может одурманивать себя! Совершенный муж служит государству, руководит обществом, читает книги, осмысливает жизнь, чтобы стать еще совершеннее! Но вот знаменитый поэт Тао Юаньмин «не вписывался» в предписанную ему жизнь, не хотел быть совершенным мужем. Он не служил государству, не читал конфуцианских книг, жил в деревне и писал вот такие стихи:

Ведь бывает такое! Люди в доме одном живут.
Что принять, что отбросить, нет согласия у них ни в чем.
Скажем, некий ученый каждый вечер бывает пьян.
Скажем, деятель некий каждый день беспробудно трезв.
Этот трезвый и пьяный вызывают друг в друге смех;
Друг о друге без смеха не могут и слова сказать.
В рамках трезвости узкой человек безнадежно глуп,
Он в наитье высоком приближается к мудрецам.

Деградация советской власти в СССР породила, похоже, множество таких же «приближающихся к мудрецам», только без ума и таланта Тао Юаньмина.

А Петр? Все его собутыльники по собору? В сущности, что высмеивал, над чем глумился Петр во Всепьянейшем соборе? Православную церковь, несомненно! Но ведь и не только ее. Величая Ф.Ю. Ромодановского «королем», «государем», «вашим пресветлым царским величеством», а себя «всегдашним вашим рабом и холопом», «холопом вашим Peter'ом», а то и попросту «Петрушкой Алексеевым», Петр ведь высмеивал и свою собственную власть. Ставил на посмешище то самое государство, которому истово служил сам и служить которому заставлял всех своих подданных.

И это заставляет задавать вопрос — от чего же срывался в запойное пьянство царь? От чего он убежал в стакан с сивухой? Почему он высмеивал, делал предметом шутовства собственную власть и собственное положение в обществе?

И вот тут я рискну дать ответ... вернее, вариант ответа, который может вызвать разные эмоции у читателей... А кто вам сказал, что Петр Алексеевич хотел быть царем?! Вопрос кажется каким-то даже диким; тем более после того, как перед читателем проходит целая вереница людей, способных на что угодно, в том числе на преступление, лишь бы посидеть на троне или хотя бы постоять возле него. Но ведь из этого не следует, что ВСЯКИЙ человек, в том числе и всякий, родившийся в царской семье, непременно этого хочет.

Алексею Михайловичу быть царем явно нравилось. Петру Алексеевичу с той же определенностью — НЕ нравилось. Ему не хотелось встречать в Грановитой палате послов иностранных государств, «сидеть» с боярами, принимать ответственные решения, жить в торжественной пышности, имеющей обратную сторону — принятие ответственности за всю страну, за судьбу войны и мира, за настоящее и будущее Московии.

Не говоря ни о чем другом, он слишком был не готов ко всему этому. Слишком дикий и маловоспитанный, чтобы чувствовать себя естественно в обществе иностранных послов, слишком невежественный для принятия судьбоносных решений, слишком не подготовленный к «роли» правителя, царя, он естественным образом убежал из действительности, где ему отводилась только эта роль. Убежал туда, где его роль «Петрушки Алексеева», рядового «бомбардира», «протодиакона» или «шкипера» соответствует его уровню компетенции, знаний, общей культуры. Может, он и хотел быть не царем, а рядовым бомбардиром? Может, потому даже в Германии и Голландии он пытался копировать не образ жизни владетельных князей, а матросов и младших офицеров, средних слоев мещанства? Может, потому и сборища его придворных больше похожи на пирушки ремесленников, чем на чинные собрания царедворцев?

А злое высмеивание того винограда, что оказался Петру «зелен», и создало похабные пародии на Церковь и на властную структуру. Может быть, кстати, от того же и нелюбовь Петра к представителям старинных родов, к людям умным, компетентным и образованным?

РОМАНОВ ЛИ ОН?

Впрочем, был ли еще Петр фактическим сыном царя?

Да, именно такой вопрос задавали себе уже современники. В какой-то степени это вопрос из той же серии, что и вопрос — а не антихрист ли он?

«В Неметчине царя подменили!» — кричал в 1696 году некий подьячий, и его крики находили полное понимание у множества «простых» людей, а в какой-то мере — и у боярства. Старец Александр передает убеждение очень многих священников и крестьян, что Петр родился от «нечистой девицы»¹. Такие слухи вполне могли пойти просто потому, что царь был откровенно «не такой», и логика их очень ясна — раз царь «неправильный», несправедливый — значит, подменыш!

Но считать Петра «не настоящим» Романовым были и гораздо более серьезные основания... Уже хотя бы физический облик Петра. Все Романовы, начиная с первого царя Михаила и его отца Филарета, были, грубо говоря, маленькие и толстые. Дети Алексея Михайловича от Милославской тоже росли типичными Романовыми — маленькими, упитанными, психологически стабильными, добродушными. Можно, конечно, сказать, что Петр пошел в родню по матери... Вроде бы он взрослым стал похож на одного из родных братьев матери, Федора Нарышкина. От Нарышкиных же некоторые историки производили и его бойкость, в том числе бойкость мысли. Ведь из Нарышкиных происходили несколько остряков XVIII века (но, говоря по правде, трудно найти остроумие у Петра).

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VIII. М., 1962. С. 102.

Но и Нарышкины не были ни рослыми, ни особо сильными.

Так в кого же тогда пошел тяжелый невротик Петр — ростом в 2 метра 9 сантиметров, который мог свернуть в трубку серебряную тарелку или перерезать острым ножом кусок сукна на лету?

Интересно, что вообще-то в семье Романовых до Петра никогда не было людей «с отклонениями»... как говорят в народе, «с приветом». Не было и в те времена, когда «худородные» Романовы сидели «ниже» Воротынских и Морозовых и ни о каком царском венце и не мечтали. Люди они были разные, но, во всяком случае, не ниже средней умственной и психологической нормы. Люди как люди.

Принято считать, что первого царя из династии Романовых, Михаила, избрали как раз «за возраст» и за «тихий нрав»: привыкшие ворочать судьбами страны и престола бояре сочли, что тихий 17-летний парень им никогда не вырастет в помеху.

Но Михаил Федорович был и далеко не глупый, и хорошо образованный, по понятиям того времени, юноша, и вырос он в достаточно самостоятельного царя. В меру «советчивого», а в меру и властного, решительного, уверенного в себе.

О высоких, явно выше среднего, интеллектуальных качествах Алексея Михайловича и его детей от Милославской говорили все, кто был знаком с этой семьей. И еще одно, в чем как раз не ошиблись бояре, выбирая Михаила Романова на престол, — Романовы до Петра были очень спокойной, добродушной семьей. Кличка Тишайший дана Алексею Михайловичу не случайно. Да, он панически боялся заговоров, ведьм и колдунов. Да, он порой сурово расправлялся с теми, на кого показывали как на колдунов или заговорщиков. Да, он любил сказки, всерьез относился к приметам и вообще был изрядно суеверен. Под горячую руку царь мог покарать того, кто вызывал «дурную примету» — например, начинал на воде, при плавании на лодке, говорить что-то про «потонем». Да, он сгноил в боровской земляной тюрьме боярыню Морозову и ее сестру, княгиню Урусову (и не только этих двоих, а многих «упорствующих в расколе»).

Но, во-первых, все это суеверие, эта жесткость в делах религии — очень уж в духе времени. Не на одной Руси ловили колдунов и ведьм, и совсем не Руси принадлежит пальма первенства по части пойманных и сожженных «слуг сатаны». На фоне германских инквизиторов и даже большинства германских курфюрстов и герцогов Алексей Михайлович выглядит и гуманистом, и интеллектуалом. А уж сравнивать страсти по расколу и что выделяли в той же Германии католики с протестантами и наоборот просто не хочется.

Во-вторых, Алексей Михайлович вполне заслужил свою кличку Тишайшего — и спокойным, степенным поведением, и «кротким» ведением государственных дел, и полным отсутствием личной злобности. Бывал Алексей Михайлович и жестким, даже жестоким, и очень уж в большой степени сыном своего жестокого, недоброго века... но о нем можно уверенно сказать: это был добрый человек. Человек, не любивший казнить, наказывать, ссылать, причинять страдания. Человек со здоровым жизнелюбием, он любил вкусную еду, соколиную охоту и умную беседу. Любил дарить, кормить, устраивать пиры и свадьбы, радовать неожиданными милостями.

При Алексее Михайловиче никогда не было преследования невинных. Царь не раз прекращал следствие, если были основания считать подсудимого даже и виновным, но не очень.

Странно думать, что Петр — сын умного, проницательного Алексея Михайловича, умевшего понимать людей, ценившего умную книгу и умную беседу... наконец, весьма умеренно пившего спиртное. Удивления достойно, что не очень-то похвального названия Антихриста удостоился сын царя, прозванного Тишайшим.

Еще более странно, что Петр — младший брат царя-интеллектуала Федора Алексеевича, одного из умнейших и образованнейших царей за всю историю Руси. Федор, кстати, тоже был человек «тихий». Он был человек жестких убеждений, мог настаивать на своем, не гнул, если считал что-то принципиальным. Но очень не случайно, что все его реформы построены не на запрете чего-то, а почти исключительно на умном разрешении или

допущении чего-то, раньше запретного или считавшегося ненужным.

Кстати, и царь-дурачок Иван тоже был добрым и «тихим», лишенным агрессии и злобности. Он и в глупости был, по крайней мере, совершенно не опасен для окружающих.

Петр до такой степени не похож на отца и старших братьев, что тут вовсе нет никакой уверенности, что его происхождение не от Алексея Михайловича вполне может быть не просто дворцовой байкой, то ли придуманной Милославскими назло Нарышкиным, то ли сплетней, пущенной завистниками, чтобы опорочить молодую царицу. Слишком уж упорно говорили об этом, называя к тому же разных «настоящих отцов» Петра. Многие из этих историй настолько похожи на правду, что историки и правда начинают проводить антропологические изучения патриарха Иоакима и Петра...

Остается предположить, что не было дыма так уж и без огня. Видимо, поведение царицы Натальи позволяло делать такого рода предположения. Ведь ни о любовных забавах на стороне Марии Ильиничны Милославской, ни предположений, кто бы мог оказаться «побочным» отцом царевича Федора или царевны Софьи, никогда не делалось. А ведь если речь шла о некоем тайном идеологическом оружии Милославских, то что, казалось бы, мешало Нарышкиным распускать ответные сплетни — мол, все царевичи, рожденные от Милославской, «не настоящие»? По-видимому, репутации у двух жен царя были весьма различными.

Молва называла в качестве истинного отца Петра и патриарха Иоакима, и конюха Мишку Доброва, и постельничего Стрешнева, и нескольких ее родственников-Нарышкиных... этих последних, кстати говоря, — особенно упорно.

Способ узнать о своем происхождении Петр избрал достаточно оригинальный и очень в духе своего царствования: подняв на дыбу предполагаемого отца, стал его собственноручно пытать, чтобы «сознался». Тот долго запырлялся, а потом и выдал: много, мол, нас ходило к «матушке-царице», и черт тебя знает, чей ты сын!

А кто он был, этот отец или там не отец, я расскажу читателю чуть позже.

Трудно принимать за объективное доказательное свидетельство то, что сказано на дыбе. Логично предположить, что под пыткой чаще всего говорят не правду, а говорят то, что хотят услышать пытающие. Если Петр услышал то, что ожидал... Впрочем, пусть выводы делает сам читатель. Моя задача — дать читателю достаточно информации для этих выводов.

Впрочем, есть и еще одна версия, может быть, еще более мрачная. Дело в том, что в Российской империи было две дворянские фамилии, представители которых никогда не дослуживались до генеральских чинов. Такова уж была традиция — отправлять в отставку максимум полковниками, не давая выслуживаться князьям Козловским и Нарышкиным...

Причина, по которой не полагалось продвигать князей Козловских, известна. Их проклятие тянется еще со времен Юрия Святославовича, князя Смоленского, княжившего на рубеже XIV и XV веков. Юрий, князь Смоленский, во время войны 1401—1404 годов между Московией Василия II и Великим княжеством Литовским и Русским Витовта, сдал Василию II Смоленск¹. Казалось бы, должен теперь Юрий Святославович быть чуть ли не самым уважаемым придворным Василия II... И так бы и было, наверное, если бы князь Юрий не напоминал бы, по всем описаниям, средневекового Чикатило или иного сексуально-го маньяка с наклонностями к садизму, расчленению жертв и так далее.

В 1403 году он воспытал страстью к молодой красивой женщине — Юлиании Вяземской. Юлиания была честной женой и не собиралась отвечать на его домогательства. Тогда Юрий Смоленский подстерег Юлианию на богомолье, с малой охраной. Эту охрану он с дружиной всю порубил, а женщину зверски изнасиловал и потом еще отрубил ей кисти рук и ступни ног, — видимо, в наказание за неуступчивость.

¹ Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953. С. 247.

Юлиания после этого страшного дела прожила около двух недель и умерла, как можно понять, от заражения крови. Сейчас она канонизирована Московской патриархией Русской православной церкви как страстотерпица.

Юрий Смоленский, Рюрикович по крови, после этого нигде не мог найти себе пристанища: ни в Московии, ни в Великом княжестве Литовском, ни в Орде. Нигде его не хотели видеть, и отношение к нему у православных, католиков и мусульман было совершенно одинаковым — презрение и отвращение. Прожил он еще лет двадцать, никем не принимаемый, в постоянных переездах, и умер чуть ли не в придорожной канаве, на границе трех государств. Может быть, в известиях о его смерти есть некий оттенок назидательности, и летописец как-то подретушировал историю... скажем, сделал место смерти Юрия особенно поучительным.

Жена и дети Юрия еще при его жизни бросились в ноги к Василию II, Великому князю Московскому: мы же ни в чем не виноваты! Мы сами проклинаем негодя, а жилось нам ненамного лучше Юлиании...

Ладно, Василий взял их на службу. Но дал фамилию князей Козловских (от слова «козел», которое в те времена употреблялось в таком же оскорбительном смысле, как и сейчас!). Великий князь отвел князьям Козловским самые плохие земли в Костромском уезде и велел служить в самых трудных местах, в военной службе, и при том служить без награды, без производства в высокие чины даже за самые светлые подвиги.

Поздним потомком Юрия был Федор Алексеевич Козловский, погибший в 23 года под Чесмой: прыгнул первым на борт вражеского флагмана, увлекая за собой матросов и солдат, сцепился на саблях сразу с тремя или четырьмя турками, и они зарубили князя ятаганми.

От него остался томик стихов... Специалисты, глядя на эти стихи, утверждают вполне всерьез — под Чесмой погиб второй Пушкин, создатель русского литературного языка...

Ему и тогда говорили, — не лезь в драку, не ровен час, а твоя судьба — литература. Но Федор Алексеевич счи-

тал своим долгом искупать преступление предка и браться в бой первым...

Петр Борисович Козловский, родной племянник Федора Алексеевича, в армии не служил, потому что одна нога была короче другой. Был он дипломатом и во время наполеоновских войн служил резидентом Российской империи в Королевстве Неаполитанском. Служил вместе с Александром Захаровичем Чернышовым, знаменитым разведчиком того времени, русским резидентом. Что помогал Чернышову — не очень трудно догадаться.

А еще был он другом Вяземского и Пушкина. С Вяземским, дальним потомком Юлиании, возможно, хотел сдружиться еще и для искупления того давнего семейного греха. И был этот талантливый человек основатель русской научно-популярной литературы. В пушкинском «Современнике» именно Петр Борисович писал про паровозы, пароходы, двигатели... В общем, развивал ту линию словесности, которую при советской власти «держал» журнал «Техника — молодежи».

Но это все — про Козловских, о которых известно — почему установилась традиция не возводить их в генеральские чины. И которые, на их счастье, дожили до времен, когда генеральские чины и не очень нужны для счастья в жизни.

А почему таким же образом не делали генералами Нарышкиных — это великая тайна, которую, кроме самих Нарышкиных, знали, наверное, несколько... ну может быть, несколько десятков человек. Есть, в конце концов, вещи, которые не записываются, а передаются устно, из поколения в поколение. В.О. Ключевский прав — ни при каком цензурном уставе не опубликуют клички членов Всеобщего собора. Но всякий историк тем не менее знает эти клички! Потому что наряду с передачей информации через тексты работает и другая традиция: устная. Может быть, существовала и традиция передачи тем, кому ведать надлежит: почему нельзя производить Нарышкиных в генеральские чины?!

Фактом является то, что ни один из Нарышкиных не ушел со службы в генеральских чинах. Даже тот из них, кто гвардейцем охранял Зимний при Елизавете... И он

ушел в отставку в чине подполковника. Все знали Нарышкиных, славились они как весельчаки, балагуры и неводержанные в питии и в женщинах... Но можно подумать, они одни были такие! А ни один из Нарышкиных, пока не прервался их род, не поднялся по службе выше подполковника, и выглядит это как негласный запрет давать им высокие чины. Аналогия только одна — в таком же точно положении находился род князей Козловских.

Историки прошлого весьма сдержанны в описании этой «страшной тайны Нарышкиных», и догадываться о причинах упорного придерживания их по службе приходится самому. Есть версия, ходившая устно среди ученых уже XX столетия... По этой версии, сразу после взятия ко двору Натальи Кирилловны Нарышкиной весь многолюдный, включавший десятки человек, клан Нарышкиных так жадно кинулся к должностям, почестям и кормлениям и так мало проявлял в то же время хороших служебных и человеческих качеств, что разворовывание ими казны и сделалось этим «секретом Нарышкиных».

Скажу сразу — Нарышкины и правда вошли в историю как ворюги совершенно несказанные и к тому же люди, низкие по своим душевным качествам. И Всепьянейший собор собирался в доме Нарышкиных. И характеризовали их в диапазоне от «дурак, но безвредный и добрый» (это про Льва Кирилловича) и до «муж стар, пьян и глуп» — о Матвее Нарышкине, троюродном брате Льва. И стал Иван Кириллович Нарышкин, младший родной брат Натальи Кирилловны, в возрасте 22 лет боярином, да еще вел себя особенно непотребно — вечно бывал пьян с раннего утра, заносчив и злобен.

Возможно, это поведение особенно гневало современников и в силу худородности Нарышкиных: по воспоминаниям Патрика Гордона (тоже страшнейшего пьяницы), Кирилл Полуэктович Нарышкин был не только «смоленский капитан», но в прошлом и «стрелецкий голова из Тарусы» — то есть происходил из служилых людей по прибору, а не «по отечеству». Не знатный, а служилый дворянин.

Но достаточно ли этого, чтобы помнить грязные делишки и через сто лет, — не уверен. Можно подумать, другие были так уж и намного лучше!

Не стану гадать — была ли и в истории рода Нарышкиных такая же мрачная тайна, как у Козловских. Но вот есть сведения, хотя и глухие, об их склонности к близкородственным связям... Православная церковь считала родственников до 7 колена слишком близкими для браков, но Нарышкины, по слухам, несколько раз обходили эти церковные строгости.

А ведь среди всех прочих любовников Наталье Кирилловне приписывали еще и двоюродного брата, Петра Фомича Нарышкина! И был такой слух, что на самом-то деле отцом Петра Фомича был не Фома Полуэктович Нарышкин, а его родной брат и папа Натальи, Кирилл Полуэктович Нарышкин. Тогда получается, Петр I — сын сводных брата и сестры, а вот Романовых нет в нем и единой капли крови.

Приписывали Наталье и родного брата Федора... Это последнее совершенно невероятно, потому что Федору было 8 лет, когда родился Петр... Но именно его-то Петр и поднимал на дыбу, требовал сознаться, кто его отец! Видимо, предполагал — если Федор и не его настоящий отец, то знать фактического отца он должен... Может быть, как раз потому, что Федор оставался единственным из этого поколения, сохранявшим хоть какую-то память? Ведь оба сына Фомы Полуэктовича, и Петр, и Кондрат, погибли в 1682 году — 15 мая их буквально разорвали стрельцы...

Не буду настаивать на верности всех этих слухов — теперь их невозможно проверить, и единственный способ установить истину — это слетать на «машине времени» в XVII век и сделать всем участникам событий анализ на ДНК... Но ведь предположение, что Петр был фактическим сыном родного брата своей матери, много что объясняет. И его невероятное сходство с Нарышкиными, при полном отсутствии черт Романовых. И его... скажем обтекаемо — его странности.

Итак, возникают еще две версии.

1. Петр — плод и жертва кровнородственного смешения, незаконных отношений брата и сестры.

2. Петр — жертва наследственного отягощения, мрачной тайны, которая была в роду Нарышкиных — примерно такая же, как в роду у Козловских...

Вот эта «тайна», порочные наклонности предка, и всплыли у Петра...

Может быть, утомленный всеми ужасами этой главы, читатель невольно подумает: а может быть, все это не очень-то и страшно? Ну подумаешь, не очень вменяемый царь! Ну не царский, а черт-те чей сын! Не цепляйтесь к личной жизни, в том числе царской; тоже мне, моралисты нашлись...

Иной читатель даже скажет: может, личные качества Петра — это и к лучшему? Может быть, как раз хорошо, что пришел к власти царь — маньяк преобразований? Может, по-другому и было нельзя, а нужно было исключительно так: насилием, кнутом, жестокостью! Пусть разорил, пусть напугал, а зато вон сколько сделал!

Позиция не особенно этичная, но вполне понятная, и распространенность этой позиции заставляет нас внимательно посмотреть — что же все-таки сделал Петр?

Глава 3

ЧТО РЕФОРМИРОВАЛ ПЕТР?

— ...В засилье... боярского застолья ворвался грозный стук топора, которым Петр рубил окно в Европу.

— И прорубил?

— Прорубил!..

— А дверь прорубил?

— Нет!

— Значит, они так в окно и лазили?

— Кто?

— Петровцы...

Из «Алисы в Стране чудес»

РЕФОРМА АРМИИ

Первое, о чем придется говорить, — это реформа армии. Армия — это вообще излюбленное чадо Петра; монстр, на содержание которого, по официальным данным, уходила в 1701 году половина бюджета, в 1710-м — три четверти, в 1724-м — две трети. Первое, с чем столкнулся Петр в делах государственных, была армия. С армией Петр имел дело, строго говоря, задолго до того, как занялся делами государственными. В 1690 или 1691 годах маменька и близко не подпустила бы Петра к рычагам государственного управления, но к тому времени Петр имел немалый опыт управления «потешными», а с 1695 и 1696 годов уже участвовал во вполне серьезной, настоящей войне — в штурмах и во взятии Азова.

Ну и какие же новые реалии в армии создал Петр?

Якобы Петр создал в Московии регулярную армию. Но это совершеннейшая неправда. Создание регулярной армии в Московии началось в Смутное время и завершено в 1679—1681 годах.

В 1621 году, всего через 8 лет после восшествия на престол Михаила Федоровича, Анисим Михайлов сын Радишевский, дьяк Пушкарского приказа, написал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» — первый в Московии воинский устав. «Устав...» Анисима Радишевского начал писаться еще в 1607 году, он и обобщал опыт Смутного времени, и содержал переводы многих иноземных книг.

«Военную книгу» Леонарда Фронспергера, две части которой вышли в 1552 и 1573 годах, Радишевский цитирует даже чересчур обширно, на уровне плагиата¹.

На основе без малого 663 статей нового Устава и начала формироваться регулярная московитская армия эпохи Романовых. За полвека до рождения Петра.

По Уставу в армии сохранялись стрелецкие войска и дворянское ополчение, но параллельно с ними вводились «полки иноземного строя»: солдатские, то есть пехота; драгунские — то есть конные; рейтарские — то есть смешанные. И вообще, по этому Уставу, чины бывают «воеводские», а бывают «генеральские». Стройная иерархия поручиков, капитанов, «маеоров», полковников, венчаемая генералами, помогает управлять войсками и психологически облегчает сближение с Европой. Замечу еще, что и слово «полковник», и слово «поручик» по происхождению русские. И раньше воеводам подчинялись самостоятельные командиры отдельных частей — полков, а поручения выполняли поручики, еще не доросшие до самостоятельного командования.

Новый Устав определил, кто они такие, полковники и поручики, и какое место занимают в иерархии, а иностранные слова использовал только тогда, когда без них трудно было обойтись. Военная иерархия «в полках ино-

¹Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947.

земного строя» не могла ограничиться двумя чинами, — ну и ввели еще два «иностранных» — я имею в виду «маеора» и капитана.

В 1630 году армия состояла из таких групп войск:

Дворянская конница	— 27 433
Стрельцы	— 28 130
Казачи	— 11 192
Пушкари	— 4 136
Татары	— 10 208
Поволжские народы	— 8 493
Иноземцы	— 2 783

Всего 92 500 человек

Как видим, состав армии — традиционные иррегулярные войска, кроме наемных иноземцев. Правительство, готовясь к войне за Смоленск, намерено изменить эту традицию, и в апреле 1630 года по всем уездам отправлено распоряжение о наборе в солдатскую службу беспоместных дворян и детей боярских, а потом и всех желающих.

Вот это дало превосходный результат, и вскоре было создано 6 солдатских полков — по 1600 рядовых и 176 командиров. Полк делился на 8 рот. Средний комсостав:

1. Полковник
2. Подполковник (большой полковой поручик)
3. Маеор (сторожеставец или окольный)
4. 5 капитанов

В каждой же роте были:

1. Поручик
2. Прапорщик
3. 3 сержанта (пятидесятника)
4. Квартирмейстер (окольный)
5. Каптенармус (дозорщик под ружьем)
6. 6 капралов (есаулов)
7. Лекарь
8. Подьячий
9. 2 толмача
10. 3 барабанщика
11. 120 мушкетеров и 80 копейщиков

Мне бы хотелось еще раз отметить — новые названия чинов дублируются привычными, старомосковскими — вероятно, и для того, чтобы сделать их привычнее, приучить людей к новым словам. Но, полагаю, есть и другая причина — русский язык не хуже любого другого пригоден для воинских команд или воинских званий. Надо только, чтобы старые, привычные, но неопределенные звания (есаул, окольниковый и так далее) употреблялись бы в новом смысле и в одном и том же значении, определенном Уставом и приказами царя и Думы.

В декабре 1632 года существовал уже рейтарский полк в 2000 человек, в котором было 12 рот по 176 человек каждая под командой ротмистров, и была драгунская рота в 400 человек.

К 1682 году, когда Петру было 4 года, формирование полков иноземного строя как основы русской армии завершено.

Петр якобы уничтожил совершенно средневековое дворянское ополчение и ни к чему не пригодных стрельцов.

Но дворянское ополчение давно не было средневековым, с 1676 года. Стрелецкие войска Петр, и правда, начал расформировывать после Азовских походов, но после Нарвы, убедившись в качествах стрелецкого войска, прервал расформировывание. Стрельцы участвовали и в Северной войне, и в Прутском походе 1711 года. До 1720 годов происходит, по выражению авторитетного справочника, «постепенное поглощение стрельцов регулярными войсками».

Но это — в составе регулярной центральной армии. А до конца XVIII века доживают служилые люди старых служб, и в их числе — городовые стрельцы. Как они несли полицейскую службу, так и несли себе весь XVIII век.

Некоторые, на первый взгляд, вполне образованные люди всерьез убеждены, что Петр изобрел штык-багинет и стрельбу плутонгами. Объяснить это убеждение я могу только одним способом — всякое нововведение в России и во всем мире, произошедшее в Петровскую эпоху, тут же приписывается Петру.

Изобрел же стрельбу плутонгами в 1707 году маркиз Себастьян ле Пьер Во Бан, маршал Франции, знаменитый

маршал Людовика XIV. Этот великий полководец, входящий в число первых военных героев всей Европы вместе с Евгением Савойским и герцогом Мальборо, много чего изобрел!

Раньше вперед выходила одна шеренга, стреляла, уходила. Выдвигалась вторая шеренга... Теперь же одна шеренга ложилась на землю, вторая становилась на колени, а третья стреляла стоя. Интенсивность огневого удара резко возрастала, и такая стрельба пошла заимствоваться всеми армиями. И армией Московии — тоже.

Багинет будет правильнее называть байонетом. Слово это французское, потому что изобретен он был в городе Байон, во французских Пиренеях. Местные жители, профессиональные контрабандисты, нуждались в защите от французских и испанских пограничников... Ну и придумали штык, который после выстрела можно вставлять в ствол ружья. Если учесть, что между выстрелами проходило несколько минут, преимущество было явное у того, кто может практически мгновенно превратить свое ружье в копье...

Байонет восприняла французская армия при маршале Во Бане (1701—1717), во время войны за испанское наследство, и за счет этого одержала несколько побед.

Петр действительно использовал байонет под русским псевдонимом багинет, и с этим связана единственная реформа армии, которую он действительно провел. Меня всегда удивляло, почему сторонники Петра и проводимых им реформ не используют этого примера. Ведь после страшного поражения русской армии от шведов в Гродно в 1706 году (более катастрофичного, чем под Нарвой!) Петр, и правда, реформировал армию.

Тогда, в январе 1706-го, Карл XII, потеряв 3 тысячи солдат обморозившимися и заболевшими, внезапным броском окружил и блокировал московитскую армию в Гродно. Увести армию из-под полного разгрома удалось только весной, воспользовавшись ледоходом и бросив в реку больше ста пушек. Из-за ледохода Карл не мог переправиться на другой берег Двины и преследовать бегущих московитов.

До этого времени воевала армия, созданная Федором Алексеевичем и его генералами в 1679—1681 годах. Преображенский и Семеновский полки формировались по всем правилам этой армии: те же мундиры, те же металлические каски, те же 20 или 30% наличного состава — копейщики, без огнестрельного оружия.

Теперь Петр, во-первых, полностью убрал копейщиков, заменив их всех мушкетерами — в этом ему помогло введение байонета-багинета. И ввел мягкие треуголки вместо касок, зеленые мундиры, которыми гвардия гордилась еще при Екатерине: мол, форма наша введена еще Петром Великим!

Некоторые военные историки прошлого столетия, в том числе такой сильные специалисты, как П.В. Волобуев и Л.Г. Бескровный, полагают, правда, что и тут Петр действовал не самостоятельно. Во всех европейских армиях того времени исчезал шлем как совершенно не нужная деталь, не предохраняющая от пуль и картечи, везде вводился багинет. Петр только в очередной раз собезьянничал с Европы, не очень понимая даже, что именно и зачем он это делает.

Если и так — все равно перед нами случай, когда петровские военные реформы существуют не только в писаниях историков, но и в реальности. Только вот, опасаясь, больше никаких достижений на этом пути не было, и никаких других реформ армии Петр отродясь не проводил.

Мало того что правление Нарышкиных оказалось для армии подобно паровому катку: дворяне, поддержавшие Нарышкиных, стремились к «ослаблениям» и, по словам князя Я.Ф. Долгорукова, «неосмысленные, все учрежденное прежними царями разорили». Петру, если он хотел воевать, многое нужно было начинать сначала... И приучать поместную конницу к порядку, введенному в 1681 году, и создавать новые «полки иноземного строя».

То есть можно было, конечно, призвать тех, кто уже служил в таких полках. Ведь и раньше, распуская по домам войско после войн, в случае новых войн цари скликали уже обученных воинов и ставили под команду старых, опытных командиров.

Петр пошел по другому пути — в 1698—1699 годах стал записывать в полки вольноотпущенных холопов, крестьян и даже холопов без согласия их владельцев. Такая армия, по словам австрийца Корба, была «сбродом самых дрянных солдат, набранных из беднейшей черни». По более добродушным словам брауншвейгского посланника Вебера, «самый горестный народ».

«Подобным же образом была составлена и первая армия Петра в Северную войну: 29 новоприборных полков из вольницы и даточных по 1000 человек в каждом пристегнуты были к 4 старым полкам, 2 гвардейским и 2 кадровым. Нарва обнаружила их боевое качество»¹.

Правда, и «вторая армия Петра» была набрана не из самых лучших людей. Отбор и подготовка «лучших» требуют времени, а рекрутские наборы всего за 10 лет войны выкачали из 14-миллионного населения порядка 300 тысяч новобранцев. Если в 1701 году комплекс регулярной армии был 40 тысяч человек, то в 1708-м — 113 тысяч человек.

К концу царствования Петра регулярных войск в Российской империи числилось уже от 196 до 212 тысяч, да 110 тысяч казаков и инородцев, воевавших «своим строем», — башкир, татар и народов Поволжья. Этим полчищем вооруженных людей в 1712 году командовал Генеральный штаб — два фельдмаршала, Меншиков и Шереметев, и 31 генерал, причем из них только 14 иностранцев.

Огромные рекрутские наборы необходимы были не только для пополнения войска, но и чтобы покрыть колоссальные потери, которые несла армия Петра даже в мирное время — от голода и холода.

Вебер считал, что на одного погибшего в бою приходится два или три погибших от холода и голода, порой еще на сборных пунктах. Потому что, захватив рекрута, на него надевали кандалы и делали на кисти правой руки татуировку в форме креста; справедливости ради, при Петре не додумались до номеров, вытатуированных на видных частях тела, но клеймить своих подданных, как скот, все же придумали.

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 519.

А держали рекрутов «...в великой тесноте, по тюрьмам и острогам, немалое время, и, таким образом еще на месте изнузив, отправляли, не рассуждая, по числу людей и далекости пути с одним и то негодным офицером или дворянином, при недостаточном пропитании; к тому же поведут, упустив удобное время, жестокой распутицей, отчего в дороге приключаются многие болезни, и помирают безвременно, другие же бегут и пристают к воровским компаниям — ни крестьяне, ни солдаты, но разорители государства становятся. Иные с охотой хотели бы идти на службу, но, видя сначала над братией своей такой непорядок, в великий страх приходят».

Это цитата не из сочинений старообрядцев или опальных вельмож; это из доклада Военной коллегии Сенату в 1719 году. Доклад потребовался после того, как в 1718 году по армии числилось 45 тысяч «недобранных рекрут» и 20 тысяч — в бегах.

Так армия при Петре стала, по словам Ключевского, «морильней» и пугалом даже для того, кто изначально хотел в ней служить.

Впрочем, рекрутов при Петре называли «бессмертными», потому что если рекрут умирал на сборном пункте, его деревня или посад обязаны были поставить другого, точно такого же... и государство ничего не теряло, получая нужный ему «винтик».

Ни один из офицеров, подготовленных в армии Федора Алексеевича, не стал генералом у Петра. Генералами становились пьяницы из Всешутейного собора, совершенно независимо от их талантов и от личных качеств.

Приходится признать, что в отношении армии Петр сыграл роль парового катка. Его действия скорее следует называть не столько «реформой», сколько «ломкой», «разрушением» или «взрыванием» — так будет значительно точнее.

ВОЕННЫЕ ПОБЕДЫ

Единственной военной заслугой Петра (или, скорее, Шереметева) стало завоевание Прибалтики. Славное деяние, которое не прочь были бы совершить и Алексей

Михайлович, и Федор Алексеевич, и генерал Федора Алексеевича Григорий Григорьевич Ромодановский, и очень многие другие.

Но и тут сразу же появляются свои серьезнейшие «но»...

Во-первых, Швеция к тому времени явственно шла к упадку. Страна надорвалась в войнах с Польшей. Страшный «Потоп», когда в 1648 году практически вся территория Польши оказалась завоевана и оккупирована Швецией, дорого обошелся не только полякам. Карла XII с его культом войны поддерживали в основном молодые армейские офицеры, жаждавшие славы и воинских почестей. Войну, которую упорно вел Карл, в Европе называли «войной чести». То есть это была война, которая вообще-то ни за чем не нужна, но отказаться от которой невозможно, не поставив под сомнение свою личную храбрость. На сопляков-дворянчиков, которым не приходилось зарабатывать на хлеб, это действовало. Но грубые, приземленные бюргеры и дворяне постарше (в чьих руках обычно и сосредотачивались материальные ценности), заседавшие в парламенте-ландтаге, регулярно отказывали королю в ассигнованиях на войну. Эти скучные типы без знаменитых предков, гербов и дедовских шпаг не понимали, как это прекрасно и почетно — воевать. Все они говорили про свои тоскливые налоги, бюджет и прочую скукотень, от которой у короля сводило скулы зевотой. Но деньги были в их руках, и как ни сопротивлялся король, они все «закручивали краник» — давали все меньше денег для разорявшей и изнурявшей Швецию совершенно не нужной ей войны.

Шведские крепости в Прибалтике ветшали. Карл не подавал им никакой помощи, увязнув в более престижной войне с саксонским курфюрстом Августом, королем польским и союзником Московии. Петр же в войне в Прибалтике вернулся к первобытным средствам устрашения времен Ивана IV, бросавшего на немцев в Ливонскую войну первобытных татар и башкир. «Шереметев переправился за Нарову, пошел гостить в Эстонии таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы, и гости-

ли по-прежнему... Шереметев вошел беспрепятственно в Вещенберг, знаменитый в древней русской истории город Раковор (современный Раквере. — А.Б.), и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии. В конце сентября Борис Петрович возвратился домой из гостей: скота и лошадей... было взято вдвое против прошлого года, но чухон меньше, потому что вести было трудно¹.

Как следует из текста, «чухон» (эстонцев) дикари попросту перерезали. Если это некая клевета на славное воинство Петра, я рад буду услышать другое объяснение этому «вести было трудно, потому привели меньше».

Позволю себе не присоединяться к задорному тону С.М. Соловьева и не считать тактику выжженной земли великим достижением русской армии. Деянием предков, которым следует гордиться. Напомню также о страшной резне во всех взятых москвитями городах: Мариенгофе-Алуксене, где был взят знаменитый пастор Глюк, а среди его служанок — будущая императрица Екатерина, в Нарве и в Орешке, в Ниеншанце и в Ижоре.

Шведы, у которых оставалась такая возможность, выезжали в Швецию, домой, а местные русские и немцы достаточно легко присягали москвитам, массовой опоры у шведской армии тут не было.

Сам Карл 15 лет не был в Швеции, все воевал в Германии и в Польше. Его война в 1708—1709 годах против Московии, когда он одновременно пытался натравить на Москву украинцев Мазепы, татар и турецкого султана, приводится военными историками как типичнейший пример пренебрежения основными правилами военного искусства. Карл постоянно наступал недостаточными силами, не обеспечив коммуникаций; он недооценивал противника; у него была плохая разведка; не составлялся предварительный план боя. Карл позволял себе самые фантастические расчеты на союзников, которые и не думали всерьез помогать.

¹ Мэсси Р. Петр Великий. Т. 1—3. Смоленск, 1996. С. 8.

Этих «проколов» Карла не отрицают даже те шведские историки, которые вообще-то охотно говорят о других качествах этого полководца: стремительности его переходов, умении громить превосходящего противника, внезапности и быстроте действий, исключительной личной храбрости¹.

В битве при Полтаве участвовали лишь 16 тысяч предельно измотанных шведских солдат (передовой отряд, по существу) при 2 орудиях. А против них стояли 10 тысяч свежих русских солдат при 72 (по одним данным) или 112 (по другим) орудий.

Длилась Полтавская битва, кстати говоря, всего два часа... Так огромен был перевес русской армии, и особенно артиллерии, которая косила шведов как хотела.

Остается присоединиться к В.О. Ключевскому с его жесткой, но верной оценкой: «Стыдно было проиграть Полтаву... отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга»².

Правда, и тут Петр был в своем амплуа: при наступлении Карла XII в 1708 году перепугался так, что велел вывезти из Москвы сокровища Кремля и стал по периферии страны строить систему укреплений. Создать сразу много крепостей он не мог (и никто бы не смог). Но Петр нашел выход, и тоже очень в своем духе: чтобы создать укрепления, стали засыпать землей действующие церкви. Образовывался земляной холм, внутри которого находилось здание, из которого можно было вести огонь. Еще в начале XX века во Пскове сохранялись два таких холма, на которых играли дети.

И еще одно решение в обычном духе Петра — введение своего рода «заградительных отрядов» — если московские войска начнут отступать, стоявшие в тылу должны были стрелять по ним. Напомню, что соотношение

¹ Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 511.

участвовавших в бою и стоявших в запасе составляло 10 тысяч к 30 тысячам.

Н-да...

Потерпев поражение на Украине, Карл бежал в Турцию, пытался организовать одновременные военные действия с севера, шведской армии, и с юга, турецкой. Только вот организация чего-либо давалась ему куда хуже, чем стремительные атаки и налеты. Удалось опереться на интриги австрийцев и французов, спровоцировать Турцию на объявление войны в 1710 году.

Впрочем, Прутский поход 1711 года был и остался памятником своеобразной логики не Карла, а именно Петра. Это тоже событие в самом что ни на есть его духе. Турция хоть войну и объявила, но военные действия не начались, и принимал решение Петр. Судя по всему, Северная война вполне могла кончиться как раз в 1710—1711 годах — Швеция сильно устала, риксдаг воевать не хочет, король неизвестно где... Решительный удар по самой Швеции, московитские корабли на рейде Упсалы, рейд на Стокгольм, уязвимо лежащий у моря; татары и башкиры, с воём скачущие вдоль побережья, через оцепеневшие от страха городки с черепичными крышами, торчащими в кипени яблоневых садов...

В 1719 и 1720 годах, стоило провести два опустошительных похода в саму Швецию, и тут же стал возможен Ништадский мир, закреплявший за Московией все ею завоеванное.

Но Петр решил совсем иначе. Православные подданные турецкого султана — валахи, греки, болгары, сербы, румыны — все время звали Петра воевать с Высокой Портой, освободить их от ига мусульман. В их описаниях получалось, что местность в Молдавии гладкая, с водой и пищей проблем быть не может, турки слабы и сами панически боятся Петра. А стоит Петру пересечь границу с войском, как все покоренные турками народы тут же восстанут.

Петр писал Шереметеву: «Господари пишут, что как скоро наши войска вступят в их земли, то они тотчас же с ними соединятся и весь свой многочисленный народ побудят к восстанию против турок: на что глядя и сербы

(от которых мы такое же прошение и обещание имеем), также болгары и другие христианские народы встанут против турок, и одни присоединятся к нашим войскам, другие поднимут восстание внутри турецких областей; в таких обстоятельствах визирь не посмеет перейти через Дунай, большая часть войска его разбежится, а может быть, и бунт поднимут».

Кем надо быть, чтобы, не имея серьезной разведки, не зная всех обстоятельств, ввязаться в такую авантюру?! Вроде бы только что так же действовал Карл XII, пойдя с малыми силами на Украину и Московию...

Во всяком случае, Петр поверил, и в июне 1711 года московитское войско вступило в Молдавию. Разумеется, он сразу же обнаружил самые печальные вещи: что местность незнакомая и непривычная, в июне уже очень жарко, а воды мало. Что господарь Кантемир с 5000 вооруженных людей — единственная помощь православных, а турецкая армия и не думает разбежаться или бунтовать.

Армия великого везира Баталджи-паши (118 тысяч солдат, 440 орудий) быстро соединилась с 70-тысячной армией крымского хана Девлет-Гирея. Эти мощные силы быстро лишили русскую армию стратегической инициативы и всякой возможности наступать. Все попытки атаковать и вообще продвигаться турецкая армия гасила. Можно было запереться в укрепленном лагере (опыт был со времен Прешбурга). Попытки взять этот лагерь московиты успешно отбили, потеряв 3 тысячи своих и погубив 8 тысяч турецких солдат.

Но и сидеть в осажденном лагере не было таким уж веселым занятием — не было воды, не хватало продовольствия и боеприпасов. 9 июля московитскую армию блокировали турки, а 12 июля московиты уже подписали мирный договор...

Потому что Петр до такой степени перепугался, что послал Петра Шафирова в лагерь турок с приказом: получить мир любой ценой. Любой... Даже ценой отказа от всей Прибалтики, кроме Петербурга, а если этого мало — отдать шведам и Псков. Сохранилась записка Петра Ша-

фирову: «Стафь с ними на фсе, кроме шклафства (то есть кроме рабства. — А. Б.)»¹.

Вот тут-то у турок и шведов открывалась полная возможность и впрямь покончить с Московией, надолго отогнать ее прочь от балтийского побережья... но только турки не захотели сделать такого роскошного подарка Карлу. Карл умолял визиря дать ему 30 тысяч солдат, и к вечеру он приведет к визирю царя Петра с веревкой на шее... Исключить такой возможности нельзя, но турки добивались своих целей, и только своих. К тому же визирю гораздо приятнее было положить в карман богатые подарки московитов, чем дать Карлу армию.

По Прутскому мирному договору турки выпускали Петра и его армию и с ним — союзных молдаван во главе с Кантемиром. А за это Московия срывала все свои крепости на Черном море, в том числе такие большие, как Таганрог и Каменный Затон, отдавала Турции Азов, обязалась не вмешиваться в дела Польши и не держать флота на Черном море, а корабли, построенные под Воронежем и с таким трудом выведенные из Дона, сжечь. Кроме того, Московия теряла право держать свое постоянное посольство в Стамбуле — неслыханное унижение! Позже, в 1713 году, прибавилось еще одно требование — отступить от Правобережной (Западной) Украины.

В общем, возникает вопрос — если Петр подписал ТАКОЙ мир, что мешало туркам так и не выпускать его измышловки? Раздавить блокированную армию, привести Петра с веревкой на шее в Стамбул, и там он такое подпишет... Но в том-то и дело, что турецкая армия после штурма, в котором легли почти трое турецких солдат за жизнь московитского одного, вовсе не рвалась продолжать войну. Балтаджи Мехмет-паша подписал договор, крайне выгодный его стране, не желая губить своих людей. Логика, хорошо понятная цивилизованному человеку.

В Прутском походе погибло 27 285 человек; из них только 4800 — в боевых действиях. Остальные пали жертвами болезней, жажды и голода. А кроме того,

¹ Война с Турцией 1711 г. Прутская операция//Сб. документов под ред. Мышлаевского А.З., СПб., 1898.

в Прутском походе похоронены были все достижения, оплаченные кровью десятков тысяч людей, — по выходу Московии к Черному морю.

Согласимся с оценкой действий Петра: «...он имел несчастье, вместо того чтобы сконцентрировать все усилия на заключении мира со Швецией, ввязаться в хаос сложных дипломатических интриг, которые требовали тонкого политического чутья, изощренной дипломатии и финансовых средств, которых ему не хватало»¹.

Что касается дипломатических интриг... Петр вел их, «разбрасывая своих племянниц по глухим уголкам германского мира... Петр втягивался в придворные дрязги и мелкие династические интересы огромной феодальной паутины... германские отношения перевернули всю внешнюю политику Петра, сделали его друзей врагами, не сделав врагов друзьями, и он опять начал бросаться из стороны в сторону, едва был не запутан в замысел служившего шведскому королю голштинца Герна... хотевшего помирить Швецию с Россией, чтобы они низвергли ганноверского курфюрста с английского престола и восстановили Стюартов... Когда эта фантастическая затея вскрылась, Петр поехал во Францию, чтобы навязать свою дочь Елизавету в невесты малолетнему Людовику XV и этим матримониальным пособием найти союзницу в своей постоянной противнице... Так главная задача... разменялась на мекленбургские, саксонские и датские пустяки, продлившие томительную 9-летнюю войну еще на 12 лет»².

Отдадим должное Карлу XII — он, как и обещал, воевал до самого последнего часа и пал в бою. В 1715 году он наконец-то, после 15-летнего отсутствия, появился в Швеции. Пытался «приструнить» риксдаг, заставить страну сделать еще одно усилие... Его смерть под норвежской крепостью Фредериксхалль вызывала много вопросов... По официальным данным, короля застрелили из крепости, и многие видели ствол ружья и вспышку вы-

¹ Бушков А.А. Россия, которой не было. М., 1997. С. 394.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 512—513.

стрела между зубцами. Но вроде бы другие видели выстрел и дым совсем в другом месте, из глубины ШВЕДСКИХ позиций... Именно после ЭТОГО выстрела схватился за грудь и рухнул король... А ружье из крепости... Шла война, и таких стволов торчало над крепостной стеной много.

Не буду настаивать ни на чем, но смерть Карла XII (ему было всего 35 лет) — одна из не разгаданных по сей день загадок истории. Очень может быть, риксдаг таким образом избавился от слишком воинственного короля.

...А Петр, потеряв возможность окончить войну к 1710 или 1711 году, возился еще несколько лет, тратя фантастические средства и теряя десятки тысяч людей. Одного в бою — двоих или троих от голода и холода.

ФЛОТ

Еще более восторженно, чем о реформах армии Петром, полагается писать о «создании флота». Мол, «великий преобразователь» пришел, увидел — флота не было. И победил, конечно же, построил флот. И увидел Петр, что это хорошо. Вот преемники Петра, люди ограниченные и близорукие, прелести флота не понимали, и флот почти полностью сгнил, пока Екатерина II Великая не спохватилась и не отстроила флот по новой.

Пожалуй, в этой краткой иронической справке я охватил основные стереотипы, по которым полагалось (и даже сейчас полагается) говорить о великом деянии — о создании Петром флота. Но это — в лучшем случае недоумение: Петр вовсе не создал русский флот. Он уничтожил русский флот, и, если бы на свете существовала справедливость, именно об этом сегодня повествовали бы все учебники.

В допетровской Московии действительно не было или почти не было военно-морского флота. Эскадра Кравкова или флот, построенный Ордын-Нащокиным на Западной Двине во время войны со Швецией 1658 года, «тянут» в лучшем случае на «военно-речной» или «военно-прибрежный» флот, не больше. Но рыболовный и торговый флот в Московии XVII века был. Поморские лодии-кочи

добирались до Англии и Шпицбергена, а могучие каспийские бусы ходили в Персию и Азербайджан.

Не будем лицемерить, будто заимствовать в Голландии предкам было так уж и нечего. Корабли допетровской Руси в двух отношениях отличались от голландских и английских в худшую сторону — они имели «худшие» обводы, были заметно «пузатее» скоростных океанских судов. Если в передовых странах Европы соотношение между шириной и длиной судна принято было выдерживать как 1:6, даже 1:8, то бус имел соотношение между шириной и длиной примерно как 1:4.

Второе отличие в том, что у судов Голландии было больше косых парусов, и потому эти корабли могли лучше лавировать при ветрах с разной стороны и хуже «ловили» слабый ветер.

В результате голландские и английские корабли были маневреннее и быстрее, для их управлением нужно было меньше людей.

Но замечу: одномачтовые (а у буса было 3 мачты) парусники-доу арабов в XV—XVII веках освоили весь Индийский океан и плавают по нему до сих пор.

Китайский флот придворного евнуха императора Чжэн Хэ в XV веке из Кантона добрался до Индии и до восточного побережья Африки. Потом император сменился, флот стал не нужен, но сам по себе факт знаменательный — вовсе не одни голландские суда пригодны для океанских плаваний. Да и испанский галеон, легко ходивший через Атлантику, не намного лучше снаряжен и, уж конечно, не крупнее каспийского буса.

То есть московитские корабли если и уступали голландским и английским, то не намного. К сказанному добавим еще, что плавать через океаны в Московии того времени не было ни малейшей необходимости.

И, наконец, кто, собственно, мешал Петру совершенствовать русский флот, вовсе не уничтожая его, а вводя в традиции строительства кораблей то, что было необходимо взять у Европы (в том числе и ввозя специалистов из Голландии)?

Но все это не было ни осознано, ни тем более сделано. Московитский флот приказано было уничтожить, и его не

стало. После этого на Каспийском море долгое время не было никакого флота — ни торгового, ни военного. А плавать по Каспию Петр хотел! И не только по Каспию...

В 1716 году он посылает князя Бековича-Черкасского не куда-нибудь, а в Среднюю Азию! И не зачем-нибудь, а для отыскания старого русла Амударьи, которая текла раньше не в Аральское море, а в Каспийское. Перед Бековичем-Черкасским поставлена задача — пустить Амударью снова по этому руслу! Амударья потечет в Каспий, и флот Петра сможет подниматься по течению Амударьи, проникать в самое сердце Азии. Кроме того, неплохо бы склонить хивинцев к переходу в московитское подданство, да поискать золота в русле Амударьи. Для исполнения задания дано было 5 тысяч солдат и приказано не мешкать, не возиться лишнее время.

Даже для Петра эта затея до такой степени фантастична, что в нее трудно поверить. В смысле, что до такого можно было вообще додуматься! Интересно, понимал ли это кабардинский князь Дэвлет-Кизден-Мурза, в крещении ставший Александром Бековичем-Черкасским? Или, плывя до Астрахани, потом до туркменского побережья, двигаясь через пустыни к Хиве, он не осознавал себя смертником? Этого я не знаю. Знаю точно, что в Хиве долго не понимали, что вообще делать с этим наглецом? На Востоке с трудом верят в угрозы, заносчивость, фантастические требования, не подкрепленные силой. Потребовалось время, чтобы разобрались: да, эти 5 тысяч — единственные, и до других московитских войск — несколько тысяч километров. И тогда хивинцы напали на спавших в разных местах, ничего не подозревающих солдат и перерезали их. Погиб и князь Александр¹.

Но ведь Петр I и строил флот! Для Черного моря — под Воронежем, для Балтики — во многих местах! Да, строил... Строил, но только не флот, а нечто непонятное. Нечто, сварганенное на скорую руку, без всякого соблюдения технологии. Все флоты, построенные Петром, сколочены в ударно короткие сроки из сырого леса, черт те из

¹Иллерицкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву (1716—1717 гг.) // Исторический журнал, 1940. № 7.

чего, и представляли собой еле держащиеся на поверхности воды плавучие гробы.

Умение выбирать лес для постройки корабля, умение правильно сушить, учитывая сорта и виды дерева, направление и силу ветра, влажность, освещенность и так далее, считалось важнейшими умениями корабеля.

Не менее важно было просмаливать дерево, пропитывать его дегтем, смолой. Опять же важно было знать, как именно пропитывать древесину, какие соотношения смолы брать, до какой температуры нагреть, сколько раз пропитать. Многие мастера хранили секреты собственных смесей для пропитывания корабельной древесины. За одни эти «ноу-хау» и фирмы, и государства перекупали друг у друга опытных корабелов, хранителей секретов совершенства.

Чем старательнее соблюдалась технология сушки и пропитки, тем дольше мог служить корабль. В английском флоте, громившем Наполеона под Трафальгаром в 1806 году, были суда, помнившие времена Петра. Резная наяда, смотревшаяся в окрашенные заревом воды Трафальгарского залива, столетием раньше могла смотреться в воды Белого моря, а долговязый царь варваров осматривал ее, похлопывал рукой, стоя в прыгавшей на волнах лодке.

Трудно сказать, как могла сложиться судьба Черноморского флота: его ведь сожгли после 1711 года. А вот судьбу Балтийского флота проследить удастся неплохо, и надо отметить — очень мрачная это судьба. Потому что этот флот, построенный без соблюдения технологических правил, примитивнейшим образом гнил. Ведь строили корабли крайне поспешно: «давай-давай!», «время не ждет, чтобы к завтраму были!»

До 1708 года — на Балтике только небольшие фрегаты и гребные суда, и только с 1709-го началось ускоренное строительство флота и Кронштадта. Но до 1714-го строились только 50-пушечные корабли, и пришлось в 1712—1714 годах купить на Западе шестнадцать 50—60-пушечных судов

Правда, в 1713—1714 годах в Архангельске построено из лиственницы семь 52-пушечных судов, но тяготы

были такие, что с 1715 года в Архангельске строительство судов было свернуто.

В 1715 году из 20 действующих кораблей 16 были куплены за границей, и все планы постройки регулярно не выполнялись. В 1718-м планировалось построить девять 70-пушечных кораблей и двенадцать 66-пушечных, а реально построили всего один 70-пушечный.

Тем более после смерти Петра строительство кораблей Балтийского флота почти сворачивается. В 1726-м заложен только один 54-пушечный корабль, в 1727—1730 годах новых судов вообще не строят.

При Анне вели дискуссии о кораблях, и было высказано даже мнение: а может быть, парусный флот на Балтике вообще не очень и нужен? Может, оставить там только галеры?

В конце 1731 года было 36 линейных, 12 фрегатов, 2 шнявы — но это все на бумаге. На самом деле только 8 судов из этого флота могли ходить в океане и 13 — в Балтике, близ берегов. В 1741 году флот попросту не смог выйти из гавани навстречу шведскому флоту. В 1742 году — просто не решился выйти из гавани, хотя числом вымпелов шведский флот превосходил.

Дело в том, что средний возраст службы корабля составлял 5 лет, потом суда вульгарным образом гнили. Тем более полупресная вода плохо действует даже на суда, построенные с соблюдением должной технологии. А тут еще при малейшей неисправности вести суда приходилось в Петербург, на совсем пресную воду — в Кронштадте очень слабой была вся ремонтная база, и корабли чуть что вели в столицу.

Строительство же выливалось в такую копеечку, что плавучий гроб из сырого дуба и со сроком службы в пять лет получался как бы отлитым из золота. Ведь ближайшие от Петербурга дубовые леса находятся километров за 600, на Дону и на Волге! Транспортировка стволов страшно дорога, помещики не хотели рубить эти леса, считая их своим ценным достоянием, а если лес все же рубили, не хотели сажать дубы, ничего не понимая в восстановлении лесов.

В результате при Анне приняли программу умеренную — строить корабли на 66 пушек, не больше, но и эту программу «благополучно» позабыли.

Считалось, что необходимо возводить флот по иноземным образцам, слизывать его до деталей с голландского — вот и возводили! Дошло до того, что современные ученые всерьез утверждают: наверное, у русских до Петра не было специального слова для обозначения морского берега! Слово «берег» означало только границу чего-то пресноводного, реки или озера... А то чего бы это в русском флоте XVIII века берег называли голландским словом «кюст»¹.

Черноморский флот возводили там же, где строил его Григорий Иванович Касогов в 1674 году: под Воронежем. Корабли Касогова не были, конечно, кораблями класса голландских или английских фрегатов и бригантин. Это были парусно-гребные суда, галеры и скампавей, на которых Григорий Иванович перебрасывал войска по рекам до Азовского моря.

Флот Касогова, эскадра в 60 вымпелов, эти задачи выполнил великолепно, перевозя войска под Азов и нанося удары по турецким и татарским крепостям на побережье Крыма. Касогов же внимательно изучил одну особенность течения Дона... Дело в том, что некоторые реки при впадении в море растекаются очень широко, скорость их течения падает, и в устье их глубина меньше, чем на большей части русла. Эта особенность Дона прекрасно была известна и россиянам, и казакам, и туркам. Из-за нее турки никогда не вводили в Дон крупные корабли и, если Азов осаждали, помогали крепости на малых судах или на плоскодонных галерах.

Правительство Московии интересовало — можно ли все-таки вывести из Дона в Азовское море крупные корабли, типа голландских боевых судов или типа каспийского трехмачтового буса. Петр, когда начал строить флот под Воронежем, точно знал — в Азовское море эти корабли смогут выйти!

¹ Быховский И.А. Петровские корабли. Л., 1982. С. 14.

Новый Черноморский флот при Петре строили 26 тысяч человек белгородского разряда в 1695 и 1696 годах¹. Балтийский первоначально строили в Архангельске с его старой школой русских корабелов. Какая была помеха в том, чтобы привлечь к строительству флота корабелов из-под Воронежа или из деревень и посадов по берегам Оки, из Астрахани, где строились корабли для Каспия? Что мешало? Кто мешал? А ничего... кроме желания царя.

Но ведь кроме самого «дерева» — кораблей и канатов, флот — это еще и люди, умеющие кораблями управлять, — морские офицеры, специалисты, матросы. Их-то и не было...

Конечно, можно было взять на службу во флот поморов или астраханцев, умеющих водить каспийские бусы в открытом море. Но это, конечно, было бы глубоко неправильно! Нет в Московии «настоящего» флота, настоящий — только за морем...

Флот для новобранца из континентальной губернии, из центра Московской Руси, где никакого моря от веку не видали, был делом совершенно непонятым, а то и папахивающим серой. «Тебя отправят на флот!» — и парень бежит, разбивает голову сопровождающему собственными кандалами и прибивается к разбойникам. Попавшие на флот, даже если не страдали от морской болезни, если не было других проблем, не хотели учиться быть хорошими матросами, и учить их было почти некому. Жизнь на корабле была так непривычна, странна, тоска так страшно схватывала матросов, что они опять же бежали или просто впадали в оцепенение, не желали дальше жить. Начальство воровало страшно, а ведь на кораблях в открытом море, даже на рейде, и не украдешь ничего, и милостыни не у кого просить.

В 1716 году адмирал Девьер писал Петру: «Здесь мы нажили такую славу, что и в тысячу лет не угаснет. Из сенявинской команды умерло уже около 150 человек, и многих уже бросили в воду в канал, и ныне покойников 12 принесло к дворам, и народ здешний о том жалуется,

¹ Очерки истории СССР. XVII век/Под ред. Н.М. Дружинина. М., 1955. С. 440—441.

и министры некоторые мне говорили, и хотят послать к королю».

Как реагировал Петр? А никак.

Другой адмирал царя Петра, Паддон, в 1717 году из-за гнилого продовольствия всего за месяц потерял 222 новобранца из 500, а остальные «почитай помрут с голоду, обретаются в таком бедном состоянии от лишения одежды, что опасаются, вскоре помрут». Тот же Паддон писал, что «русский флот, вследствие дурного продовольствия, потерял вдвое больше людей против любого иностранного флота».

Характерно, что это писал англичанин — потому что английский парусный флот был местом, каким мамы пугают непослушных детей. Английского матроса, как правило, заманивали специальные вербовщики, рыскавшие по кабакам. Пригодного к службе крепкого парня и подпайвали, и уговаривали, и, случалось, попросту подливали снотворного зелья в стакан с добрым английским элем. А на флоте было и голодно, и воды не всегда в достатке, и дикие нравы, и порка девятихвостой плетью. В результате говаривали, что трудно найти на островах Тихого океана племя, в котором не живут один-два беглых английских матроса...

Если это и преувеличение, то не очень большое, потому что экспедиция Коцебу в 1819 году находила по беглому англичанину на каждом из посещенных ею островов Маркизского архипелага, а на острове Нуку-Хива так даже двоих — англичанина и француза.

Вообще-то Паддон известен как раз гуманным обращением с матросами, но служить он начинал в английском флоте, и произвести на него впечатление было не просто...

А это ведь идет речь о временах, когда флот все-таки «не оставлялся монаршей милостью», когда флот подпитывали финансово, за злоупотребления можно было и поплатиться. Но стоило умереть Петру, для которого флот был и остался любимой игрушкой, — не стало даже и этого.

В России вообще-то считалось, что флот существует — ведь гнило же что-то там на рейде, торчали борта

и мачты над серой балтийской водою. Но так считалось чисто теоретически, потому что задач, для которых флот действительно необходим, у государства Российского попросту не было. Вот когда такие задачи появились, когда в эпоху «матушки Екатерины» появилась насущная задача послать флот в Средиземное море и тревожить там турок, — оказалось, что флота в России практически нет.

Придворные Екатерины привыкли считать самих себя изнеженными и живущими в холе и в цивилизации — по сравнению с суровыми временами основателя Российской империи, Петра. Но именно они, эти изнеженные франты в кружевных рубашках и говорившие по-французски почти без акцента, создали флот, по сути дела, из ничего.

К началу XIX века сложились морские традиции Российской империи. Важную роль в этих традициях играли выходцы из Костромской губернии, в которую когда-то, еще при Иване III, переселяли («переводили») новгородское дворянство. Прошло три века, и потомки русских (но не московитских) мореходов дали миру Невельского, Лисянского, род Бутаковых и многих-многих других. Другой группой морских офицеров стали в Российской империи прибалтийские немцы, «трофейные иностранцы» (Литке, Врангель, Крузенштерн, Коцебу). Так все и вернулось на круги своя...

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Со страниц множества книг звучит рефрен: «Петр создал новые государственные учреждения! Петр отменил прежнюю систему управления!»

Но в первые годы правления Петра он и не думал ничего менять. Страна жила, управляемая все теми же приказами и приказными, под все той же Боярской думой. В 1705 году в Москве было 17 бояр, 17 окольных, 1 думный дворянин (наш старый знакомый — Никита Моисеевич Зотов), 3 думных дьяка. Боярская дума никогда не была отменена Петром и вымерла в самом буквальном смысле — от старости: Петр не жаловал новые

думные чины, и по мере смерти прежних думных людей некому было занять их место. Но, по крайней мере, до 1704 года Дума регулярно собиралась, и именно она управляла государством в отсутствие царя (а он постоянно отсутствовал).

В числе всех прочих дел, в 1700 году боярам велено соотнести Уложение 1649 года с новыми указами и включить указы в Уложение...

В 1704 году велено в отсутствие царя править не Боярской думе, а «конзилии министров», причем под «министрами» подразумеваются главы самых важных ведомств.

Точно так же городами управлять должен был Главный магистрат, а арестованных Петр приказывает доставлять в Московскую ратушу — но, конечно же, на практике это оказывается обычной съезжая изба. Так Том Соейер, играя в освобождение принцев и герцогов, называл кирку ножом, а бревенчатую избу в штате Миссисипи — дворцом. Не верь ушам своим...

О заседаниях Боярской думы с 1704 года не упоминается, но совершенно непонятно, исчезла она или нет? Если нет, то с введением «конзилии министров» Боярская дума вовсе не упраздняется, и становится окончательно непонятно, кто же должен управлять страной? Какой из двух органов власти?

В 1711 году, собираясь в приснопамятный Прутский поход, Петр создает новый орган власти — Сенат. 9 сенаторов во главе с обер-секретарем назначались Петром из высших чиновников «первых трех рангов»,

До 1718 года (то есть большую часть времени правления Петра) по-прежнему работали приказы. Их реформируют, водят новые. В 1701 году Иноземный и Рейтарский приказы сливаются в один приказ Военных дел. Возникли Монастырский, Артиллерийских дел, Рудокопный, Провиантский, Морской приказы. То есть никто не отменял приказов, речь идет только о разрастании уже существующей бюрократии.

В 1718 году Петр заводит новые органы — 9, позже 12 коллегий. Три из них — Иностранная, Адмиралтейская и Военная — сразу же выделены и названы «первейшими». Сам он так определяет, что же такое — коллегия:

«...собрания многих персон... в которых президенты или председатели не такую мочь имеют, как старые судьи — делали, что хотели». Теоретически все дела должны были решаться в коллегиях общим обсуждением, и у всех был равный голос, только у президента, если мнения разойдутся, голос был решающий.

Представление, что «на смену приказам пришли коллегии»¹ и что приказы попросту исчезли, неверно. Приказы, во всяком случае, пережили Петра, а Сибирский приказ сохранялся до 1763 года.

Сенат по своим функциям решительно ничем не отличается от Боярской думы, но вот по социальному составу — отличается, и не в лучшую сторону. В Боярскую думу попадали или «по великой породе», владельцы вотчин, материально независимые от царя, или сделавшие карьеру чиновники. Теперь — только сделавшие карьеру чиновники.

Уж конечно, этот Сенат ничего не имеет общего с Сенатом Древнего Рима, в котором заседали богатейшие люди Римской республики и империи, ограничивая власть даже самых распоясавшихся цезарей. Как ему свойственно, Петр дал громкое историческое название органу, устроенному совершенно по-другому, нежели римский Сенат.

Другой пример того же самого — громкое название «кумпанств» для объединений, которые должны были строить корабли Черноморского флота.

Ну и что тут общего с «компаниями» западных купцов?

Так же и коллегии — Петр взял это слово у Лейбница, который называл «коллегиями» высшие органы правления в своем идеальном государстве, что-то вроде министерств. Что же касается реальных петровских коллегий, то они не только не лучше — они во многих отношениях хуже приказов.

А местное управление? В 1707—1710 годах созданы губернии: Московская, Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская, Архангельская, Нижегородская, Астрахан-

¹ Юрганов А.Л., Кацва Л.А. История России XVI—XVIII вв. М., 1996. С. 266.

ская, Сибирская. Прежние уезды складывались постепенно, исторически. Губернии вводились для нужд содержания армии и для удобства управления. В 1711 году все полки расписаны по губерниям. Губернии должны теперь содержать полки, которые назывались по «шефствующим» губерниям: Казанский полк, Смоленский полк и так далее.

Управлять каждой из громадных губерний было очень трудно, чиновничий аппарат разрастался чрезвычайно. В допетровской Руси хотя бы чиновников на местах было не очень много. А тут их появились буквально полчища.

Система территориального деления была списана со шведской, но, как разъяснил Петр, «а которые пункты в шведском регламенте неудобны, или с сетауациею сего государства несходны, и оные ставить по своему рассуждению».

У сенаторов оказалось своеобразное представление, какие пункты наиболее неудобны; губернии разделили на 50 провинций, а провинции на уезды и на дистрикты (плодя новые толпы чиновников). Неудобным же «пунктом» оказался низовой элемент шведской административной системы: кирхшпиль, то есть приход. Руководил им пастор при участии выборных от прихожан. А уж чего-чего, самоуправления чиновники допускать не собирались.

«Всякие наряды и посылки бывают по указам от городов, а не от церквей, к тому и в уезде ис крестьянства умных людей нет», — так и говорилось в соответствующем постановлении Сената.

Московская Русь знала сложные формы самоуправления. В конце XVII века всей громадной страной управляли от силы 10 тысяч чиновников. Остальную работу брали на себя выборные из общин. Приходится признать — губернская реформа Петра «прогрессивна» только по названиям. Она — шаг назад, к бюрократии и деспотии. То есть, ясное дело, красивые иностранные слова «губерния» и «дистрикт» звучат куда лучше старорежимных и отсталых «волости» или «уезда»! Во всем же остальном — шаг назад, как и с коллегиями.

Интересно, что в современной Республике Польша территория делится на воеводства, а стоит во главе воеводств — воевода. Есть даже такой латино-славянский фонетический уродец, как вице-воевода, то есть заместитель воеводы. Трудно отрицать, что Польша — государство вполне современное и вполне европейское. Станным образом, сохранение исторического названия для административных единиц этому не помешало. А России как-то и «дистрикты» не особенно помогли.

Введение Петром особой «духовной коллегии» официальным историкам прошлого века приходилось оправдывать разложением и полным упадком духовенства перед Петром. С.М. Соловьев тратит несколько страниц текста, чтобы описать всю бездну падения духовных лиц, и буквально полстраницы — на описания самих действий Петра, впадая в этом месте в скороговорку.

Обстоятельства же дела таковы: в октябре 1700 умер патриарх Адриан. После его смерти царь не позволил собраться освященному Собору для выбора нового патриарха. По указу 16 декабря 1700 года, митрополит Стефан Яворский назначался «екзархом святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором». Хранитель патриаршего престола, значит, есть, а вот самого патриарха — на неопределенный срок нет. В январе 1701, не теряя времени, Петр упраздняет Патриарший разряд и вводит Монастырский приказ — бюрократическое учреждение для управления церковным имуществом.

Духовные не раз просят Петра, чтобы он позволил им избрать нового патриарха, а он отмалчивается много лет (не забывая управлять монастырским имуществом и извлекать из этого доход).

Только в 1721 году (больше двадцати лет, как не стало последнего патриарха!) публикуется «Духовный регламент» — документ, в котором очень прямодушно обосновывается нежелательность патриаршества; нежелательность состоит в том, что «простой народ» видит в патриархе второго царя...

Тут же создается Духовная коллегия, во главе все с тем же Стефаном Яворским. По одним сообщениям, Петр принял высшее духовенство, стуча кулаком по столу, где

уже лежал готовый Устав Духовной коллегии. По другим, он поступил даже более решительно: после просьбы позволить избрать патриарха выхватил нож, вогнал его с силой в доски стола. И прорычал: «Вот вам бумажный патриарх! — И при этих словах ткнул в написанный Устав. — А не понравится — вот вам булатный патриарх!»

Какая версия правдивее, судить трудно.

Духовная коллегия оказалась очень уж необычной, ее быстро переименовывают в Святейший Синод, но ведь не в названиях дело. Церковь при Петре превратилась в государственное учреждение, и надзирал за работой Синода светский человек — обер-прокурор. С амвона зачитывались указы и проклинались преступники, а специальные указы требовали регулярно посещать церковь и исповедоваться.

А Синод в том же 1722 году постановил, что священник, узнав об антигосударственных настроениях прихожанина, ОБЯЗАН донести на него. Если священник не доносил, он подлежал лишению сана, конфискации имущества и смертной казни.

Фантасты, среди которых первым был, пожалуй, Оруэлл, любят придумывать жуткие антиутопии, в которых государство и его чиновники вживляют людям в мозг электроды или дают подозрительным химические препараты, от которых они становятся совершенно безвольными и выбалтывают все свои даже самые интимные и самые страшные тайны. Но чем отличается государство Петра от такой антиутопии? Подданный ОБЯЗАН ходить в церковь и исповедаться. Священник ОБЯЗАН донести. Получается, что подданный, затеяв некий заговор или создав антиправительственную группировку, должен выбирать между ложью на исповеди (что грех перед Богом) или фактическим доносом на самого себя...

Наверное, имеет смысл напомнить, что тайна исповеди испокон веку считалась священной: ведь прихожанин, строго говоря, сообщает ее не священнику — человеку в рясе, а Богу. Священник должен был скорее умереть, чем разгласить тайну исповеди; Петр же решил убивать священника как раз за выполнение пастырского долга.

Некоторые историки считают, что здесь коренится одна из причин, и даже главная причина, бедствий, поразивших Россию в XX веке. По их мнению, до Петра Церковь оставалась все же независимой от государства силой, а главное — источником авторитета. Исчез этот источник (потому что сама Церковь стала частью государственного аппарата), и человек оказался один на один с громадой всевластного, проникающего во все государства...

К сказанному добавлю... нет, лучше процитирую П.Н. Милюкова: «между тремя инстанциями центрального управления — консилией министров, сенатом и коллегиями — не существовало правильного иерархического отношения: власть учредительная, законодательная и исполнительная беспорядочным образом мешались в каждой из них»¹.

В Сенате подканцлер Шафиров бранил воров обер-прокурора Скорнякова-Писарева, а из провинций такие же известия: «воевода обругал... площадными словами камерира», в другой провинции «камерир дерзнул бесчестить побоями воеводу», в третьей «воевода и камерир били смертным боем земского комиссара». Ведь все это — люди разных ведомств, никак не соотнесенных друг с другом, и как они должны сотрудничать, непонятно.

Так что все негативные стороны приказной системы при Петре были живехоньки, и даже стало еще хуже. Старая приказная система во главе с Боярской думой МОГЛА существовать без царя. А «новая система» управления, созданная Петром, ни дня не могла просуществовать без личного вмешательства царя, и при его исчезновении управление страной ввергалось в полнейший хаос.

Вот и получается нечто грустное: все стократ расхваленные реформы Петра — это или чисто внешние переименования (Думы в консилию, потом в Сенат), или даже вредные изменения, плодящие чиновничество и создающие органы управления ХУДШИЕ, чем были раньше. Как коллегия хуже приказа, а губерния хуже уезда.

¹ Милюков П.Н. Очерки русской культуры. Т. 2. М., 1994. С. 236.

Впрочем, все это во многом лирика, потому что все и старые, и новые учреждения при Петре почти что и не правила. Страна жила в режиме управления всего одним, но «зато» всевластным человеком.

Уже в 1704 году, после очередного стога царя «возможно ли одному человеку за столь многими усмотреть!» (а зачем за всеми постоянно «усматривать»?!) В этом вовсе и нет никакой необходимости... — А. Б.), был создан Кабинет — личная канцелярия царя с немалым штатом чиновников во главе с Алексеем Васильевичем Макаровым. Была еще ближняя походная канцелярия во главе с все тем же Зотовым, «ближним советником и ближним канцелярии генерал-президентом», эта канцелярия везде ездила за царем. Но главной канцелярией был все же Кабинет, и Макаров приобрел колоссальное значение: ведь именно он решал, какая бумага ляжет на стол царю сегодня, а какая — только послезавтра. И, конечно же, Макаров всегда мог представить документ таким образом, чтобы решение по нему было бы положительным... или отрицательным.

Перед неродовитым, небогатым Макаровым стали заискивать знатнейшие вельможи и всеильные сановники...

А легендарные 20 тысяч указов обрушились на страну, ввергнув ее в режим чрезвычайщины.

Обалдев от избытка указов, чиновники на местах попросту утратили всякое подобие инициативы. Соликамский воевода просил царского именного разрешения на ремонт тюрьмы: тюрьма там так обветшала, что «арестанты того и гляди разбегутся». Московский губернатор не смел без царского указа починить деревянную мостовую, разрушенную паводком.

Боярская дума, как ее ни брани, умела взять на себя ответственность при решении каких-либо дел; в «конзилии» же «министры» старались заседания прогуливать, а если и являлись, то старались не брать на себя ответственности ни за что: как оно там повернется... В 1707 году Петр даже издал особый указ: пусть бояре, которые съезжаются в конзилию, записывают решаемые дела,

и каждый министр своей рукой подписывается. Так сказать, оставляет письменные улики против себя.

Население, похоже, вообще уже не понимало, куда плыть и каких берегов держаться. В 1698 году Петр разразился указами о запрете на остроконечные ножи (чтобы не вооружать разбойников) и об обязательном ношении короткой одежды, венгерского или немецкого образца. Всякого, кто появлялся на улицах в «неуставном» платье, надлежало ставить на колени и обрезать платье на уровне земли. Тех, кто изготовлял, хранил, носил, использовал, продавал остроконечные ножи, ждали кнут, ссылка, опала... обычный петровский набор.

Как население должно было резать скот, разделять туши, выделывать кожи ножами с круглым концом, выше моего понимания. Всякий, кто этим хоть когда-нибудь занимался, знает — это никак невозможно.

В 1700 году знаменитый прибыльщик Андрей Курбатов писал о необходимости повторить указы о ношении немецкого и венгерского платья и о запрете на остроконечные ножи — эти указы не выполняются, а многие и не знают, что такие указы издавались.

Страна оказывалась фактически никем не управляемой; исполнительская дисциплина упала чудовищно, воровство чиновников сделалось бытовой нормой. Даже старых служащих, начинавших еще при Алексее Михайловиче, развращает беззаконие, организованное самим царем.

Андрея Андреевича Виниуса, сына голландца, создателя металлургического завода, Петр вообще-то высоко ценил — за знание языков, за ум, за честность.

Но и Виниус не устоял, начал принимать разного рода «дачи», и Петр к нему начал хладеть... Причем Меншиков, естественно, прилагал все усилия, чтобы Петр побольше узнал о казнокрадстве и взяточничестве Виниуса.

В 1703 году Андрей Андреевич Виниус под угрозой отставления от службы обращается к Меншикову: просил о заступничестве, принес три коробочки золота, 150 золотых червонцев, 300 рублей денег и дал письмо с обязательством выдать 5000 рублей и 7 коробочек золота.

Меншиков передает письмо царю, в котором сообщает, что Виниус оправдался совершенно. А одновременно шлет царю другое письмо, в котором объявляет, что А.А. Виниус ни в чем оправдаться оказался не способен (после чего старик с перепугу бежит за границу)...

Виниус по вкусам, взглядам был совершенно обрусевшим человеком и, когда в 1708 году оказался за рубежом, очень быстро стал слезно просить позволить ему вернуться умирать на родину. К чести Петра, он не стал преследовать 65-летнего старика и вернуться позволил.

В этой истории характерно многое — и нравы приближенных Петра, и незначительные, в общем-то, суммы, присвоенные Виниусом. Ну что поделывать, в другие времена он воспитывался, не умел толком воровать....

Петр, как всегда, нашел выход из положения: стал вводить новые бюрократические системы для надзирания за прежними!

В чем его опыт действительно уникален, так это созданием специальной службы фискалов, то есть официальных доносителей. В марте 1711 года 500 чиновников, официально именуемых фискалами, возглавлялись обер-фискалом, и их единственной официальной же службой было «выведывать случаи злоупотребления и доносить Сенату, невзирая на чины и звания».

Если даже фискал сделает ложный донос, но по незнанию деталей, не страшно: Петр полагал, что «лучше недоношением ошибиться, чем молчанием». А какой же фискал сознается, что все детали дела знал и донес не по ошибке, а из душевного паскудства?!

Впрочем, в роли фискалов очень часто работали и прибыльщики, которые могли находить доход государству как раз в том, чтобы отыскать злоупотребившего чиновника и заставить его «поделиться» с государством (и с самим прибыльщиком, которому шла часть «добычи»).

Петру вообще было свойственно «делиться» с тем, кто помогает осуществлять на практике его указы. Так поступали короли Запада во время колониальных войн, когда все солдаты, в зависимости от ранга, получали свою долю награбленного. И когда сэра Роберта Клайва, главнокомандующего войсками Ост-Индской компании, отдали

под суд, он спокойно и цинично рассказал, откуда у него деньги: «Алмазов было не так много, всего несколько корзин. Вот изумрудов мы собрали две или три бочки... Лично себе я взял всего двести тысяч фунтов. Я удивляюсь своей скромности, джентльмены». Скромности Роберта Клайва и впрямь остается только удивляться, потому что двести тысяч фунтов — это одно из крупнейших состояний тогдашней Англии.

Но ограбление Бенгалии — реалии колониальной войны. А Петр перенес их на свою собственную страну, на Московию. Скажем, в 1705-м вышел очередной указ: ловить нищих, сдавать в солдаты, а дряхлых или совершенно больных — в монахи; нищим запрещалось подавать. Кто хочет заниматься благотворительностью, пусть отдаст деньги в Монастырский приказ, там им найдут применение. Много ли нашлось желающих отдавать деньги в Монастырский приказ, трудно сказать. Но был и такой пункт указа: если кого-то будут ловить подающими деньги нищему, тех следует вести в Монастырский приказ и брать штраф. Половина штрафа идет в казну, вторая половина — тому подьячему, который поймает подающего милостыню. Вот подьячие и ходили по улицам города с солдатами и ловили тех, кто подавал.

Чем эта практика отличается от практики ограбления Бенгалии англичанами? Разве масштабами: ведь двухсот тысяч фунтов никакими батогами не выбьешь из жалостливых купчих, а изумруды трудно отыскать в шапках у нищих.

Из гвардейцев Петр учредил особые комиссии по расследованию работы учреждений и отдельных людей. Комиссии состояли из офицеров трех рангов: майора, капитана и поручика. Комиссия официально, особым указом получала полномочия рассматривать дела не по закону (да и все равно ведь в юриспруденции офицеры не смыслят), а «согласно здравому смыслу и справедливости».

Позволю себе недоуменный вопрос: чем отличаются эти комиссии от ревтроек, вершивших дела «согласно революционному правосознанию»?

Но даже коммунисты не сажали членов ревтроек на заседания других государственных органов. А у Петра

даже на заседаниях Сената сидел гвардеец, которому вменялось в обязанность арестовывать тех, кто будет вести себя «неподобающе и неблагопристойно». А члены Сената, по словам посланника Вебера, «должны были являться к какому-то лейтенанту, который судил их и требовал у них отчета».

Ехидный вопрос: и Петр еще всерьез хотел, чтобы Сенат не на словах, на деле похож был на тот, на древнеримский Сенат?!

Даже к такому высокопоставленному человеку, как фельдмаршал Б.М. Шереметев, был приставлен какой-то Михаил Щепотьев, гвардейский сержант, и об этом Шереметев писал своему свату Головину: «Он говорил на весь народ, что прислан за мною смотреть и что станет доносить, чтоб я во всем его слушал». В другом письме — больше: «..прошу, чтоб Михайлу Щепотьева от меня взять... постоянно пьян. Боюсь, чего б надо мной не учинил; ракеты денно и ночью пускает, опасно, чтоб города не выжег».

А самому прогнать скотину Щепотьева, чтобы не пугался под ногами, Шереметев не мог: ведь Щепотьев привез с собой собственноручное письмо царя, что ему, Щепотьеву, «велено быть при вас некоторое время и что он будет доносить, извольте чинить». И сюрреалистическое подчинение фельдмаршала сержанту продолжалось.

Финансовая коллегия требовала отчетности из провинций, и в 1718 году разослали по всей стране требования: прислать статистику доходов и расходов. Ни одной бумажки ни одна губерния не прислала; в 1719 году напомнили... опять молчание. Гвардейцы двинулись на дело и, как полагается храбрым воинским людям, одолели супостатов-приказных. Благо, у них была инструкция самого царя: «Сковать за ноги и цепь на шею положить и в приказе держать, покамест не изготовят все нужные ведомости». Эту инструкцию гвардейцы выполнили везде, кроме Азовской губернии: там чиновники силою вырвались из-под караула и разбежались кто куда.

Но и там, где гвардейцы одолели, ведомостей никто не составил — видимо, просто не умели. Как ни геройство-

вали гвардейцы, еще и в 1721 году «наверху» не знали ничего о расходах и доходах провинций.

Впрочем, самое веселое началось в 1718 году: наконец-то начались переговоры о мире со Швецией. Все бы хорошо, но куда девать огромную армию в 200 тысяч человек, руководимую 30 генералами? Как ее кормить и содержать? 26 ноября 1718 года последовал очередной указ, которым Петр, во-первых, приказывал сообщить число проживающих в каждой губернии, уезде, волости, дистрикте. Сим проводилась подушная перепись населения. Во-вторых, Петр «раскладывал войско на землю», то есть расставлял полки по стране, по разным губерниям, для прокормления. Полки надо было разместить «на вечные квартиры», поротно, отстроив каждому полку и роте по особой своей слободе, с ротными дворами и полковыми дворами для командиров и для штаба. Одновременно армии было велено проверить точность «ревизии», то есть переписи населения.

Сразу надо отметить два обстоятельства.

1. Особые слободы должны были построить к 1726 году, но к тому времени только-только заготовили на стройки лес, и то не везде. Дали сроку к 1730 году, но и тогда построили только штабные дворы, а огромное количество лесу, подготовленного для строительства, пропало.

2. Ревизоры должны были «всеконечно» представить свои «ревизские сказки» к началу 1724 года. Все ревизоры сообщили, что к январю 1724 года ничего кончить невозможно. Срок перенесли на март, с тем чтобы начать сбор подушной подати с 1725 года. Но ревизоры не вернулись и к 28 января 1725 года, до смерти Петра.

Но это так, для понимания общей картины.

Полк, разместившийся в уезде, брал на себя многие функции: удержание крестьян от побегов, ловля беглых, охота за разбойниками, старообрядцами и ворами, надзор за незаконными порубками леса, борьба с контрабандой и незаконным винокурением, надзор за гражданскими чиновниками.

Как и надо было ожидать, полномочия военных постепенно расширялись. Вскоре уже военные собирали подушную подать, выдавали паспорта крестьянам, уходив-

шим на заработки в зимнее время, и обеспечивали стопроцентную явку дворян на собрания. Судьей же во всех столкновениях местных жителей и солдат официально стал полковник. А потом полковому начальству так и вовсе поручили «смотрение за губернаторами и воеводами»...

Подушная подать собиралась военными примерно так же, как это делалось в Индии англичанами, а на острове Ява — голландцами. «Полковые команды, руководившие сбором подати, были разорительнее самой подати. Она собиралась по третям года, и каждая экспедиция длилась два месяца. Шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержащихся при этом на счет обывателей, среди взысканий и экзекуций. Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоеванной России баскаки времен Батыя»¹.

В Казанской губернии один из полков недосчитался всего за 2 года половины тех, кто должен был их содержать: «ушли в бега» больше 13 тысяч душ.

В документах Сената 1727 года сказано вполне определенно: «Бедные российские крестьяне разоряются и бегают не только от хлебного недорода и подушной подати, но и от несогласия офицеров с земскими правителями, а солдат с мужиками».

«Офицеры обычно знать не хотят местное начальство, грубят и дерзят воеводе, а когда воевода пожалуется полковнику, то это хорошо, если полковник грубо ответит, что это не дело воеводы судить поведение господ офицеров; а то пошлет команду, отберет у воеводы шпагу, посадит его под арест, «яко сущего злодея», — так жаловался в Сенат один воевода».

На постое, вселяясь «по сколько человек на двор придется», солдаты порой выгоняли на улицу хозяев. Это, конечно, эксцесс, исключение из правила. Но «при квартирах солдаты и драгуны так несмирно стоят и обиды страшные чинят, что и исчислить их невозможно. А где офицеры их стоят, то еще горше чинят... и того ради многие и домам своим не рады, а в обидах их никакого суда сис-

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 549.

кать негде: военный суд далек от простых людей, не только простолюдин не достигнет к нему, но и военный человек на неравного себе нес скоро суд отыщет»¹.

Речь идет о явлении вполне исключительном: об оккупации собственной страны его же собственной армией. Причем ведет себя российская армия в России, как и полагается вести себя в колонии.

Бедного Посошкова, купца с немалыми капиталами, в Новгороде некий полковник поливал бранью и даже грозился шпагой.

В Костроме полковник Татаринов выгнал за город членов городского магистрата.

В Коломне генерал Салтыков «бил бургомистра смертным боем».

Другого коломенского бургомистра некий драгунский офицер велел высечь, и его солдаты ревностно выполнили приказ.

В Пскове солдаты застрелили члена ратуши, а бургомистра били так, что он от побоев помер.

Впрочем, продолжать можно долго, едва ли не до бесконечности.

Так что, пожалуй, некоторые нововведения в государственное управление Петр все-таки ввел.

1. Официально создал институт фискалов.
2. Официально создал институт прибыльщиков (о нем впереди).
3. Оккупировал собственной армией собственную страну.
4. Ввел внесудебное преследование через «ревтройки».
5. Придумал множество совершенно фиктивных государственных должностей, которые оставались декорацией, а настоящая, реальная политическая жизнь шла вне всех этих «бургомистров» и «муниципалов».

Все эти нововведения оказались еще менее долговечными, чем коллегии, и исчезли вместе с самим Петром. Жалеть ли об этом?

¹ *Семевский М.И. Тайная служба Петра I. Минск, 1993.*

Глава 4

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРОЕ ОБЩЕСТВА

Куда летишь ты, птица-тройка?!

Н.В. Гоголь

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК

Трудно назвать политический сыск нововведением Петра, но что при нем это зловещее явление невероятно активизировалось — это факт. Вообще есть четкая закономерность: чем сильнее сомневается государь в своем праве на престол, а правительство в своей законности и в правомочности своих действий, тем сильнее политический сыск и тем жестче режим. А самые уверенные в себе, самые законные цари и самые легитимные режимы — как раз самые спокойные и добрые. Есть и обратная закономерность — по уровню политического сыска можно определить степень легитимности режима и уверенность в себе монарха...

С 1695 года все дела по «Слову и делу государеву» направлялись в Преображенский приказ, возглавляемый Ф.Ю. Ромодановским, по-собачьи преданным царю Петру. С 1702 года вообще весь политический сыск сосредоточился в Преображенском приказе. «Собою монстра, пьян во все дни» — так характеризовал Ромодановского князь Куракин. «Отличался исключительной жестокостью во время ведения следствия», — отмечает авторитетный советский справочник, и это тот редкий случай, ко-

гда с его оценками Петра и его приближенных вполне можно согласиться. Федор Юрьевич Ромодановский был исключительно, неправдоподобно жесток, даже по тем жестоким временам. Он умел добиться показаний, нужных или приятных Петру. Например, по тому же «делу стрельцов»...

Из книги в книгу, из сочинения в сочинения переключивает байка, будто стрельцы, пока Петр был за границей, «взбунтовались». Сложнее оказывается с конкретными обстоятельствами: с лозунгами бунта, с перечнем взятых стрельцами городов, мест сражений с правительственными войсками... Потому что всего этого нет. «Стрелецкий бунт» от начала до конца выдуман Петром, а потом уже историки, начиная от современников, Татищева и Прокоповича, до Соловьева и Ключевского, пересказывали сказочку про бунт. Только у С.Г. Пушкирева есть уточнение — мол, не бунт все-таки, а неповиновение приказу... А это, по словам юристов, «совсем другая статья».

Стрельцы бежали из мест, куда их выслали из Москвы. Стрельцам было голодно, и не очень понятно, в чем дело — в обычной для Петра «бережливости», или нелюбимых им стрельцов сознательно морили голодом. Семьи у них оставались в стрелецких слободах, в Москве, и стрельцы хотели вернуться домой. Они отказались подчиняться приказу, и солдаты Гордона легко рассеяли их картечью: повторяю, стрельцы вовсе не бунтовали, практически не сопротивлялись правительственным войскам.

Ромодановский провел следствие с обычной для него жестокостью, но никакого бунта не нашел, и стрельцы были наказаны легко: слетело 56 голов, остальные разосланы обратно по месту службы.

Но тут приехал из-за границы Петр...

У ранее цитированного нами Р. Мэсси есть утверждение — мол, Петр вовсе не был по своей природе жесток, он пытал и убивал «для практических нужд государства». На мой взгляд, такую бесстрастную жестокость скорее можно приписать как раз Ромодановскому. У Петра была и такая, совершенно безличная жестокость, никак не относившаяся к личности пытаемого или обреченного на

гибель. Из огромной машины государства выпадает своевольный винтик, или этот подлый винтик злоумышляет против машины... И Петр поступает с «винтиком» соответственно, не очень задумываясь о его собственных, этого «винтика», представлениях, желаниях и чувствах. Об этом свидетельствует хотя бы подробнейший, досконально разработанный Петром лично «Обряд, как обвиняемый пытается». По правде говоря, мне просто не хочется приводить этот страшный и отвратительный документ. Желающие могут прочитать его в книге Бушкова¹.

По данным И. Бунича, на некоторых следственных документах времен Петра есть его собственноручная резолюция: «Смертию не казнить. Передать докторам для опытов». Выполнялась ли резолюция и кто конкретно из докторов проводил опыты на живых людях, мы не знаем, но эксперименты на людях очень в духе того механического видения жизни, которое так свойственно Петру, его чудовищного безразличия к человеку.

Но вот в случае со стрельцами все было не совсем так... Потому что Петр, кроме беспристрастной жестокости «великого государственного деятеля», очень даже знал вполне пристрастную жестокость и к людям, и к группам населения, и к целым родам войск. К стрельцам, убившим на его глазах Матвеева, Петр был исключительно пристрастен. Не успел он вернуться в Москву, как уже законченное, сданное в архив следствие завертелось по новой. Петру мало было неподчинения приказу, голодного похода на Москву. Нет! Ему нужен был БУНТ и ЗАГОВОР, попытка свержения и покушения!

Стрельцов стали возвращать из мест, куда их выслали, страшно пытали, и Петр собственноручно пытал стрельцов. Роберт Мэсси пытается изо всех сил представить жестокость следствия при Петре как некое знамение эпохи. Мол, везде было одинаково ужасно, во всех странах Европы пытали так же, если не страшнее... Однако «почему-то» Петр изо всех сил пытался скрывать от европейцев и масштаб, и методы следствия.

¹ Бушков А.А. Россия, которой не было. М., 1997. С. 373—375.

Сотрудники датского посольства проявили любопытство не по разуму, проникли в Преображенское, чтобы подсмотреть, что же там делается? Насколько правдивы почти невероятные слухи (видимо, для них все-таки попытки не были такой уж повседневностью)?

Датчане осмотрели несколько пустых изб, где нашли лужи крови на полу и в сенях и заляпанные кровью орудия пыток, когда «крики, раздирательнее прежних, и необыкновенно болезненные стоны возбудили в них желание взглянуть на ужасы, совершающиеся в четвертой избе. Но лишь вошли туда, в страхе поспешили вон», потому что застали Петра с приближенными, который стоял возле голого человека, вздернутого на дыбу.

«Царь обернулся к вошедшим, всем видом показывая свое недовольство, что его застали за таким занятием». Иноземцы выскочили прочь, но князь Нарышкин побежал за ними, спрашивая, кто они такие, откуда взялись и зачем пришли? Датчане молчали, и Лев Кириллович им объявил, что они должны немедленно идти в дом князя Ромодановского.

Чиновники посольства, осознавая свою неприкосновенность, «пренебрегли этим довольно наглым приказанием. Однако в погоню за ними пустился офицер, намереваясь обскакать и остановить их лошадь». Датчан было много, Меншиков один, и датчане все-таки убежали. Интересно, как бы сложилась их судьба, окажись датчане послушными и пойдя в дом Ромодановского?

Как нетрудно понять, в личном участии царя и его ближайших подручных в пытках никакой «практической государственной нужды» не было. Неудивительно, что Петру хотелось это скрыть от европейцев, как скрывают постыдную страсть. Петру попросту ХОТЕЛОСЬ пытать ненавистных стрельцов.

Так же и во время массовой казни стрельцов, объявленных бунтовщиками: ну какая государственная необходимость была в том, чтобы любоваться всем процессом — как везут, как отрывают от жен и детей, как волокут на плаху? В этот страшный день убили 799 стрельцов; сохранилась легенда, что один из первых в истории Орловых, Степан Орел, откатил ногой уже отрубленную голову,

чтобы пройти. И что этот жест до такой степени понравился царю, что он тут же, на залитой кровью площади, велел Степану Орлу явиться в Преображенский приказ и стать одним из его гвардейцев. По другой легенде, некий стрелец оттолкнул царя: «Отойди, государь, тут мое место!» По другой версии, стрелец Петра не толкал и сказал иначе: «Отойди, я тут лягу!»

Во всяком случае, Петр присутствовал на площади от начала до конца и приказал боярам самим, лично участвовать в казнях. Непривычные к палаческим должностям, бояре и не умели толком убить человека, и испытывали более чем понятные нравственные затруднения (которых было тем больше, чем больше было сомнений в виновности стрельцов). В результате одни бояре убивали стрельца, и потом их уводили с площади под руки и укладывали в постель. А Долгорукий ударил «своего» стрельца посередине спины и перерубил его почти пополам. Стрелец претерпел бы ужасные муки, но тут оказался Меншиков, он быстро и ловко отрубил голову стрельцу.

Историки спорят, чем объясняются поступки Петра, что это: действия не вполне вменяемого человека или действия самодура, которому все равно никто возразить не посмеет? Видимо, правы и те, и те. Это действия не вполне вменяемого самодура, на развитие болезни которого огромное воздействие оказала сама его безнаказанность.

И еще одно... Вспомним, как Петр сердился на пирах, когда кто-нибудь не разделял его вкусов. Как он заставлял выпивать бутылки оливкового масла и уксуса. Вот и здесь так же: ненависть стрельцов, Петр деспотически потребовал, чтобы все московское боярство разделяло бы его эмоции.

Когда в пытошные избы пришел патриарх, просить площади для стрельцов, Петр буквально выбросил его вон. Несколько священников казнили только за то, что они молились за несчастных. Жена мелкого чиновника, проходя мимо трупов стрельцов, повешенных на стенах Кремля, бросила: «Кто знает, виноваты ли вы?» и перекрестилась. На несчастную донесли, и ее и ее мужа пытали; вина их в чем бы то ни было не доказана, но обоих выслали из Москвы.

Петр хотел, чтобы стрельцы дали показания против Софьи, чтобы побег из голодной Астрахани выглядел попыткой государственного переворота. Конечно же, вскоре Ромодановский принес необходимые «доказательства»: мол, переписывались стрельцы с царевной Софьей! Тогда взялись за людей, близких к царице, в том числе и за ее сенных девушек. Петр выступил прямо-таки как гуманист — велел не сечь кнутом одну из них, находившуюся на последних стадиях беременности. Правда, повесили потом обеих, в том числе и беременную. За что? Непонятно... связь Софьи со стрельцами не доказана, в «бунте» девицы никак не могли участвовать....

Что характерно, никогда и ни одно письмо от стрельцов к Софье и наоборот в руки следствия не попало. Классическая история: мол, Петр велел повесить трех самых злых стрельцов под окном у Софьи, чтобы она все время видела своих повешенных «сторонников». А к рукам стрельцов он велел привязать ее, Софьи, письма... Все это правда, и именно так все изображено на картине Репина. Только вот одна деталь не соответствует истине: не было собственноручного письма. К рукам стрельцов прикрутили вовсе не письмо Софьи, а листы бумаги с их показаниями насчет того, что было такое письмо...

Так же пристрастно жесток был Петр и по отношению к своей любовнице Анне Монс. Правда, ее не пытали, не били кнутом и не погнали в Сибирь или на плаху. Но стоило Петру отдалиться от нее, и он вовсе не ограничился супружескими «разборками» или хотя бы кулуарным мордобоем.

Анну Монс обвинили в связи с прусским посланником Кейзерлингом — до сих пор непонятно, справедливо обвинили или облыжно. Есть разные версии, вплоть до того, что, уже «отставленная» царем, Анна пыталась выйти за Кайзерлинга замуж. Если учесть, что в октябре 1705 года, когда развернулись события, Екатерина Савронская имела уже двоих детей от Петра, версия эта весьма реальна.

Впрочем, если бы Анна и «изменила» царю — состава государственного преступления в том нет. Но «Монсиха» подверглась опале вместе со своей сестрой, с 1704 года

в замужестве Балк, и долгое время находилась под домашним арестом. Ей даже одно время запрещали ездить в кирху. В Преображенском приказе до 30 человек сидел по «делу Монсихи» и рано или поздно давали показания о том, как Анна Монс злоупотребляла доверием царя. Это не единственный пример, когда частные интересы Петр непринужденно распространял на государство — считал их как бы государственными.

В 1717 году, как помер Ромодановский, пришлось думать о другой организации любимого детища гнезда Петрова, да и тесен стал патриархальный Преображенский приказ. В 1721—1726 годах политические дела рассматривались в Тайной канцелярии. После смерти «великого реформатора» дело чуть приглохло, и Тайную канцелярию разогнали. Анна Ивановна очень нуждалась в такого рода учреждении, и с 1731 по 1762-й существовала и работала Канцелярия тайных и розыскных дел

Занимались эти заведения все тем же самым. И с какой жуткой свирепостью и кровожадностью...

27 июня 1721 года в Петербурге праздновали двенадцатую годовщину победы под Полтавой. Некий мужичок, Максим Антонов, долго праздновал эту годовщину. Напраздновавшись, прорвался сквозь строй солдат и стал бить Петру поясные поклоны. Гвардейцы оттащили его, и Антонов заехал в ухо одному из оттаскивавших.

Антонова арестовали, пытали до ноября 1721-го, раздробив ему в тисках кости рук, и приговорили «крестьянина Максима Антонова за то, что подходил к высокой особе Его Императорского Величества необычно, послать в Сибирь и быть ему там при работах государевых до его смерти неотлучно»¹.

В Конотопе некий солдат предложил украинцу тост за здоровье «государя императора». Украинец еще не знал, что Петр принял титул императора, и ответил вполне верно: «Черт его знает, что это за император такой, я, кроме государя, и знать никого не хочу».

¹ Бушков А.А. Россия, которой не было. М., 1997. С. 373.

В кандалах отвезли в Петербург и, хотя виноват не был ни в чем, даже в самой малой малости, били батогами перед тем, как выпустить. За что?!

В числе жертв Тайной канцелярии некий монах не захотел кричать «многия лета» новой царице Екатерине; дьячок Троицкой церкви в Петербурге видел кикимору и кричал ставшее классическим: «Быть Петербургу пусту!»; швед в Петербурге предсказывал время жизни людей и, среди прочего, предсказал Петру всего 3 года жизни (кстати, предсказание сбылось, Петр и правда помер через 3 года!).

Впрочем, примеры можно продолжать до бесконечности; все они, при колоссальном разнообразии деталей, окажутся до отвращения похожи друг на друга в главном. Общее число политических репрессированных за 36 (фактически — 29) лет правления Петра составило более 60 тысяч человек. В этой толпе старообрядцев, стрельцов, просто неосторожных людей почти незаметны колдуны. А ведь Петр сжег колдунов в десятки раз больше, чем его отец!

«...с каких побуждений, для каких целей инквизиторы вдавались в самые мелочные, совершенно ребяческие расследования. Расследования эти касались такого дела, которое людям мало-мальски толковым, а Петр Андреевич Толстой и Андрей Иванович Ушаков были далеко не глупы, с первого же раза должны были представиться в настоящем своем ничтожестве. А между тем эти от природы умные люди... бьются и хлопочут, по-видимому, Бог знает из чего. Да, но это только по-видимому: все эти распоряжения, старательно исполняемые, клонились к одному: являть перед недоверчивым и подозрительным императором Петром как можно больше усердия и преданности его особе. Отличия, земли, крестьянские души были щедрыми воздаяниями за скромные и посильные труды верных холопей»¹.

Что ж! Каков государь, таковы и холопи!

За 26 лет правления Алексея Михайловича репрессировали за «поносные слова» или за колдовство не более нескольких сотен человек. Его правление можно оцени-

¹ *Семевский М.И.* Тайная служба Петра I. Минск, 1993. С. 284.

вать как угодно, но число репрессированных даже меньше, чем во многих германских княжествах, и, уж конечно, несравненно меньше, чем в современной ему Британии времен гражданской войны 1649 года. При нем политический сыск не был исключительно важной частью политической системы.

А при Петре — несомненно был.

ЗАБОТЫ ПЕТРА О ПРОСВЕЩЕНИИ. РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ

С просвещением при Петре та же история, что и с флотом. На первый взгляд, все верно, он создал целую систему доступных школ, целую сеть учебных заведений. В 1701 году заведена Навигацкая школа, а если полностью: Школа математических и навигацких наук. Располагалась она не где-нибудь, а в здании Сухаревой башни, и на верхнем этаже была самая настоящая обсерватория с телескопом. Руководили школой такие крупные ученые, как Л.Ф. Магницкий, автор первого московитского учебника по математике, и А.Д. Форварсон, выписанный из Шотландии.

Обучение велось «в три класса», два младшие из них — математические, старший — навигаторский. Правда, в каждом из классов сидели обычно по несколько лет, и учились не три года, а чаще всего 7 или 8.

В 1703 году в Навигацкой школе училось 300 подростков, в 1711-м — уже 500.

На базе Навигацкой школы, ее кадров создавались новые специализированные школы — Инженерная, Артиллерийская, Адмиралтейская. Учеников и выпускников Навигацкой школы ставили учителями в цифирные школы.

В 1715 году старшие Навигацкие классы переведены в Петербург, где на их основе сделана Академия морской гвардии (Морская академия). А младшие классы были закрыты только в 1752 году, при Елизавете.

В общем, идиллия, да и только, если бы не два обстоятельства.

1. Во все школы, созданные Петром, учеников определяли не по собственному желанию и не по желанию их родителей. В самом лучшем положении оказывались дети купцов или богатых, лично свободных посадских людей — они-то могли выбирать учение и свободно выходить из него. А для детей дворян речь шла не о свободном выражении воли, нет! Речь шла о своего рода «учебной повинности», когда никакой воли у будущего ученика не было и в помине.

Учение было СЛУЖБОЙ. Жили ученики (даже москвичи) в казарме, а в классной комнате постоянно сидел солдат с палкой или пучком розог. Этот солдат вовсе не выполнял распоряжения учителей, а сам, по своему усмотрению, мог наказывать учеников.

2. Как это часто бывало с затеями Петра, работа школ не имела никакого экономического фундамента.

В 1711 году дошло до того, что ученики Навигацкой школы разбежались, чтобы не помереть от голода. Ловили их с солдатами, но поймали не всех; кое-кто потом «выплыл» — в купцах, в рядах служилого люда, а кое-кто из сбежавших тогда, в 1711 году, так и пропал «безвестно». Невольно напрашивается нехорошая мысль — или ребята погибли от голода (помяни, Господи...), или прибились к разбойникам (тоже погибли, только социально).

В 1714 году опять писались слезные челобитные, что ученики, пять месяцев не получая ни копейки, «не только кафтаны проели, но и босиком ходят, просят милостыню у окон». Генерал-адмиралу Апраксину, лицу, так сказать, кровно заинтересованному в Навигацкой школе, доносилось: «Ежели школе быть, то потребны на содержание ее деньги, а буде деньги давать не будут, то лучше распустить, понеже от нищенства и глада являются от школяров многие плутости».

В Академии морской гвардии — в Морской академии (в Петербурге! Под самым что ни на есть государевым окном!) «сорок два гвардейца не ходили на учение затем, что стали наги и босы». Уже в 1724 году Петр устроил личную ревизию академии — приехал на занятия. Выяснилось, что 85 учеников уже 5 месяцев не ходят на занятия «за босотою и неимением дневного пропитания», мно-

гие и явившиеся одеты буквально в лохмотья, а некоторые пропали уже давно. Начальство и товарищи думали, что они ушли побираться...

Эти ушедшие побираться, кстати говоря, всерьез рисковали жизнью. Да, жизнью! Побег с учебной службы карался смертной казнью, а ПРОСЬБА об увольнении от этой службы — каторжными работами. Тут имеет смысл напомнить, что речь идет о подростках, многие — совсем дети, от 10 до 15 лет.

В каторжные работы ссылались и родители, которые вздумали бы просить об отчислении из школы своего ребенка.

Первые школы создавались еще на рубеже XVII и XVIII веков, но только указами от 20 и 28 февраля 1714 года все окончательно встало на круги своя: в Московии вводилась учебная служба для дворян с 10 до 15 лет. Недоросли должны были обучаться «цифири и геометрии», а «штраф будет такой, что не вольно будет жениться, пока сего не выучит». Велено было во всех губерниях в архиерейских домах и в монастырях завести школы, а учителями посылать туда учеников математических школ из Москвы, заведенных в 1703 году. На каждую губернию полагалось по два учителя из учеников математической школы.

Не будем говорить, что два учителя на губернию — это само по себе нищенски мало. Но выполнить даже этот указ оказалось непросто: архиерейские школы до 1723 года были «определены» только в Новгороде, а цифирные школы сидели без учеников, кроме ярославской, где послано было в школу 26 человек из детей церковников. В остальных цифирных школах — в Пскове, Новгороде, Москве и Вологде (всего их в 1723 году было 42) — учителя сидели без дела и только проедали жалованье.

После смерти Петра цифирные школы, введенные в порядке учебной повинности, стали сливаться с архиерейскими, гарнизонными, горнозаводскими школами и постепенно исчезли.

Дворяне же считали цифирную школу страшным бременем и пытались от нее укрыться, елико возможно. Был случай, когда целая толпа дворян, не желая идти в цифир-

ную школу, записалась в духовное Заиконоспасское училище. Характерна реакция царя: велел взять всех записавшихся в морскую школу в Петербурге и сразу по приезде заставил их бить сваи на Мойке.

Генерал-адмирал Апраксин выразил свой протест в своеобразной форме. Явился на Мойку, при виде царя снял адмиральский мундир с андреевской лентой и стал усердно вколачивать сваи вместе со всеми.

— Как, Федор Матвеевич, будучи генерал-адмиралом и кавалером, да сам вколачиваешь сваи?!

— Здесь, государь, бьют сваи все мои племянники да внучата, а я что за человек, какое имею в роде преимущество?!

Не думаю, что сопротивление цифирным школам было сопротивлением просвещению как таковому. Дворяне старались уклониться от казармы, где у дверей сидит солдат с палкой и где учатся насильно. Не любит человек насилия, что тут поделывать...

Служебный характер дворянской науки очевиден из указа от 17 октября 1723 года, по которому держать недорослей в школах после 15 лет не велено, «хотя б они и сами желали, дабы под именем той науки от смотров и определения в службу не укрывались». По существу, это новый вид службы, но для детей.

Впрочем, служебный характер науки виден и из классических историй, послуживших сюжетом для «Табачного капитана» и многих других произведений. Известен совершенно подлинный случай, когда Петр по возвращении из-за границы разжаловал в рядовые матросы дворянина, который плохо учился во Франции, а его слугу возвел в дворянство, дал ему офицерский чин и отдал поместья дворянина его вчерашнему крепостному. Несомненно, это очень назидательная история, но из нее предельно четко следует, чем была всякая «наука» для Петра — видом службы, за несение которой награждают, за неуспех в которой карают, как и во всякой другой службе.

Не менее оригинально и создание Академии наук. Во многих государствах возникали сообщества ученых, и не очень важно, назывались ли они громким словом «академия». В Британии возникло «Королевское научное

общество», объединившее примерно 300 ученых джентльменов, а толку от этого общества было столько, что отчеты о его заседаниях до сих пор читаются как увлекательнейшие романы.

В XVII веке стали создаваться Академии наук и в других странах. Например, во Франции в 1648 году возникла Королевская академия живописи, в 1671 году — Королевская архитектурная академия.

Но и в Британии, и во Франции, и в германских княжествах все «академии» были добровольными общественными объединениями. Академии не были местом работы, нельзя было трудиться «при Академии наук». Ученый был самостоятельным обеспеченным джентльменом, у которого был свой капитал и который жил на него, а занимался наукой просто потому, что ему это нравилось.

Или ученый был чиновником, врачом, учителем гимназии, а лучше всего — сотрудником университета. Вершиной карьеры ученого становилось звание профессора, а вовсе не академика. В академии принимали самых активных и одаренных ученых, членство в академиях было делом престижным и почетным, но денег не давало совершенно.

А вот в Российской империи было не так. Указ Петра от 28 января 1724 года создавал новое ВЕДОМСТВО, имеющее свой штат чиновников. Чиновником академии можно было стать, получив соответствующее образование и имея ученую степень... Но в Российской империи нигде нельзя было выучиться «на ученого» и тем более получить ученую степень. Весь российский опыт интеллектуальной жизни — и Славяно-греко-российская академия, и книги ученых монахов, и Киево-Могилянская академия — все это высочайше объявлялось ничего не стоящим мусором.

Раз в Российской империи не было ученых — чиновников нового ведомства, их надлежало ввезти из стран Европы. Они и стали сотрудниками Академии наук, которая фактически открылась только в конце 1725 года, уже после смерти Петра. В числе приехавших в Россию иностранцев не так мало было прекрасных специалистов; как представитель ученого сословия, возникшего в России

после Петра, я могу только сказать «спасибо» за материальную поддержку таких гигантов, как Л. Эйлер или Д. Бернулли. Но, конечно же, если радеть о самой русской науке, несравненно больший эффект сыграло бы открытие хотя бы одного университета. Вряд ли усилиями русских монахов и мирян можно было создать университет более чем с одним факультетом — теологическим. Кто мешал создать такой университет (с одного факультета начинали и Болонья, и Сорбонна...), а потом постепенно вырастить другие факультеты, как это и было в Европе? Но Петр выбрал другой путь.

Предполагалось, конечно, что иностранные ученые постепенно вырастят себе русскую смену. Для этого при академии создали университет и гимназию, и академия стала плохой копией, чуть ли не пародией на европейские учебные заведения.

Мало того что задача «готовить кадры» изначально понималась как второсортная и второстепенная. Иноземные мэтры, получив в России пенсион, были совершенно счастливы. Ну кто и когда еще оплачивал бы им не преподавание, не практически полезную деятельность, а саму научную работу?! Они и использовали на всю катушку такую прекрасную возможность! А в академической гимназии и университете тем временем царили такие же нравы, как и в Навигацкой школе. Разве что вот солдат с палкой исчез — стал не нужен, потому что преемники Петра не хотели уже вбивать силой познания, а стали к наукам просто убийственно равнодушны.

Сохранилась потрясающая история про то, как Михайло Ломоносов вернулся из Германии и впервые вышел на работу в Академическую гимназию. В помпезном нетопленном зале на триста слушателей сидел один-единственный скрючившийся от холода гимназист. И великий ученый не стал читать лекцию. Он подозвал к себе оборванного мальчика и спросил его: «Сегодня ел?» Гимназист помотал головой, и тогда Михайло Васильевич повел его к себе обедать...

И для меня они навсегда останутся символом всего, что сделал Петр для просвещения в России: и Ломоносов, вынужденный учиться в Германии — ведь не было в Рос-

сии университетов, что поделать... И голодный мальчик, поджимающий озябшие ноги к бурчащему животу, — посреди мраморного торжественного зала, украшенного античными бюстами.

НОВОВВЕДЕНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Все указы Петра, имеющие хоть какое-то отношение к культуре, сводятся к двум вариантам: это или попытки переносить на российскую почву нечто, казавшееся Петру полезным. Как пример — те же косы-литовки, корабли голландского образца, широкие ткацкие станки... Перечислять долго, да и зачем?

Или это требование перенимать какую-то форму, внешний вид европейской жизни. Таковы его указы о браздобритии, о курении табаку, о питье кофе, о ношении европейской одежды, об ассамблеях — то есть о строго обязательных сборищах у того или другого дворянина. Все эти указы преследовали понятную цель — как можно быстрее внешне уподобить Россию — Европе, а москвитов — голландцам.

Особенно охотно Петра называют реформатором в области культуры: мол, он позволил брить бороды, учить языки, читать европейские книги и тем самым начал европеизацию России, поставил ее на европейский путь развития.

Не может быть представлений, находящихся дальше от действительности!

Во-первых, отродясь Петр ничего не «позволял» и не «разрешал», он исключительно повелевал и приказывал.

Во-вторых, в одном отношении Петр I ничего и никак не менял: при нем общество оставалось, как говорил В.О. Ключевский, «тягловым». Государство российское было ТЯГЛОВЫМ до Петра и оставалось им после Петра.

Петр и не думал изменить тягловое государство или дать «частную свободу», его реформы только еще сильнее разобщили «податных» и «служилых». Раньше это были разные, но части одного общества с одним строем понятий и системой ценностей. Петр приказал дворянству и всем «служилым» учить языки, носить платья «в талию»

и немецкие камзолы, вешать в домах картины и собираться на ассамблеи. Но точно так же он не приказывал крестьянам, купцам, мещанам и казакам делать что-либо подобное.

«Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победой и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни своих обритых бояр», — писал А.С. Пушкин.

Пройдет 12 лет, и Пушкин, начав писать «Историю Пугачева», соберет такие свидетельства о пугачевском «равнодушии» к барскому образу жизни, что и сегодня, почти через 300 лет, их бывает порой страшно читать. А главное — Пушкин не прав в том, что, мол, народ упорствовал и потому сохранил «бороду и русский кафтан». Легендарный указ о брадобритии, выпущенный Петром после возвращения из Голландии, в 1698 году, предусматривал откуп — 100 рублей в год с купцов, 60 рублей с бояр, 30 рублей с прочих горожан. Заплативший выкуп получал специальный медный знак, который носил под бородой. Если прицепятся должностные лица из-за «неправильного» вида — бородач задирает бороду, показывал знак.

Но вот крестьяне платили сумму совершенно несопоставимую: всего 1 копейку при въезде в город и при выезде оттуда. А в деревнях и в маленьких городках, где не было воинских команд, выпускавших в города и выпускавших, там на бороды никто не покушался.

И получается, что дело-то вовсе не в «стоическом» поведении крестьянства, а в безразличии Петра к его облику. Или просто руки не дошли? О попытках брить казаков никаких сведений у нас не сохранилось, а духовенству с самого начала разрешалось бороды «оставить». И тем более никто не отнимал русского кафтана у мещан, купцов и казаков.

Так что даже смена одежды и брадобритие касалось от силы 3% населения, не говоря о более глубоких, существенных изменениях быта. Конечно, за изучением языков, ношением короткой одежды европейцев и внешними приметами быта типа зеркал, картин или бальных танцев следовали и другие перемены — часто вовсе не желанные Петром (например, осознание себя личностью,

стремление владеть частной собственностью или оградить от вторжения остального общества свою личную жизнь).

В XVII веке европеизация вовсе не означала освоения этих внешних форм западного быта и охватывала разные слои общества. На рубеже XVII и XVIII столетий всякая европеизация, независимая от государства и его усилий, была полностью запрещена и все достигнутое — разрушено.

Весь XVIII век шла медленная европеизация — сначала формальная, внешняя, потом и глубинная; но вовсе не европеизация Российской империи и не всего русского народа, а исключительно служилого сословия, и в первую очередь дворянства.

Собственно, что сделал Петр? Своими указами он разорвал единый народ на две части. Одной из этих частей русского народа он велел внешне европеизироваться (подчеркиваю — в основном чисто внешне!). Другой части — только позволил; третьей и большей части — категорически запретил.

И тем самым указы Петра вбили клин между двумя группами населения: служилыми и тяглыми, жителями нескольких самых больших городов и деревенским людом. После Петра служилые верхи и податные низы понимают друг друга все хуже. У них складываются разные системы ценностей и представления о жизни, и они все чаще осознают друг друга как представителей едва ли не разных народов.

Большая часть тех форм, в которые Петр пытался заколотить жизнь дворянства, сохранилась — ведь они совершенно не мешали дворянству оставаться таким же, каким оно было и до Петра. Все так же родители сговаривали детей, не спрашивая их согласия, все так же главы семей решали все за родовичей, и так же родители могли до рубцов пороть своих взрослых сыновей, а случилось — и дочерей.

Раньше сговаривали детей люди в старомосковском платье, в низеньких палатах, отцы и матери отдельно. Теперь люди в коротких кафтанах сговаривали в комнате

с картинами и зеркалами, пия кофе и любясь фарфоровыми безделушками. Ну и что изменилось по сути?

Единственное нововведение Петра в области культуры умерло вместе с ним: сразу же после его смерти начисто исчезли ассамблеи.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРОЕ ОБЩЕСТВА

Стремясь создать новое общество, Петр действовал так же круто, нетерпеливо, жестоко, как и в любой другой сфере. Взять хотя бы его указ от 23 марта 1714 года. Очень часто этот указ трактуют крайне узко — как уравнение в правах поместий и вотчин. Но это ведь только маленькая часть указа... И дело вовсе не в том, что Петр превратил поместья в наследственные вотчины. Дворянство хотело, чтоб было так. Того же хотели советские историки, стремившиеся, чтобы все в истории сводилось к борьбе классовых сил и чтобы все в ней определялось отношениями собственности.

Но вообще-то Петр издал указ о единонаследии... По этому указу все имущество каждого дворянина должно было переходить старшему сыну. Главную, самую ценную собственность дворян составляли земельные владения, но передаваться старшему сыну должно было вообще все: и движимое имущество, и недвижимое. Остальные дети помещика назывались почему-то кадетами и не получали ничего.

Но эти «кадеты» избавлялись от обязательной службы! Они не имели права купить поместья, пока не прослужат семь лет... Но могли-то ведь и не служить! «Кадеты» могли свободно избирать себе род занятий — торговлю, науку и искусство, ремесло и службу в других государствах. А государство не должно было иметь к ним никаких претензий и не принуждать служить.

Иногда говорят, что Петр перенес на русскую почву законы майората — то есть неделимых поместий, которые не должны были продаваться и переходить в чужие руки. Но майорат, во-первых, включал только земельные владения, поместья! Сэр Генри Баскервиль должен был получить землю, но его дядюшка, если вы помните «Соба-

ку Баскервилей», завещал крупные суммы и своим слугам, и друзьям и имел на это полное право по тогдашним британским законам.

Во-вторых, майорат вовсе не обязательно получал старший сын. Владелец майората мог распорядиться им по своему усмотрению, завещая и старшему, и младшему, и среднему сыну. Он не должен был майората продавать. Если владелец умирал без завещания, майорат переходил к ближайшему родственнику по праву старшинства.

Так что поместья не стали майоратом при Петре, они стали чем-то совершенно иным: какой-то «вечнообязанной», по словам Ключевского, собственностью — то есть собственностью, которая делает старшего в роду вечно обязанным служить.

Этот указ находился в вопиющем противоречии с российской культурной традицией. Можно спорить, хорошие ли это традиции, «правильные» ли и полезно ли их исполнять. Может быть, обычай майората и впрямь имеет преимущества. Но эти традиции существовали, и люди жили именно в них. Счастливчик, получавший все наследство, сам чувствовал себя узурпатором и пытался хоть чем-то да поделиться. Все обделенные считали свое положение самой черной несправедливостью.

Посошков подробно описывает, как дробят до мельчайших долей наследство, доходят до уголовщины, «слово указа не существовало».

Петр и сам сделал ряд оговорок, с помощью новых указов оговаривая, как надо применять его указ от 23 марта 1714 года. 15 апреля 1716 года он оговорил, что вдове должна выделяться четвертая доля состояния — «до времени быть по сему». Но таких «временных мер» становилось все больше и больше. Уже после смерти Петра, 28 мая 1725 года, его вдова и наследница издала указ, означавший фактическое отступление от решений Петра.

Как и во многих других случаях, попытка навязать россиянам жизнь по чужим и чуждым правилам не привела решительно ни к чему. Зря были потрачены огромные усилия, средства и время. Зря множество людей испытывали неудобства и страдания.

Куда удачнее было решение ввести знаменитую Табель о рангах. Наверное, это очередное «Петра творенье» оказалось жизнеспособным как раз потому, что соответствовало духу русского московитского общества: его неискоренимому служебному духу.

Была, конечно, и другая тенденция — аристократическая тенденция определять «годность» дворянина по его частному положению. Ведь и военная коллегия предлагала Петру определять знатность дворянина по числу дворов, то есть по богатству. Примерно таким образом, по количеству земли и крепостных, определялся тогда ранг дворянина в большинстве европейских стран: средневековый принцип знатности рода, принадлежности к числу известных «со старины» родов сменялся буржуазным принципом богатства.

Характерен ответ, данный военной коллегии убежденным государственным деятелем Петром: «знатное дворянство по годности считать». Не «годность» по «знатности», как это было в Московии XVII века и по всей Европе в Средневековье. Не годность по богатству, как становилось по всей Европе. А знатность по годности для службы.

И в допетровской Московской Руси носились идеи упорядочить служебные чины, отделить военную службу от гражданской. Но, конечно же, в исполнении Петра идея Табели о рангах приняла особенные формы.

Во-первых, тут-то очень пригодился его скрупулезный характер, умение и желание разрабатывать все до мельчайших деталей.

Всего предусматривалось 14 рангов для всех государственных чиновников. Вводилось четыре колонки чинов: чины гражданские, военные, военно-морские, придворные. Во всех колонках чины каждого ранга приравнивались друг к другу. Скажем, лейтенант в морской службе, титулярный советник в гражданской и штабс-капитан в военной были чинами IX класса, с одинаковым жалованьем и одинаковым положением. Точно так же тайный советник в штатской службе, генерал-лейтенант в военной, вице-адмирал в военно-морской и штальмейстер в придворной были чинами III класса, тоже с равным жалованьем и равными привилегиями.

В определенной степени это была очень полезная система, потому что она доводила бюрократическую службу до необходимого ей рафинированного совершенства. Похожие «табели о рангах» были и в Византии, где чиновники делились на 8 классов, и в Китае, где классов было 18. Попытки возобновить ее предприняты в Российской Федерации путем введения Единой тарифной сетки и государственных советников разных классов.

Во-вторых, Табель о рангах стала (да, в женском роде! Потому что слово «табель» во времена Петра было женского рода) единственным критерием «годности» дворянина, определителем его положения в обществе.

Если американец, встречаясь со старым знакомым, смотрел не на него самого, а на его машину, то русский человек XVIII—XIX веков столь же последовательно, встретив друга-приятеля, в первую очередь интересовался его рангом. Не вступавший никогда в службу официально именовался «недорослем». Князь Горчаков, никогда не служивший, до седых волос был «недорослем» и в представлениях своего общества, и в официальных документах. Чин камер-юнкера, данный Пушкину, становился тонкой формой оскорбления, потому что не соответствовал его годам, а у придуманных им Лариных, которые «хранили в жизни мирной приметы милой старины», среди всех прочих примет — «...гостям носили блюда по чинам».

Если вспомнить, какое громадное значение придавалось чину и жениха, и отца невесты при заключении брака, при проведении любых, самых частных, собраний и торжеств, что официальные газеты сообщали о «прибытии и убытии из Столицы особ первых четырех рангов... придется признать, что чин имел не меньшее, а может быть, и большее значение в русском обществе XVIII—XIX веков, чем в современных США — богатство.

В-третьих, через Табель о рангах почти двести лет по-полнялось российское дворянство. При Петре любой чиновник любого ранга получал права личного дворянства; сам факт службы делал человека обладателем немалых привилегий. При этом военный в любом чине мог передавать свое положение по наследству. Гражданский чинов-

ник получал права потомственного дворянства, как только дослуживался до VIII ранга.

Позже правительство не раз поднимало планку для тех, кто становился потомственным дворянином, но все равно их число неудержимо росло. И росло число тех, кто был в службе, имел право на личное дворянство, жил по тем же правилам и законам (брили бороду, пили кофе, учили дочерей танцевать, носили европейскую одежду), но до потомственного дворянства еще не дослужился. Тогда же возникло и слово для обозначения этих людей, дожившее до XX века, — «разночинцы».

Если считать и разночинцев с их личными правами, то за годы правления Петра (всего за 34 года!) число дворян увеличилось примерно в пять раз.

Конечно, в любом случае за эти два века императорской истории из крестьянских общин, из маленьких городков Российской империи выходили бы активные люди, занимали бы совсем иное положение в мире. Но не будь Табели, они могли бы «выходить» в городскую буржуазию, в круг специалистов «свободных профессий», никак не связанных с государством. Но Российская империя была замыслена и создана Петром так, чтобы максимально сохранить тяглый характер государства: внизу — тяглые; сверху — служилые. Всякий, кто переставал быть тяглым, тот тут же сам становился служилым...

Итак, Табель о рангах, введенная 24 января 1722 года, стала действительно ценным нововведением.

Почти одновременно с введением Табели Петр нанес два мощных удара по Церкви. Уничтожено патриаршество — один удар. Определена норма: 1 священник должен приходиться на 150 дворов прихожан. Не больше!

В 1722 году все «лишние» священники выключались из своего сословия, и еще повезло тем, кто угодил в солдаты. А священники, жившие на помещичьей земле и выключенные из списков, были приписаны к помещикам в качестве крепостных. То есть с 1722 года все священники Российской империи стали или чиновниками государства, или крепостными.

Еще раньше удар обрушился на крестьян, холопов и так называемые промежуточные слои общества.

Указом от 1711 года крепостных было разрешено продавать без земли. То, что раньше происходило очень редко, в виде исключения, и считалось эксцессом, теперь стало повседневной бытовой нормой. Раньше крепостной был зависимым, но членом общества. Он обеспечивал своим трудом помещика, которому земля с крепкими этой земле людьми давалась для того, чтобы он мог полноценно служить. Отнимая поместье, отнимали и прикрепленных к земле.

Теперь поместье и вотчина становились наследственным видом владения, а крестьян можно было продавать НЕЗАВИСИМО от того, продолжал ли помещик служить. Уже при Петре появились случаи, совершенно невыносимые при первых Романовых: когда богатые дворяне меняли крепостную девицу на заморскую диковинку — попугая, наученного матросским ругательством, или разлучали семью, продавая в разные имения мужа, жену и детей. Тогда это казалось опять же крайностью, эксцессом; общество привыкло к этому спустя еще поколение.

Раньше, до введения подушной подати, холопы не платили государству. Петр сделал крестьян такими же холопами, а холопов такими же крестьянами, платящими подушную подать. До Петра многие москвиты были и неслужилыми, и нетяглыми — вольница, церковные люди. Петр уничтожил это положение вещей.

При нем не стало неслужилых и нетяглых, все стали только и исключительно или тяглыми, или служилыми.

Сама сумма подушной подати — 74 копейки с помещичьего крестьянина, 1 рубль 24 копейки с посадского или с черносошного крестьянина — была получена очень просто: путем раскладки стоимости государственного аппарата и армии на все население Российской империи.

Приходится признать, что Петр произвел огромное «упрощение общества». Он упростил отношения в среде дворянства, уничтожив и смешав разные группы служилых людей, разные виды собственности, свел разные возможности дворян к одной-единственной — к службе, по преимуществу военной.

Он уничтожил все нетяглые и неслужилые слои общества, попросту не давая ему развивать отношения, не свя-

занные с государством, — то есть двигаться в ту же сторону, что и вся остальная Европа.

Так же последовательно он уничтожил все многообразные формы подчинения и закрепощения крестьян, и при нем великое множество форм и видов неравенства сменились гораздо более однозначными формами рабства.

Он уничтожил все разнообразные виды собственности в крестьянской среде, не давая возможности черносошным крестьянам порождать и развивать буржуазные отношения собственности, как это происходило в XVII веке.

Мало того что при Петре общество стало несравненно менее свободным, чем было еще при Софье... Оно стало еще и менее разнообразным, а это еще хуже и опаснее. Ведь во внутреннем разнообразии общества — залог его возможного развития... Чем сложнее, разнообразнее общество, чем более разные люди его составляют — тем легче отвечает такое общество на вызовы времени, двигается вперед, совершенствуется. А чем оно проще, тем с большим трудом общество приспособляется к изменяющейся жизни.

При Алексее Михайловиче, даже при Михаиле Федоровиче общество было свободнее и разнообразнее, чем при Петре. То есть тогда Московия была ближе к европейской модели общества и могла легче и быстрее развиваться.

И содеянное Петром еще кто-то называет «прогрессом»?!

ИНОСТРАНЦЫ

Еще одна классическая байка — про привлечение Петром невероятного количества иностранцев. Факты свидетельствуют против этого суждения, потому что ко времени восшествия Петра на престол в слободе Кукуй на Москве жило уже больше 20 тысяч человек, а за все время его правления въехало в Российскую империю не больше 8 тысяч. Немало, но и никакой революции. Если судить по тенденциям времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, можно было ожидать гораздо большего притока иноземцев. Тем более что все стеснительные ограничения

прежних лет — типа проживания на Кукуе, правового равенства с православными — Петр как раз и отменил.

Почему иноземцы не так уж рвались в империю Петра, становится понятно из брошюрки, выпущенной в 1704 году Мартином Нейгебауэром, бывшим офицером московитской армии и приближенным царя. Брошюра называлась торжественно: «Письмо одного знатного немецкого офицера к тайному советнику одного высокого владетеля, о дурном обращении с иноземными офицерами, которых московитяне привлекают к себе в службу».

В ней Нейгебауэр писал, что иноземных офицеров в Московии бьют по лицу, секут палками и кнутами.

Полковника Штрасберга городской воевода бил батогами только за то, что тот не захотел послушаться царского указа.

Полковника Бодивина казнили только за то, что его слуга заколол шпагой царского любимца, фельдшера.

Майора Кирхена царь лично бил по лицу, плевал на него, только потому, что тот, прослужив майором год, не захотел становиться капитаном, уступая место некому русскому.

Все имущество Франца Лефорта взяли в казну, оставив наследникам только долги покойного.

В какой степени можно доверять этой брошюрке, трудно сказать. Сам Нейгебауэр был уволен из московитской армии за то, что ругал русских варварами и собаками и высокомерно поучал придворных за то, что они неправильно воспитывают царевича Алексея.

У немецких союзников Петра, в Пруссии и Саксонии, были запрещены сочинения, оскорбительные для Московии, но тут, скорее всего, дело было как раз в союзнических отношениях, а не в радении о справедливости.

Характерна реакция московитов: в 1705 году отправлен в Германию «служилый иноземец», некто Гюйссен с опровержением: «Пространное обличение преступного и клеветами наполненного пасквиля, который за несколько времени был издан в свет под титулом «Письмо одного знатного немецкого офицера к тайному советнику одного высокого владетеля, о дурном обращении с иноземными офицерами, которых московитяне привлекают к себе в службу».

В этом сочинении Нейгебауэра называли «архишельмой» и другими сильными словами, его характер и поведение в Московии расписывались самыми черными красками, вплоть до обвинения в измене, воровстве и так далее. По существу же обвинения, брошенные Мартином Нейгебауэром, не опровергаются, а только рассказывается о том, что обиженные в Московии сами виноваты в подобном обращении.

Нейгебауэр отвечает в совершенно отвратительном духе — что Гюйссен сам вор и получил место через посредничество любовницы Меншикова... Но эта «полемика» для нас уже малоинтересна.

Для попыток понять происходящее несравненно важнее вот эта деталь — попытка не опровергать, что кого-то казнили, а кому-то плевали в лицо, а «переводить стрелки» на самих обиженных, очень подозрительна. Невольно приходишь к выводу, что обвинения Нейгебауэра могли иметь основания... Тем более что, если тот солгал, нет ничего проще — устроить турне по Германии и майору Кирхену, и полковнику Штрассбергу, и уж тем более «покойнику» Бодивину — пусть они пьют во всех кабаках, выступают на всех офицерских и дворянских собраниях во всех княжествах и такой приятной службой доказывают лживость выдумок Нейгебауэра... Однако это сделано не было, и тут тоже возникают вопросы.

Тем более что положение иноземцев при Петре и правда изменилось. До Петра все внутренние «разборки» между иноземцами не подлежали московитскому суду. Это решение, может быть, и не идеально с точки зрения юриспруденции, но для самих иноземцев очень удобно. При Петре же служилые иноземцы все больше подчиняются законам самой Московии. Все бы ничего, но только вот правовая практика Московии очень отличается от европейской, и это вызывает осложнения... Сегодня пишутся чуть ли не диссертации, имеющие целью доказать, что Московия вовсе не была отсталой и что говорить о ее отставании от Европы могут только вконец испорченные люди. Но служилые иноземцы не читали этих сочинений и упорно считали законы Московии грубыми и жестокими.

Можно сколько угодно осуждать обычай дуэлей, но, во всяком случае, согласно нему в поединке сходились люди по законам рыцарской чести. Опять же, можно считать все разговоры о рыцарстве и о самой чести чистойшей воды лицемерием — дело личное. Но европейцы так не считали, и категорический запрет, наложенный на дуэли Петром в 1702 году, им не нравился.

А еще больше не нравилось, что за выход на поединок, независимо от его результатов, полагалась смертная казнь, а за одно лишь обнажение оружия — отсечение правой руки.

В годы Петра в законодательстве смертная казнь предусматривалась 90 статьями (при Алексее Михайловиче — 60 статьями), но тут на смерть и увечья обрекались люди по царскому указу, не имеющему ничего общего с законом. Европейцам это «почему-то» не нравилось, как и право любого начальника бить их батогами и «право» царя плевать им в лицо и рукоприкладствовать.

Везде было так же?! Может быть, но вот иностранные офицеры почему-то думали иначе и служить Петру не топились.

А кроме количества служилых иноземцев изменилось еще и их качество. Если среди иноземцев, въехавших в Московию при Алексее Михайловиче, было много культурных и умных людей и многие из них дали начало интеллигентным русским фамилиям, то неизвестен ни один иностранец, приехавший в Московию при Петре и ставший родоначальником культурной, известной русской семьи. Ни один. Такие иноземцы появятся при Екатерине... Но к тому времени и законодательство страны станет другим; и для русского дворянства тоже будут существовать иные правила жизни, не очень отличающиеся от правил жизни в Европе.

А пока в Московию едут в основном люди двух сортов: диковатые создания, которые не имеют ничего против риска получить порцию батогов или плевков в спитую физиономию. Или те, кому бежать особенно и некуда: можно погаться в колонии, за океан, можно — в Московию. В колонии лучше, потому что в Америке и в Индии больше шансов

разбогатеть; но в колониях европейцы мрут, как мухи осенью, а в Московии климат получше и по привычнее.

Надеюсь, нет необходимости доказывать, что далеко не всякий человек стал бы участвовать по доброй воле в соборных Всепьянейшего собора. У иностранцев, кстати, и была возможность не участвовать! Когда Иоганн Корб не захотел принять «благословения» Никиты Зотова скрещенными трубками, он и ушел прочь. Но вот за каретой Якова Тургенева шли оба «короля» — Бутурлин и Ромодановский, а с ними — Лефорт, Гордон, Тиммерман, Памбург, до десяти иноземцев-полковников: иностранцы, променявшие остатки чести на милости царя Петра.

Среди иноземных слуг Петра огромен процент джентльменов, по которым плакала веревка или прочный каземат с решетками на окнах. По крайней мере, трижды он возводил в адмиралы откровенных пиратов, а общая «нехватка кадров» доводила до того, что герцога Огильви, под Нарвой в 1700 году позорно перебежавшего к шведам со всем своим штабом, Петр опять принял на службу и окончательно расстался с ним только в 1706 году, когда бестолковость Огильви превзошла все мыслимые пределы.

ЭКОНОМИКА

Многие историки всерьез считают, что если до Петра в Московии было всего 30 мануфактур, а при нем стало 240, то во столько же раз и стала сильнее российская экономика... Но это серьезная ошибка.

Дело в том, что, начиная с последних лет правления Алексея Михайловича, в Московии развивалась РЫНОЧНАЯ экономика. Государство могло помогать заводчикам, давать им ссуды, предоставлять льготы, но старалось поддерживать производство, построенное на вольном труде и способное выбрасывать продукцию на рынок. Очень часто правительство выбирало, у кого покупать нужную ему продукцию; именно частные производства создали материальную базу армии 1670-х годов. Эти предприятия помогли выиграть войну с Турцией 1676—1681 годов.

Петр же поступал совершенно, принципиально иначе. Если давал льготы — то таким образом, чтобы исключить всякую конкуренцию между владельцами предприятий. Если давал подряды — то «своим». В лучших традициях советской «затратной экономики» купцы тратили огромные деньги на «умасливание» чиновников, на получение максимальных льгот и привилегий: это оказывалось несравненно выгоднее, чем выбрасывать на рынок конкурентоспособный товар.

При этом наглость подрядчика и, соответственно, его способность извлекать доходы находилась в самой непосредственной связи с его близостью к царю. Меншиков взял подряд на создание канала из Волхова в Неву — в неспокойном Ладожском озере часто налетали сильные, внезапные ветры, за считанные минуты поднимали волну до 5—6 метров высотой. Много барж погибало, и в народе задуманный канал даже ласково называли «невской канавкой». Так что нужен был сам по себе канал, но вот способ его создания оказался до невозможности оригинальным: 7 тысяч человек погибли на строительстве от голода и невыносимых условий жизни, 2 миллиона рублей, выделенные из казны, исчезли неведомо куда, а канал при жизни Петра так и не был построен.

Сейчас совсем забыто строительство канала из Волги в Дон, с тем же чудовищным результатом в виде огромного количества покойников.

Возможно, строительство порта в Таганроге и Волго-Дона забыты потому, что после Прутского похода 1711 года эти недостроенные сооружения пришлось забросить.

Так же прочно забыта попытка построить огромный порт в Рогервике, в нескольких милях от Ревеля. Как часто бывало, Петр не хотел пользоваться уже существующим (в данном случае — уже построенным портом Ревеля) и с маниакальным упорством строил что-то такое, к чему только он один будет иметь отношение. Но какое-то время он сомневался, строить ли морской «парадиз» в Петербурге или в Рогервике. Всем был рейд в Рогервике хорош, только открыт западным ветрам, и зимние штормы губили корабли каждую зиму.

«Навезли невероятное количество бревен, опустошив леса Лифляндии и Эстляндии, наделали огромных ящиков и, наполнив их булыжником, опустили на глубокое дно рейда; но буря раскидала сооружение. Работу повторяли, но с такой же неудачей, так что, наконец, страшно дорогое дело было брошено»¹. На Рогервике тоже погибло множество рабочих.

Все это приведены примеры не только чудовищной расточительности государства Петра — расточительности и в материальных ресурсах, и в человеческих жизнях.

Но это еще и примеры безобразной организации государственного хозяйства. Все эти «стройки века», так сказать «беломорканалы XVIII столетия», организовывались подрядчиками. И там, где гибли десятки тысяч, десятки (уже без «тысяч!» просто десятки!) людей наживали вполне приличные состояния.

В то же время на организации производства товаров на рынок при Петре разбогатеть было невозможно — жадная свора чиновников моментально ограбила бы предпринимателя, не связанного с государством. А нищее, полуголодное население нуждалось решительно во всем, но покупать могло очень немного. На жаргоне экономистов это называется красиво: «дефицит платежеспособного спроса». И получается, что государство попросту развращало купцов, делая невыгодным серьезное производство и — выгодной «экономией», приводящую к массовой смертности.

Кроме организации нескольких «строек смерти» Петр «прославился» еще и широчайшим распространением рабского труда в промышленности и даже в торговле.

Известен подлинный случай, когда государство, построив полотняные заводы для получения парусины, решило «отдать их торговым людям, а буде не похотят, хотя бы и неволей». Термин «крепостное купечество» или «крепостные капиталисты» прозвучит сюрреалистически, но ведь примерно так оно и было. Петр никак не мог допус-

¹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 574.

тить, чтобы в его государстве хоть кто-то оставался свободен, пусть даже и предприниматель.

В торговле так же насильственно создавались торговые «кумпанства», то есть компании. Первые «кумпанства»-то вообще были не торговыми... Это были объединения подданных, каждое из которых должно было построить за свой счет многопушечный корабль...

Но потом Петр издавал и указы про торговлю «кумпанствами», и о том, чтобы русские купцы везли бы сами товары в «немецину». Голландцы даже испугались одно время и хотели надавить на Петра — пусть не велит своим «кумпанствам» везти товар в Голландию...

Но уже спустя самое небольшое время резидент Нидерландских штатов Фон-дер-Гульст доносил: «Что касается торговли компаниями, то это дело пало само собой; русские не знают, как приняться и начать такое сложное и трудное дело. Я просил прежде, чтобы мне была дана инструкция на сей счет, но если я получу теперь эту инструкцию, то замедлю ее исполнение, потому что по вашему требованию царь уничтожит дело, которого невозможность уже признана, и покажет вид, что он это сделал для вас».

Правда, существовали еще и семейные артели, и они-то были куда как жизнеспособны... но Петр их, разумеется, запретил. Если Баженины могли добраться до Голландии на своем корабле с «робятами», то могли, конечно, привезти и товары... тот же холст. Но к тому времени производство холстов уже погублено указами Петра, везти за границу просто нечего, а Баженины торговать «кумпанствами» не умеют, и пускать за рубеж их нельзя...

За всю историю петровского времени только дважды русские купцы вырывались за границу с товарами... лучше бы они этого не делали! Об одной такой попытке по торговать в Стокгольме мы знаем довольно подробно из доноса русского посланника Бестужева: «Русские купцы никакого почтения не оказывают, беспрестанно бранятся и дерутся между собою, отчего немалое бесчестие русскому народу. И хотя я Вашего Величества указ им и объявлял, чтоб они смиренно жили и чистенько себя в платье содержали, но они не только себя в платье чисто не со-

держат, но некоторые из них ходят в старом русском платье без галстука, также некоторые и с бородами по улицам ходят».

Дело в том, что «купцы» привезли в Швецию не что-нибудь, а каленые орешки и деревянные ложки. Чтобы сэкономить денег, они в гостиницу не пошли, так и варили кашу на костре, на берегу, собирая толпы любопытных, а потом ездили на санях (в августе месяце) по городу и драли глотки: «Кому орешков?! Кому ложек?!» Причем орали исключительно по-русски...

Не буду спорить — были ли это просто бродяги, которые сперли корабль и притворились купцами, или до такого состояния было доведено купечество. Важно — других случаев торговли готовыми товарами не было вообще.

Если так обращались с предпринимателями, то уж тем более рабочие на всех без исключения мануфактурах при Петре стали бесправными рабами. Ушли в прошлое времена, когда цари позволяли набирать «всяких людей по доброте, а не в неволю». Да и не стало в Московии людей, которые не тянут ни службы, ни тягла — как раз тех, кто легче всего мог бы наняться в рабочие или стать мастером или инженером, то есть специалистом.

Теперь этих людей вовсе не привлекали «добром», а «отсылали в работу навечно». «Гулящий человек», уже психологически, может быть, и готовый стать заводским рабочим, становился на том же заводе рабом... Беглые от помещиков крестьяне находили себе пристанище на заводах, при Петре их запрещено было возвращать... Ценой потери ими той самой свободы, которую они искали, став рабочими.

Для обеспечения заводов рабочей силой Петр отдавал деревни и целые волости в заводские крестьяне — называя вещи своими именами, в крепостные рабы. С 1721 года даже недворяне имели право покупать деревни для обеспечения заводов рабочей силой.

Гулящие люди бежали с заводов на Дон и на Север, резали мастеров, ломали машины и поджигали заводы. Приписанные к заводам крестьяне рубили себе и своим детям руки и ноги, чтобы не идти на завод. Их ловили, били кнутом, ссылали, клеймили, заковывали в кандалы, ве-

шали для устрашения прочих. Виселица с трупами в разной степени разложения стала обычной частью пейзажа заводов и мануфактур (как и «строек века», разумеется). Рабочие в Воронеже на вопрос царя, какие, мол, будут пожелания, попросили одного: снять трупы с виселицы. «А то как ветер с той стороны, и кусок в горло не лезет».

Уже после Петра его племянница и во многом продолжательница его дела, Анна Ивановна, в 1736 году объявила всех вообще работников на всех предприятиях Российской империи закрепленными за фабрикантами «навечно и с потомством».

Все это имело два следствия: было пресечено развитие русского рабочего класса, вольных мастеровых, вообще лично свободных людей, и исчез один из «островков свободы», каких много было в XVII веке.

И второе — такая промышленность была обречена на отставание. Сказалось это уже при жизни Петра, и как раз в тех областях производства, которые он считал приоритетными. В 1690 году, не успев посадить сестрицу на престол, Лев Кириллович Нарышкин «прихватизировал» ни много ни мало 8 каширских заводов. Их законный владелец, Андрей Марселиус, помер своей смертью, тут все чисто, заводы отошли в казну, но вопрос — почему поживиться ими должен был именно Кот Кириллович? Только потому, что брат царицы.

И так разорил эти заводы Лев Кириллович, что в 1720 году из 8 заводов не на бумаге, а в реальности существовало только два, а с этих двух все квалифицированные люди давно разбежались. В 1720 году заводы Александра Львовича Нарышкина, сына и наследника Кота Кирилловича, дяди Петра по матери, дали, при 1160 человек работающих, 15 тысяч фузей, 4 тысячи пистолетов, 12 тысяч шпаг.

В 1670-е годы частные заводы давали в пять раз больше продукции. Уже в 1646 году Московия продавала оружейные стволы! Теперь не так...

А ведь это все — только начало. Пока государство, истребляя собственный народ, расточая недра и леса, как-то поддерживает на плаву такое, заведомо неэффективное, безвыгодное производство — все еще как-то может суще-

ствовать. Но вот помирает Петр, а у его наследников нет ни средств, ни особой охоты финансировать любой ценой его игрушки в виде флота или никчемные производства. И начинается долгая мучительная агония...

Сколько восторженных криков издали любители «прыгать из первого месяца беременности в девятый» по поводу уральских заводов! Вот, мол, по железной воле Петра и гению Демидова создавались заводы в глуши, среди полного безлюдья, и эти заводы снабжали чугуном чуть ли не всю Европу!

Вот именно — чугуном... Причем чугуном низкого качества, который иностранцы покупали как сырье и тут же пускали в переплавку. Фактически заводы Демидова выпускали сырье, удобное для транспортировки, а вовсе не готовую продукцию; на них обогащали руду, превращали ее в скверный чугун и везли его на другой конец Европы, в Шеффилд или в Эдинбург. Там чугун превращали в сталь, изготавливали из нее все, что только делается из классного железа, и продавали... в том числе и в Российскую империю.

А где же русские мастера, делавшие в Туле, Серпухове и Кашире сталь-уклад еще в 1640—1650-е годы?! Думаю, неплохо бы поискать этих мастеров в тех свальных братских могилах, где закапывали строителей Таганрога, Волгодона, Рогервика, Невской канавки. А уцелевшие не имели ни времени, ни сил, ни прав делать то, что они умеют. Московия первых Романовых вырастила этих мастеров; Российская империя Петра их погубила.

Как там у нас насчет прогресса, господа?!

В общем, нет ничего более далекого от действительности, нежели оценка С.М. Соловьева: «Внутреннее спокойствие и внешняя безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащение страны посредством торговли — вот две цели Петра, как он это ярко выразил в знаменитом манифесте своем о вызове иностранцев в апреле 1702 года»¹.

В январе 1704 года, правда, грянул указ о строительстве в Москве каменных домов, фасадом не на двор,

¹ Мэсси Р. Петр Великий. Т. 1—3. Смоленск, 1996. С. 75.

а на улицу. Кто не мог построить такой дом, должен был продавать свой участок земли. Известно и число домов, построенных по этому указу, — «больше ста». Напомню, что при Софье и Голицыне в Москве построено больше трех тысяч каменных домов — безо всяких указов и прочих административных восторгов.

Комментарии нужны?

СРЕДСТВА РЕФОРМ

Про разорение страны при Петре писали много и убедительно. Известна цифра, названная П.Н. Милюковым: мол, к 1710 году исчезло 20% тяглого населения Московии. Интересно, что до него называлась цифра еще более жуткая — 25%, так что П.Н. Милюков еще несколько смягчил цифры, даваемые наукой его времени. Да еще Павел Николаевич считал, что не все из этих 20% погибли — по крайней мере, третья часть тех, кого недосчитались, — просто беглые или ушли в разбойники.

Число разбойников при Петре действительно превосходит всякое воображение. Разбойничьи шайки контролировали приличные куски территории Российской империи — целые волости и провинции. Они вели неплохое хозяйство, а иные атаманы вели в бой сотни и тысячи людей, и утрачивается вообще представление, где тут разбойничьи шайки, а где повстанческие армии... Грань очень уж зыбкая.

В Орловской провинции разбойники выстроили укрепление военного образца и несли службу не хуже «потешных». В Лихвинском уезде разбойник Сиротка (имя и фамилия неизвестны) одел свою шайку в военные мундиры, а при себе держал почетный караул с ружьями и шпагами.

Под Воронежем сбежавшие от работ «разбойники» отбили у гвардейцев три полевых орудия и лихо стреляли из них по войскам, приходившим их «имать в неволю». Позже эти «разбойники», по одним данным, примкнули к донским казакам, по другим — исчезли в неизвестном направлении: то ли разошлись малыми группами по стране, то ли коллективно двинулись искать лучшую долю у башкир, в Сибири, а то и в степях нынешнего Казахстана, у ордынцев.

Страну разоряли, но Петру денег вечно не хватало, уже начиная с незабвенных времен Кожуховского похода и «стольного города Прешбурга». Был случай, когда Петр, чтобы послать очередную подачку саксонскому курфюрсту Августу, ставшему польским королем, забрал наличные деньги из нескольких контор (в том числе и частных), занял денег в Троицком монастыре, у купца Филантьева (отдал ли, история умалчивает), а последние 420 золотых одолжил у Меншикова (эти точно не отдал).

Одна из причин вечной нехватки денег — чудовищная расточительность Петра. Он всегда тратил в несколько раз больше, чем было необходимо, и всегда собирал больше, чем тратил на дело. Та же история с колоколами, из которых предполагалось делать пушки: ведь не больше 10% содранных колоколов пошло в дело.

Не знаю, имеет ли это прямое отношение к экономике, но вот в чем Петр был совершенно виртуозен, так это в выжимании денег из своего собственного народа.

Я уже писал об удивительной службе фискалов, которые брали себе половину «отысканного». А с фискалами соперничали введенные гораздо раньше «прибыльщики». Это была совершенно официальная их служба — отыскивать решительно все, что только может приносить государству доход. Они и отыскивали, в том числе вводя новые налоги. При Петре налоговое бремя возросло, по одним данным, в пять раз, по другим — даже в пять с половиной.

Налоги, введенные Петром, можно перечислять очень долго, назову только некоторые: на огурцы, на арбузы, на гробы, на питьевую воду, на заключение брака, на рождение, на похороны, на пшеницу, на свечи, на владение лошади и на право ободрать собственную дохлую лошадь, на покупку кровати, на дрова, на печи с трубой, на... впрочем, я думаю, — достаточно!

При Петре подданный буквально ничего не мог сделать, не заплатив хоть какого-то налога.

А к тому же — еще и «казенные монополии», когда только государство имело право продавать какой-то товар. В число таких товаров входили смола, деготь, рыба, спиртное, масло, мел, лен, меха, табак. Соль продавали

вдвое дороже, и люди «маломочные», по словам Посошкова, «цинговали и помирали», когда не могли платить за соль такие деньги.

Прибыльщики придумывали самые фантастические, порой совершенно невероятные способы пополнить казну. Знаменитый прибыльщик Андрей Курагин совершил открытие, которому суждено оказалось пережить и Кураева, и самого Петра, и всю эпоху...

О том, как совершилось это открытие, рассказывают романтически... Мол, некий человек прямо на улице подошел было к Петру, но, когда царь на него посмотрел, испугался и убежал. Петр велел подать папку, которую уронил прямо в уличную грязь незнакомый человек, почитал... и велел любой ценой привести к нему автора этого документа! А когда привели, обласкал Андрея Курагина и сделал его главой прибыльщиков...

Идея же была такова: с этого дня все сделки в Москве совершаются только на так называемой гербовой бумаге, то есть бумаге с водяными знаками и со штампом в виде государственного герба: двухголового орла Романовых. Бумага разного качества и, соответственно, разной стоимости. Если сделка до десяти рублей, то и бумага ценой в копейку. Если сделка на большую сумму, возрастает и цена бумаги, вплоть до 10 рублей за сделку стоимостью в пять тысяч и больше. А если купцы заключают сделку не на гербовой бумаге, то и сделка признается недействительной! Так что будут платить, никуда не денутся!

К тому же все прошения, все официальные просьбы человека к власти тоже должны совершаться на гербовой бумаге! Чем значительнее дело — тем дороже должна быть бумага. Если бедная солдатская вдова просит определить своего недоросля в цифирную школу за казенный счет — пусть платит копейку за самый простой лист бумаги, где и герб-то похож на подделку, так развезен, нечеток. А если вступает в права наследства будущий владелец тысячи душ, пусть покупает лист гербовой бумаги в 10 рублей ценой — плотный, белый, с золотым обрезом по левому краю.

Гербовая бумага дожила до 1917 года! Это одно из немногих изобретений Петра, наряду с Табелью о рангах, которое прожило так долго.

ЦЕНА ГОРЕ-РЕФОРМ

Итак, цена: уменьшение населения, по крайней мере, на четверть.

Разделение нации на две субкультуры, два субэтноса и чуть ли не два разных народа.

Разрастание рабства. Исчезновение свободных людей. Превращение в «винтики», по существу, всего населения. Уменьшение народной свободы, а с ней — и сокращение перспективы развития.

Люмпенизация, обнищание основной части населения и даже дворянства. Превращение в беглых чуть ли не 30—40% и в разбойников чуть ли 5—6% всего мужского населения. Развращение людей жестокостью, подлостью, выгодностью соучастия в убийствах своих же сограждан, безвыгодностью честного труда.

Боюсь, до многих россиян конца XX — начала XXI веков еще не очень дошло — кроме Смуты начала XVII века, 1605—1613 годов, была еще и Смута начала XVIII века, времен Петра I. Смута, может быть, и менее страшная, но с теми же последствиями: расколом народа, разрывом связей, уменьшением численности населения едва ли не на треть, а главное — с торжеством полной неопределенности во всем, что касается дальнейшей судьбы и дальнейшего устройства государства.

А может быть, самое худшее — это колоссальное растление народа... опять же — не всего народа, конечно, а именно той его части, которая теснее всего взаимодействовала с Петром, зависела от Петра, становилась и по служебной необходимости, и из инстинкта самосохранения слепым орудием исполнения его державной воли. Растление тех самых правящих 1%, самое большее 2—3% населения Российской империи.

И все это — ради Табели о рангах, гербованной бумаги, переименования Боярской думы в «конзилию» или в Сенат и воеводы — в генерала?!

Часть II

**ПОРОЖДЕНИЯ
АНТИХРИСТА**

Глава 1

АНТИХРИСТ НА ПРЕСТОЛЕ

... Убивал много людей, потому что он был очень гениален.

Граф Л.Н. Толстой

АНТИХРИСТ ВО ВСЕЙ КРАСЕ

В чем же дело?! Что произошло на Руси в конце XVII — начале XVIII столетия?! Или, выражаясь более привычно: кто виноват?!

Самое простое здесь — обвинить лично Петра I. Мол, приди к власти не нахальный мальчишка, а положительный пожилой Василий Голицын, ставленник Милославских и любовник царевны Софьи, не было бы ни ужасов Петровской эпохи, ни раскола нации чуть ли не на два народа, ни всевозможных психологических напряжений, тянувшихся без малого два века.

Более рафинированная точка зрения предполагает, что виноваты во всем предатели-дворяне, которые стали европеизироваться и тем самым разорвали связь с остальным народом. Эти дворяне стали высокомерно относиться к «народу», и в этом-то корень всех русских бед на целые века.

Есть и точка зрения, предусматривающая еще более многочисленную категорию «виновников». Это — ну конечно же! — европейцы, в первую очередь немцы. Они заставили Русь принять нормы их цивилизации — то ли спаивая Петра, то ли подкупая всех высших сановников,

засылая «агентов влияния». В них-то, злых иностранцах, корень зла, они-то и есть виновники всех российских бед и раздоров.

Евреев, чаще всего, в роли виновников не называют — слишком очевидно, что никакой роли ни в российской, ни в европейской политике они в эту пору не играли. Но я готов дать всем желающим примерно сорок или пятьдесят увлекательнейших версий, согласно которым в число виновников попадают чеченцы, армяне, махариши-боддисты, уцелевшие в глухих лесах скоморохи и представители океанской сверхцивилизации, отдаленными и деградировавшими потомками которых являются дельфины.

Резвиться в поисках виновников и заговорщиков можно долго, а еще дольше можно резвиться по поводу людских тупости и невежества. Беда в том, что многие стороны событий остаются скрытыми от нас и сегодня. И не потому, что мы чего-то не знаем, а в первую очередь потому, что мы просто не умеем их видеть и правильно понимать. В истории (да и не только в истории) мы очень часто видим событие, но совершенно не в силах понять, почему оно произошло, какова сущность явления и чего от него может ожидать каждый участник событий.

Такие события, как церковный раскол, революция Петра, переворот Александра II, революция и Гражданская война 1917—1920 годов, определили судьбы буквально миллионов людей, ставших их современниками. Многие из них отдали бы несколько лет жизни для того, чтобы понимать — что же происходит вокруг?! К чему все идет, чем может закончиться и что можно сделать для своего спасения и для спасения своих близких. Не имея знаний, которые появятся у людей десятилетия, а то и столетия спустя, они создавали те объяснения происходящему, на которые у них хватало ума, знаний и проницательности.

Конечно, многие из объяснений петровского переворота вовсе не были ни глупы, ни наивны, но только в самые последние десятилетия появилась научная теория, объясняющая, почему в основание петербургского периода нашей истории вошли такие странные посылки.

И показывающая в совершенно новом свете очень многое из произошедшего в момент петровского переворота,

Я познакомлю читателя с теорией, разработанной российскими учеными Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским¹; без знания этой теории наше понимание Петровской эпохи может оказаться неполным. Но помните: я излагаю не истину в последней инстанции, а «всего лишь» научную гипотезу, которая может быть еще и неверной.

...Христианская церковь видела мир как столкновения добрых и злых сил. Не было в мире ничего, что для нее не было бы или праведным, или грешным. Любое решение императоров, любое явление в природе было или хорошим, святым, или плохим, грешным. Животные, минералы, звезды, народы и отдельные люди жестко разделялись на «положительных» и «отрицательных», святых и грешных.

В XIII веке католики признали существование рая, ада и чистилища — особого места, где души проходят искупление мелких, не «смертных» грехов и попадают потом все же в рай. В западном христианстве появилось представление о нейтральном — о личностях, явлениях и поступках, которые не грешны и не праведны. И пока не затрагивалась сфера грешного и святого, западное общество могло изменяться, не ставя под сомнение свои важнейшие ценности. Научившись у арабов делать бумагу и создавая горнорудную промышленность, западные христиане и не грешили, и не приближались к святости.

Восточное христианство продолжало жить в мире, где не было ничего нейтрального — такого, что не было бы ни грешным, ни праведным. Благодаря этому византийские ученые состоялись как невероятнейшие моралисты, тратившие массу времени на объяснения того, как блаженны, скажем, птицы, склевывающие в садах насекомых, сколь велик Господь, сотворивший этих птиц, как они полезны для человека и вообще как хорошо, что они есть. Для них важны были не только, а часто и не столько

¹ Успенский Б.А., Лотман М.Ю. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. М., 1996. С. 338—380.

факты, сколько их религиозно-морализаторское истолкование.

Русь и в XIII, и в XVII веках в представлении русских оставалась святой землей, в которой все было абсолютно священо и праведно. Любая мелочь, включая обычай класть поясные поклоны, спать после обеда или сидеть именно на лавке, а не на стуле, был священным обычаем. Отступить от него значило в какой-то степени отступить и от христианства. Естественно, в эти священные установки нельзя было вносить никаких изменений. Начать иначе пахать землю или ковать металл значило не просто отойти от заветов предков, но и усомниться в благодатности Святой Руси.

Все остальные страны, и восточные, и западные, рассматривались как грешные, отпавшие от истинной веры. Конечно, русские цари организовывали новые производства, заводили «полки нового строя» и, нанимая немецких и шотландских инженеров и офицеров, ставили их над русскими рабочими и солдатами — просто потому, что они владели знаниями, которых у русских еще не было. Но даже в конце XVII века прикосновение к «инородцу» опоганивало; входить к нему в дом и есть его пищу было нельзя с религиозной точки зрения. Немцы оставались теми, кто используется, но у кого почти не учатся. Русское общество бешено сопротивлялось всяким попыткам его хоть немного изменить.

В спорах о реформах Петра I, обо всей Петровской эпохе совершенно справедливо отмечается, что Россия должна была учиться у Европы и сама становиться Европой — если не хотела превратиться в полуколонию и погибнуть в историческом смысле. Но совершенно не учитывается один важнейший факт: для того чтобы учиться у Европы, надо было разрушить представление о странах «латинства» как о грешных странах, религиозно погибших землях. Одновременно надо было разрушить представление о России как совершенной стране, в которой все свято и ничего нельзя изменять.

Петр поступил так же, как тысячелетием до него поступил князь Владимир: силой заставил принять новую систему ценностей! Владимир «перевернул» представле-

ния древних россов: свое родное язычество объявил признаком дикости, а веру в Перуна и Мокошь — неправильной верой в бесов. А чужую веру, веру врагов-византийцев, чьи храмы было так весело грабить, объявил истинной верой, которую хочешь не хочешь, а придется теперь принимать.

Так же все перевернул и Петр I: Святую Русь объявил отсталой и дикой, несовершенной и грубой. Грешные западные страны, населенные чуть ли не бесами, объявил цивилизованными и просвещенными, источником знания и культуры. В такой перевернутой системе ценностей само собой получалось, что грешная, ничтожная Русь просто обязана перенимать мудрость у праведного ученого Запада. Теперь как раз немецкая одежда повседневна на обритых дворянах, на свадьбе же бородатых шутов их одевают в русскую народную одежду, а в гимназиях XVIII века русскую одежду будут заставлять надевать лентяев и двоечников. В НАКАЗАНИЕ — как столетием раньше надевали немецкую.

Петр I и не думал отменять противопоставление Россия—Запад, давно существовавшее в сознании россиянина; он только поменял знаки на противоположные. То, что было со знаком «плюс», стало восприниматься со знаком «минус», и наоборот.

Более того...

Петр женится на Екатерине Скавронской, крестным отцом которой при перекрещивании в православие был его сын Алексей (потому она и стала «Алексеевной»). И получилось, что женится-то он не только на публичной девке, но еще и на своей духовной внучке...

Петр I присвоил себе титул «отец отечества», а в религиозной традиции «отцом» может быть только духовное лицо, «отцом отечества» — только глава всей Русской православной церкви.

Петр I допускал называть себя «богом» и «Христом», к нему постоянно относили слова из Священного Писания и церковных песнопений, которые относимы вообще-то только к Христу. Так Феофан Прокопович приветствовал Петра, явившегося на пирушку, словами тропаря: «Се Жених грядет во полунощи», а после Полтавской битвы

21 декабря 1709 года Петра встречали словами церковного пения, обращенного к Христу в Вербное воскресенье: «Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних, Бог Господь и явися нам...»

Восставших стрельцов пытали и казнили с такой истинно сатанинской жестокостью, что невольно возникали некоторые вопросы... А кто же это с таким упоением, чуть ли не с сатанинским хохотом, истребляет православных, откровенно наслаждаясь их мукой?!

Священников из восставших стрелецких полков вешали на специальной виселице в виде креста, и вешал их палач, одетый священником. Казнь оборачивалась издевкой над самой христианской верой, кощунством, сатанинским хихиканьем.

Петр I основал Всешутейный и Всепьянейший собор, который мог восприниматься только как кощунственное и притом публичное глумление над церковью и церковной службой.

Доходило до удивительных совпадений, о случайности которых я предоставляю судить читателю...

Пришествие Антихриста ожидалось в 1666 году, а когда оно не исполнилось, стали считать 1666 не от рождения Христа, а от его воскресения, то есть в 1699 году. За несколько дней до наступления этого года, 25 августа 1698 года (следует помнить, что год начинался 1 сентября) Петр вернулся из своего заграничного путешествия, и его возвращение сразу же ознаменовалось целой серией кощунственных преобразований: борьба с русской национальной одеждой, с бородами, перенос празднования Нового года на 1 января (как в неправедных западных странах).

Не случайно же именно в это время пошли нелепые, но закономерные слухи — что настоящего Петра за границей немцы подменили, «заклали его в Стеколье (в Стокгольме. — А.Б.) в столб», а вернулся на Русь вовсе не Петр, а немец-подменыш, не человек, нелюдь...

Получалось, что Петр прекрасно вписывался в образ Антихриста и, по сути дела, ничего не имел против этого образа. И правда, неужели Петр не знал, как воспринима-

ются эти его действия? Несомненно, он просто не мог этого не знать.

Многие поступки Петра и не могли восприниматься иначе! Своими поступками Петр провозглашал, что он Антихрист, так же верно, как если бы он это о себе заявлял!

Понимал ли он, у кого, по представлениям его подданных, изо рта и носа исходит дым, когда с дымящейся трубой шествовал по улицам Москвы?

Если бы Петр шел по улицам Москвы и громко кричал: «Я Антихрист!» — и тогда эффект был бы не больше.

Да и сами офицеры, и солдаты — в мундирах иноземного образца, с бритыми физиономиями... Ведь бесов на иконах изображали обритыми и в немецких сюртуках и кафтанах! Так что когда солдаты (да еще под командой немца-офицера) тащили в Преображенский приказ одетого по-русски бородатого старообрядца, на семантическом уровне это могло восприниматься только так: бесы волокут христианина в преисподнюю. Ведь чудовищная жестокость следствия, пытки огнем были повседневной, обыденной практикой. Без особенного напряжения фантазии современники могли представить себе застенки Преображенского приказа своего рода земным филиалом ада, в который бесами ввергаются православные, и за что?! За христианскую веру...

У обритого офицера в немецком мундире, даже предельно лояльного к царю, династии Романовых и к Российской империи, не мог не возникать вопрос: кого же мы защищаем, кому подчиняемся и за кого, за что в бой идем... А сами мы, получается, кто?! Защитник и слуга отечества оказывался, мягко говоря, в довольно сложном и весьма неясном положении.

Многие «нажитки» петровского времени оказались потрясающе живучи: например, на века стало хорошим тоном ругать эту «дикую» Россию и находить в ней самые невероятные недостатки (даже и те, которых нет). Весь петербургский период, весь советский период нашей истории образованный человек естественным образом находился как бы вне России и лишь частично относился к ее народу. То есть против такого положения восставали

много раз, со времен князя Щербатова с его «О повреждении нравов в России», но все, кому не нравились формулы «дворянство и народ», «интеллигенция и народ», от князя Щербатова до писателей-деревенщиков, оставались критикующим меньшинством, а нормой было именно это — осознавать себя «интеллигенцией», существующей вне «народа».

Другие последствия этого «петровского перевертыша» аукались странно, причудливыми соединениями, казалось бы, несоединимого: то пудовыми веригами под кружевами светского вертопраха времен Екатерины, то судорожным покаянием Григория Потемкина сразу же после дичайшего загула, то стремлением часто богухльствовавшего Суворова на старости лет уйти в монастырь.

Если принять гипотезу Успенского — Лотмана, то получается — Петр, строго говоря, не виноват в происшедшем. Реформировать Россию можно было, только перевернув представления общества, поменяв розовый цвет на черный, и наоборот. Объявить черной и гадкой Святую Русь и изменить ее почти до полной неузнаваемости, вскинуть ее на дыбы мог только царь-Антихрист. У Петра достало то ли мужества, то ли наглости, то ли богоборческих стремлений... Одним словом, достало личностных качеств, чтобы стать этим Антихристом в глазах современников и довести дело до конца.

...Но вот как раз в этом месте я позволю себе напомнить: не надо считать сказанное, пусть со ссылками на крупных ученых, некой истиной в последней инстанции! В науке не бывает таких истин.

И более того — при всей логичности сказанного Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским есть множество свидетельств другого... Например, того, что в русской... в московитской, если быть точным, культуре в XVII веке размывались традиционные границы «грешного» и «праведного», возникал устойчивый пласт «нейтрального». Поручкой тому — непрерывно идущие реформы трех поколений Романовых, от Михаила Федоровича до Федора Алексевиича и Софьи.

То есть нет никаких сомнений в верности теории Лотмана — Успенского, и весь вопрос только в том, что ни одна теория не охватывает ВСЕЙ действительности. Весь вопрос в том, описывает ли теория Лотмана и Успенского самое основное в развитии московитской культуры. Могли быть ТОЛЬКО ТАК, как пишут эти два автора, или были возможны другие варианты?

Могла ли постепенно расширяться область НЕЙТРАЛЬНОГО, не святого и не грешного, в московитской культуре?

Если ДА, то приходится признать: хоть наглый мальчишка Петр Алексеевич — невесть какое украшение на троне, но победы в междоусобной борьбе царевна Софья, начини реформы мудрый пожилой Василий Голицын, в главном он поступал бы точно так же (как и вообще любой, кому хватило бы духу начать и воли — довести до конца).

Если же НЕТ — то получается, вполне возможна была ИНАЯ история Московии и все России — без чудовищного рывка, поднятия на дыбы огромной несчастной страны и без Антихриста на троне.

В любом случае, состоялся вот такой вариант, с переворотом и с возглавившим его царем-Антихристом.

АНТИХРИСТ — ОЦЕНКА НАРОДА

Но правы большие ученые или не правы, могла состояться история России без антихристовых деяний или никак не могла, народ дал свою оценку происходящего: Петр оказался единственным российским самодержцем за всю историю России, именем которого никогда не назывались самозванцы. Даже Николай I, Павел I, Николай II — не самые крупные личности и не самые удачные самодержцы — и у тех были «свои» самозванцы — Лже-Павлы и Лже-Николаи. Иногда удается установить личность тех, кто скрывался под именем царя, иногда нет, но, во всяком случае, именами этих царей назывались хитрые бунтовщики. Но не именем царя Петра!

Есть немало историй про Петра, в которых он выступает и мудрым, и остроумным, и сильным, — но это все

литературные анекдоты, салонные светские байки¹. Это творчество верхних образованных 2%. Тех, кто воспитывался на культе Петра, кто мыслил себя и людей своего круга «продолжателями его дела». Основная же часть населения страны, те 98%, на труде которых стояла Российская империя, относилась к Петру резко отрицательно.

Как бы ни относился читатель к «средневековым» и «отсталым» рассуждениям про Антихриста, в одном народная молва удивительно точна: как и полагается сатанинскому существу, Петр до конца не умер после своей физической смерти.

Петр — единственный из русских царей, после смерти окончательно превратившийся в беса.

¹ Петр I. Предания, легенды, сказки и анекдоты. М., 1993; Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. I. М., 1830.

Глава 2

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА

Идет женщина мимо кладбища, очень боится. Впереди показывается длинный, очень тощий человек.

— Можно, я пойду рядом?

— Конечно, пойдем вместе.

— Я так боюсь, так боюсь! А вы совсем не боитесь?!

— Пока жив был, боялся.

Анекдот

«ЖУТИКИ» ПРО ПЕТРА

Наивно думать, что всевозможные «жутики» про общение человека с дьяволом, про искушение и впадение в смертный грех — выдумка того или иного писателя. То есть мы знаем эти истории уже в авторской обработке, и каждая из них тесно связана с именем автора... самого известного, самого талантливого из авторов, писавшего на этот сюжет.

Трудно отделить легенду о Фаусте от бессмертного творения Иоганна Гёте. Спорить не о чем — Гёте создал такой литературный текст, который живет в культуре уже двести лет и проживет по меньшей мере еще столько же. Тут и борьба чувства с долгом, и трагедия человека, в погоне за знаниями опоздавшего прикоснуться к радостям жизни, запоздало пытающегося «свое навестать». Тут и философский спор добра и зла, и проблема самоопределения, и... одним словом, много чего есть в великолепном произведении Гёте.

Но в том-то и дело, что сюжет «Фауста» вовсе не выдуман Гёте. Этот сюжет городского фольклора об ученом, продавшем дьяволу душу, существует в Европе по крайней мере с XVI, а то и с XV века. Другое дело, что сюжет сюжетом, а каждый автор наполняет его своим пониманием. Изначально, в народной легенде, доктор Фауст назидательнейшим образом погибал, связавшись с дьяволом для получения все новых знаний. Мораль: во многия знания много печали; знай свое место, человек, а не будешь знать — будешь наказан.

У Гёте Фауст попадает в рай, вырванный у сатаны вмешавшимися силами добра, и звучит другой, не смиренный, а гордый и мощный мотив:

Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!¹

Но сюжет все равно — народный, а вовсе не Гёте. Что за ним? Не буду доказывать, что и вправду жил такой человек — Фауст (хотя вроде бы есть и этому свидетельства). Но ведь не один и не два ученых XVI, XVII веков испытывали сильнейший соблазн: почувствовав, как ограничены их знания, как мало отпущено силам человеческого разума, прибегнуть к совсем другой силе. Сколько из них не удерживались, раскладывали железный шестиугольник, читали заклинания «Каббалы» — судить не берусь. Также не берусь судить, какие последствия имели их магические действия — у кого и при каких обстоятельствах появлялось нечто в шестиугольнике, у кого нет... Но если легенды — дым, то был ведь, наверное, и огонь — даже если огня было совсем немножко, а дымовая завеса громадна.

Так же точно трудно разделить старый испанский «жутик» про дона Хуана и бессмертные творения Проспера Мериме² и А.С. Пушкина³. Но и за этими литературными

¹ Гёте И. В. Фауст. М., 1953. С. 342.

² Мериме П. Души чистилища // Мериме П. Собр. сочинений в 6 т. Т. 2. М., 1963. С. 68—127.

ми произведениями и за десятками других, менее талантливых и потому менее известных, стоят средневековые испанские легенды, народное предание о человеке, слишком близко подошедшем к грани, разделяющей наш мир и мир зла.

Что в этих легендах и насколько соответствует действительности, трудно сказать. Действительно ли дон Хуан происходил от благочестивых родителей и учился в университете в Саламанке? Был ли в его жизни случай, когда он попросил огня у человека, шедшего по другому берегу реки Эбро, и это существо протянуло через всю реку (примерно 150 метров) вытянувшуюся, как резиновая, руку со своей сигарой? Действительно ли дон Хуан прикурил от сигары дьявола, вежливо поблагодарил его и пошел дальше?

Ручаться за точность такого рода историй трудно, но если есть густая дымовая завеса, если она держится столетия — то, наверное, есть за этой завесой хотя бы маленький язычок живого, красно-желто-синего огня.

Так же точно и с легендами о посмертной жизни Петра I.

Действительно ли в высокую воду, при ветре с залива и в ненастье шатался по берегам Невы (набережной тогда еще не было) высокий человек с дубинкой в руке, с безумно горящими глазами? Действительно ли встретить его можно было и в метель, и в пургу, и тоже на берегах или на тропинках, ведущих через лед Невы? Ручаться за правдивость этих историй я не стал бы, но, во всяком случае, истории эти рассказывались в 1730—1770-е годы, еще до появления Медного всадника. Говорили, что великан зашибает встречных дубинкой, а если кого-то не бьет до смерти, то этим-то хуже всех — встреча с призраком Петра I предвещает несчастье, преждевременную смерть самых близких людей. Если, не дай тебе Бог, столкнулся с Петром, и он не прикоснулся к дубинке, только зыркнул на тебя кроваво-красными бесовскими глазами, то беги изо всех сил домой, беги сразу же,

³ Пушкин А. С. Каменный гость // Пушкин А. С. Собр. сочинений в X т. Т. V. С. 369—410.

торопись, если хочешь успеть проститься с дорогими тебе существами.

В 1782 году в Петербурге появился Медный всадник, и тут же соответствующие истории стали связывать именно с ним. Конечно, «Медный всадник» Александра Сергеевича Пушкина — это авторское литературное произведение, бессмертие которого зависит уже от талантливости автора, а не от свойств народной легенды. Но Пушкин-то опирался именно на легенду!

По крайней мере, с самого начала 1790-х годов известен этот пласт городского фольклора: памятнику Петру приписывали способность срывать с пьедестала и скакать по городу в поисках кровавой жертвы. Происходило это, как нетрудно догадаться, в темные осенние ночи, когда ветер гнал воду из залива в Неву, грозя наводнением, а низкие тучи сеяли дождь и не пускали к Петербургу свет звезд. Страшный всадник, если верить легендам, отправлялся на охоту и в метель и в пургу, когда декабрьский день продолжался считанные часы, а жители Петербурга почти все время жили при свете тогдашних, очень несовершенных фонарей и свечей.

Правда ли это? Неправда ли? Тоже очень трудно сказать, непросто различить блеск огонька за дымовыми пластами. Хотя вообще-то есть и свидетельства тех, кто убегал от чудовищного всадника, слыша за собой «тяжело-медное скаканье по булыжной мостовой», и полицейские документы, посвященные расследованию более чем странных смертей: находили, скажем, в двух шагах от Адмиралтейства трупы, буквально вбитые в землю страшной тяжестью, на которых не было ни одной целой кости.

Ни за что не буду ручаться, несколько не уверен в правдивости всех этих историй — может быть, в Петербурге действовала шайка грабителей, специально «работавшая» под народную легенду? Но именно так начали рассказывать о Петре в первые же годы, десятилетия после его смерти, вот что важно. Пушкин писал свой «ужасник XIX века» по материалам городского фольклора...

а может быть, знал и о существовании кое-каких документов.

В этой истории интересны, конечно, и яркие язычки огня, которые очень уж хорошо просматриваются сквозь дым народных преданий. Очень интересно было бы выяснить, что в них документально, а что не особенно, каким сведениям можно доверять и с чем сталкивались не столь уж отдаленные предки.

Но дело даже и не в подлинности того или иного свидетельства. Народ отвел царю-Антихристу вполне определенное место в легендах. Исключительное место, совсем не похожее на место других царей в народной памяти.

Действительно, в Петербурге упорно говорили и говорят о встречах, по крайней мере, с двумя императорами: с Николаем I, которого видят иногда в сильную метель на Дворцовой площади, с Павлом I, который расхаживает в полнолуния по Инженерному замку. Но оба эти призрака совершенно безвредны! Сохранилось даже свидетельство некоего мещанина, не нашедшего ничего умнее, как спросить у Николая I:

— Вы ли это, ваше царское величество?!

На что получил великолепный, истинно царский ответ:

— Ты что, сам не видишь, дурак?!

Но призрак вовсе не покарал мещанина за недоверчивость, тем более не стал бить его дубиной или топтать коном; рассердился за глупость и за отсутствие фантазии, и только.

Страшные черты вестника смерти, потустороннего убийцы, охотящегося на одиноких путников, молва приписывает именно Петру, и только Петру. Встреча с Николаем I, кстати говоря, в конце XIX века считалась счастливым предзнаменованием: увидел императора Николая — жди повышения по службе. Многим ли повезло — не могу знать, но несколько десятков свидетельств встреч с Николаем существуют. И никаких неприятных последствий!

Действительно ли призрак Петра I встречали Петр III и Павел I? Опять же, ни за что не поручусь, но ведь и в этих

встречах Петр выступает как вестник несчастий, которые должны обрушиться на царствующую династию, носитель всевозможных ужасов. Стоит ли удивляться, что оба императора болели после встречи с дедом и прадедом и оба были убиты заговорщиками? Там, где речь заходит о Петре, ничего другого не следует и ожидать.

Кстати, о памятниках... В Скандинавии рассказывают о потусторонней жизни нескольких памятников, но далеко не все они, эти оживающие памятники, опасны. Свойства памятников тесно связаны с характером того, кому они поставлены. Если швед побеседует с памятником Карлу IX, это совсем даже не плохо. Последний раз такая беседа состоялась, по слухам, всего лет пятнадцать назад, в 1986 году, но сообщил о ней студент, по собственному признанию, не просыхавший третью неделю, и сообщение приходится признать малодостоверным. Но вот что студент после этой истории вышел из запоя и стал учиться значительно лучше — это факт! Так что если и правда они с памятником посидели на камнях возле одной из стокгольмских шхер и покурили одну трубку — парню это совершенно не повредило.

А вот про памятник Густаву-Адольфу рассказывают такое, что не всегда и повернется язык рассказывать к ночи. Приписывается, например, ему склонность к людоедству... И как будто имелись и свидетельства тому, хотя и давние, XVIII века.

Так что и тут Медный всадник встраивается в довольно мрачную закономерность и оказывается в компании столь же опасной, сколь и неприятной.

То есть, говоря попросту, в народном сознании Петр не только при жизни был Антихристом. И после смерти он стал бесом, так же опасным для еще живых православных людей. Только теперь, к счастью, у него нет таких масштабных возможностей творить зло, как при жизни.

Черты чего-то противоестественного, аномального есть даже в самом городе Петербурге, самом по себе.

ЛЕГЕНДЫ, СОЗДАННЫЕ СПЕЦИАЛЬНО

Самая главная из легенд, создаваемая уже при жизни Петра, — это легенда про то, что строили Петербург в ненаселенном, глухом месте, «на берегу пустынных волн». Красивее всех подает эту сказку детский писатель С.П. Алексеев. Сообщив читателям для начала, что «Издавна русские считались хорошими мореходами. Они совершали далекие плавания и торговали с другими народами. Но враги стремились отнять у России выходы к морю...»¹, писатель продолжает прямо-таки эпически: мол, однажды плавали Петр и Меншиков на лодке, там где потом возникнет Петербург, ходили по островам, и Меншиков провалился в болото, еле вытащил ботфорт. «Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она с удивлением смотрела на людей, не улетала.

— Ишь ты! — проговорил Меншиков. — Смелая!

Птица вдруг взмахнула крыльями, взлетела, стала носиться вокруг куста».

Тут бедный Меншиков теряет второй ботфорт, присел надевать, а Петр отходит в сторону, и...

« — Данилыч! — вновь проговорил Петр.

Меншиков насторожился.

— Здесь у моря, — Петр повел рукой, — здесь у моря, — повторил он, — будем строить город.

У Меншикова занесенный ботфорт сам собой выпал из рук.

— Город? — переспросил тот. — Тут, на сих болотах, город?!

— Да, — ответил Петр и зашагал по берегу.

А Меншиков продолжал сидеть на камне и смотрел удивленным, восторженным взглядом на удаляющуюся фигуру Петра.

А по берегу носилась испуганная птица. Она то взмыла вверх, то падала вниз и оглашала своим криком нетронутые берега»².

¹ Алексеев С.П. Небывалое бывает. М., 1980. С. 134.

² Алексеев С.П. Небывалое бывает. М., 1980. С. 188.

Красочное зрелище строительства Петербурга в совершенно пустом и диком месте, в краю непуганых птиц, выглядело бы еще лучше, если бы не существовало совершенно точных сведений — район Петербурга входит в число самых населенных районов Ижорской земли.

По шведскому плану 1676 года, на месте Петербурга и его окрестностей показано 41 поселение разного размера. Одно из них, с финским названием *Usadissa-saari* — на том месте, где сейчас находится Зимний и начинается Дворцовый мост.

В Ниеншанце, самом крупном городе, стоявшем на месте будущего Петербурга, «было много превосходных пильных заводов, и там строились хорошие и красивые корабли; помимо шведского, финского и немецкого прихода, в нем находился и православный с церковью. От Ниеншанца ходил паром на левый берег Невы, к лежащему здесь русскому селению Спасскому». Пыляев приводит слова некоего Миллера: «Не один Любек, но и Амстердам стал с Ниеншанцем торги иметь; водяной путь оттуда до Новгорода весьма к тому способствовал. Помалу и русское купечество в Ниеншанце вошло и привело сие место в такую славу, что в последние годы один тамошний купец, прозванный Фризиус, шведскому королю Карлу XII в начале его войны с Петром Великим мог взаимы давать немалые суммы денег, за что после пожалован был дворянством, и вместо прежнего дано ему прозвание Фризенгейм и учинен судьей в Вилманстранде»¹.

Население деревень и городов в устье Невы составляло при шведах не меньше 6—7 тысяч человек. Всякое строительство на территории Петербурга велось или непосредственно на месте русских и финских деревень (деревни при этом сносились), или в непосредственной близости от них.

Как видно, о птицах, забившихся в истерику от одного вида человека, всерьез говорить как-то не приходится, очередная сказочка, и только. И чересчур хорошо понятно, зачем нужна эта сказочка: приписать Петру очеред-

¹ Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 1889.

ной подвиг Геракла, лишний раз подчеркнуть, что до него не было буквально ничего. Так, «пустое финское болото» с птицами, никогда не видевшими человека.

Интересно, что эту сказочку всерьез воспринимали и современники Петра — например, Феофан Прокопович, а уж они-то очень хорошо знали, что находилось на месте Петербурга до Петра, даже если сами и не брали шведских крепостей и не беседовали с русским населением Ижорской земли. Но и не только современники! Авторы двух классических петербургских стереотипов: про «брега пустынных волн» и про «пустое финское болото» — А.С. Пушкин и Ф.М. Достоевский. Байку про возведение Петербурга на пустом месте повторяют и сейчас, а для населения самого Петербурга эта история служит убедительным доказательством того, что город их особенный, удивительный и что уж в нем-то обязательно должно происходить что-то совершенно необыкновенное.

Но почему эта байка так дорога сердцу россиянина? Причем как в XVIII веке была дорога, так дорога и по сей день? Попробуем ответить на этот вопрос, но чуть позже.

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННЫЙ ГОРОД

Чаще всего города вырастают в центре своей земли, как их сердце, как их воплощение. Так вырос Рим — сердце огромной империи, Париж и Лондон, Стокгольм и Краков. Так выросла и Москва. В таких городах, естественно, возникают «генетические» мифы — мифы про собиранье земель вокруг города, о событиях его роста, происхождения и развития.

Но бывает, что город сознательно возводится не в сердце, а на краю своей земли. Зачем? А для того, чтобы подчеркнуть — монарх претендует на большее, чем имеет! Если город расположен на краю — то получается, император не признает окончательными современные границы страны. Столица должна находиться в центре,

и он строит свою столицу в центре БУДУЩЕГО государства. Уже тем самым объявляется, что реально существующая страна как бы «на самом деле» и не существует, что она — только часть той страны, которой предстоит родиться.

Так, император Константин перенес свою столицу из Рима в город Византий, который стал теперь называться Константинополем. Возник совершенно новый город, лежащий не в центре империи, а на ее краю. Константинополь возводился, чтобы разорвать старые, полуязыческие традиции Рима и новые традиции христианской империи. Уже в его положении была претензия сделать частью империи Персию, другие «пока не христианские» земли, и соседи отлично чувствовали этот вызов.

А кроме того, Константинополь объявлял историю Рима только началом какой-то более важной истории, Римскую империю — только частью какой-то большей по размерам империи. Ему и его сподвижникам мерещился ни много ни мало земной шар, объединенный христианнейшим императором. Не случайно же Константин первым взял в руки новый символ власти — державу, то есть шар, осененный крестом.

Такой же поступок совершил и киевский князь Святослав, когда перенес столицу Руси из Киева в новый городок, Переяславль-на-Дунае. Тем самым он объявлял о намерении создать империю, частью которой будет Киевская Русь, а большую часть которой еще предстоит отвоевать у Византии. Замысел Святослава успехом не увенчался, но увенчаться вполне мог — создавались же варварские королевства на территории бывшей Западной Римской империи. А главное — поступок это принципиально такой же, как и поступок римского императора Константина, и московитского царя Петра I.

В таких городах, расположенных «эксцентрически», на краю своей земли, естественным образом создаются совсем другие мифы: мифы космологические — о творении города, страны и государства. Не о медленном, закономерном росте, но именно о творении. Складываются ми-

фы эсхатологические — о конце мира, мифы демиургические — о творении, совершенном мудрецами и гигантами-демиургами.

Так что независимо ни от чего иного Петербург неизбежно должен был бы порождать эти беспокойные, напряженные мифы, создавать тревожную психологическую обстановку для своих жителей. Так и в Константинополе всегда особенно подчеркивалось противопоставление неосмысленной природы и сотворенного людьми, стихии и человека, коллективной мощи жителей империи, сотворившей город там, где еще десять-двадцать лет назад стояли только нищие рыбацкие деревушки.

Но в том-то и дело, что мифология Петербурга с самого начала не останавливалась на противопоставлении природного и созданного человеком, стихийного и сотворенного. Мифы творения странным образом зацикливаются на личности Петра и странным образом говорят не столько о мощи человека, сколько о мощи тех, кто помогает Петру... А помогает ему, как вы понимаете, вовсе не Господь Бог.

Вот одна очень типичная легенда: мол, Петербург было невозможно построить в таком топком месте, пучина поглотила бы его дом за домом. Построить Петербург можно было только сразу весь, целиком, и строить его можно было только на небе, а потом сразу взять и опустить его весь на землю. А кому по плечу такая задача?! Только Антихристу.

Эта легенда приписывается финнам, но явно только приписывается — ведь вовсе не финны поговаривали об Антихристе, и уж, конечно, кто-кто, а финны прекрасно знали, выдержит ли трясина отдельные дома — ведь построенные на их глазах Ниеншанц с его 2000 жилых домов, лесопильными заводами и церквями, другие города и деревни никуда и не думали проваливаться. Такие легенды приписывались финнам, чтобы придать им древность и происхождение от немного таинственного, «колдовского» народа, жившего в этих местах задолго до русских.

В.Ф. Одоевский передает эту легенду так: «Вокруг него (Петра. — А. Б.) только песок морской, да голые камни, да топь, да болота. Царь собрал своих вейнелейсов¹ и говорит им «постройте мне город, где бы мне жить было можно, пока я корабль построю». И стали строить город, но что положат камень, то всосет болото; много уж камней навалили, скалу на скалу, бревно на бревно, но болото все в себя принимает, и наверху земли одна топь остается. Между тем царь состроил корабль, оглянувшись: смотрит, нет еще города. «Ничего вы не умеете делать», — сказал он своим людям и сим словом стал поднимать скалу за скалой и ковать на воздухе. Так выстроил он целый город и опустил его на землю»².

Одоевский еще делает вид, что это финская легенда, но эту же легенду опубликовали в 1924 году как народную, как часть городского фольклора — и, уж конечно, никак не финского:

«Петербург строил богатырь на пучине. Построил на пучине первый дом своего города — пучина его проглотила. Богатырь строит второй дом — та же судьба. Богатырь не унывает — и третий дом съедает злая пучина. Тогда богатырь задумался, нахмурил свои черные брови, наморщил свой широкий лоб, а в больших черных глазах загорелись злые огоньки. Долго думал богатырь и придумал. Растопырил он свою богатырскую ладонь, построил на ней сразу свой город и опустил на пучину. Съесть целый город пучина не могла, она должна была покориться, и город Петра остался цел».

Естественно, и в самом творении города «на воздусех», и в возведении его «на пучине», и в топи, которая плещется под камнем, есть что-то глубоко неестественное, что-то противоречащее всему природному и нормальному течению событий и обычному положению вещей.

¹ Русские в финском языке называются «венелайнен». Видимо, это слово князь Владимир Одоевский и имел в виду. — А. Б.

² *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000.

Получается — Петербург не просто город, поставленный эксцентрически, но город, созданный колдовским, невероятным способом, и само бытие этого города загадочно и невероятно.

ВЫБОР МЕСТА СТРОИТЕЛЬСТВА

Многие историки, по крайней мере, со времен В.О. Ключевского обращают внимание — мол, само возникновение Петербурга случайно. Город этот возник в тот краткий момент, между 1701 и 1710 годами, когда первые захваты земель на побережье Балтики уже совершились. А будут ли новые — еще совершенно не было известно. В 1703 году у Петра еще могло появиться желание построить новый город на уже отбитых у шведов землях. После 1710 года, когда в его руках были и Ревель, и Рига, никакой необходимости строить такой город уже не было.

Логично! Но ведь и до 1710 года не было никакой необходимости строить Петербург именно на Заячьем или на Васильевском острове. Если Петру необходим был порт на Балтике, почему бы ему не пользоваться уже захваченным Ниеншанцем? Или не ставить новый город в крепком месте, где Нева вытекает из Ладожского озера? Любой из этих вариантов был бы лучше, удобнее выбранного, и напрашивается вывод, что Петр хотел строить новый порт именно там, где он его затеял строить.

Совершенно прав Владимир Осипович Ключевский — если речь идет о необходимости порта на Балтике, то с захватом Ревеля и Риги строить ничего уже было не нужно.

Даже если необходимо было перенести столицу на Балтику, и тогда вполне годились бы и Ревель, и Рига, и Ниеншанц, и Нотебург...

Но нет! Петр откровенно хотел строить новый город. Не просто порт или даже новую столицу, а СВОЙ город. Только свой, город только Петра, и построить его по своему усмотрению. Чтобы никто, кроме него, не имел

бы никакого отношения к возведению этого города. В этот замысел входило и построить его в максимально неудобном, самом трудном для возведения месте. В таком, чтобы трудностей было побольше, и противопоставление природного и созданного человеком — максимально. Город — символ своего могущества. Город — символ своей империи. Город — памятник своему создателю. Город, в котором он сможет жить и после того, как умрет.

Известно, что Петр обожал Петербург, называл его «парадизом», то есть раем, и был к нему совершенно не критичен. Механик Андрей Нартов, знакомый с Петром лично и часто общавшийся с ним, передает, что, когда «по случаю вновь учрежденных в Петербурге ассамблей или съездов между господами похваляемы были в присутствии государя парижское обхождение, обычай и обряды, отвечал он так: «Добро перенимать у французов художества и науки. Сие желал бы я видеть у себя, а впрочем, Париж воняет». Петербург, по-видимому, издавал благоухание...

Пленный швед Ларс Юхан Эренмалъм передает, что «царь так привязался всем сердцем и чувствами к Петербургу, что добровольно и без сильного принуждения вряд ли сможет с ним расстаться». Далее Эренмалъм передает, что царь не раз и не два говорил, целуя крест, что он легче расстанется с половиной своего царства, чем с одним Петербургом.

Впрочем, есть немало и других свидетельств, и русских, и иностранных, в пользу того, что Петр противопоставлял Петербург не только ненавистной Москве, но и вообще всему миру — и Парижу, и Лондону, и Стокгольму, и... словом, всему на свете.

Эта судорожная, не критичная, доходящая до крайности любовь не совсем обычна и для порта, и даже для собственной столицы, но объяснима для своего детища, для города, создаваемого как место для жизни и место последнего упокоения.

ЛЕГЕНДА ИМЕНИ

Современный человек (в том числе и житель Петербурга) редко сомневается — этот город назван в честь Петра I. На самом деле город был назван в честь святого Петра. Град святого Петра имел того же небесного покровителя, что и Рим, — то есть претендовал на такое же значительное положение в мире¹.

При этом герб Петербурга содержал те же мотивы, что и герб Рима (хотя, конечно, и видоизмененные должным образом): перекрещенным ключам в гербе Ватикана соответствуют перекрещенные якоря в гербе Петербурга². Город ассоциировался и с Константинополем, и с Римом, и с Иерусалимом. Чем только не был он в воображении создателей!

Но уже при жизни Петра он в сознании современников (и самого Петра тоже) становился городом Петра I. Уже упоминавшийся Андрей Нартов передает такие слова Петра, который как раз садился в шлюпку, чтобы плыть к своему домику — бревенчатой избе, в три дня построенной для него солдатами: «От малой хижины возрастет город. Где прежде жили рыбаки, тут сооружается столица Петра. Всему время при помощи Божией».

Сказано это было в 1703 году, когда только возводилась Петропавловская крепость, а славное будущее «Санкт-Питеръбурьха» можно было воображать себе решительно каким угодно — поскольку города еще не было.

Тем более к концу XVIII, к XIX веку Петербург становится в массовом сознании «городом Петра», и хотя образованные жители города и империи прекрасно помнят, в честь кого дано первоначальное название, Петербург —

¹ Успенский Б.А., Лотман М.Ю. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. М., 1996. С. 124—141, 128—129.

² Виллинбахов Ю.И. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. XVIII. Ученые записки Тартусского государ. университета. Вып. 664. Тарту, 1984. С. 46—55.

гораздо в большей степени город Петра I, чем святого Петра. «Град Петра вознесся... горделиво», — писал А.С. Пушкин. Какого Петра? Светлого Апостола, ключаря Петра, впускающего в рай достойных, или того Петра, которому приписывается создание Петербурга («Люблю тебя, Петра творенье»...)? Анализируя тексты, очень легко понять, которого из Петров имеет в виду Александр Сергеевич.

А уж на обыденном уровне, для массового и не очень образованного человека, это и не обсуждается.

ГОРОД ИЛИ ГРОБНИЦА?

Получается совершенно удивительная вещь! Какие бы функции ни выполнял Петербург, какие бы роли он ни играл: роль столицы, порта, промышленного центра, центра европеизации остальной России, он играет еще одну роль, выполняет еще одну, совершенно удивительную функцию. Это своего рода колоссальная гробница для его создателя, Петра I.

Город, невероятным образом построенный там, где строить его было совершенно невозможно, а самое главное — совершенно не нужно. Город, само существование которого вызывает изумление, город — вызов стихиям, естественному течению событий и нормальному порядку вещей. Этот город оказывается примерно тем же, чем была Долина Царей, или Город Мертвых, для древних египтян. Разница в том, что Город Мертвых существовал отдельно от города живых, и в нем находили последнее упокоевание не только фараоны, но и множество их приближенных и слуг, вплоть до самых что ни на есть простолюдинов, случайно оказавшихся работниками в доме или в поместье фараона или его приближенных.

А Санкт-Петербург — это самый что ни на есть живой город; город, который живет и развивается и, не говоря ни о чем другом, все меньше походит на военно-феодальный «парадиз», которым хотел видеть его Петр. Но одновременно Петербург — это усыпальница, колоссальная гробница одного человека. По представлениям египтян,

да и других народов Древнего Востока, фараон и должен жить в своей гробнице — жить не в переносном смысле слова, не на правах литературной или культурной метафоры, а в самом буквальном, непосредственном смысле слова. Примерно так, как живет Петр в Петербурге. В конце концов, в египетских источниках есть упоминания боев, которые вели жрецы, охранявшие Город Мертвых, — натуральных боев с применением оружия, с ранеными и убитыми. В среде современных ученых полагается считать, что врагами жрецов были грабители, проникавшие в Город Мертвых, чтобы ограбить усыпальницы фараонов и их вельмож.

Но как раз Петр I, который то охаживает встречных дубиной, то обрушивается на зазевавшихся многотонной массой бронзового коня, позволяет дать и другую трактовку этим очень давним событиям.

Петр же продолжает жить в своей гробнице-Петербурге и по сей день. Если какому-то материалисту покажется неприемлемым мое утверждение — что он живет там как некое материальное существо, то пусть будет так: он живет в Петербурге в массовом сознании, или скорее уж тогда — в массовом подсознании русских людей.

Глава 3

О РЕГУЛЯРНОМ ГОСУДАРСТВЕ

— Вы хотите сказать, что когда ваш предок, майор Ходсон, расстрелял трех братьев, последних Великих Моголов, он действовал в их интересах?!

— В определенной степени, да, — ответил майор.

П. Данинос

Но все-таки — что хотел создать в России Петр I? Что конкретно означает это самое «регулярное государство»? Идея такого государства родилась в Германии в середине XVII века. Это никогда не была идея, овладевшая умами миллионов или хотя бы сотен тысяч людей. Большинство немцев если и слышали о ней, то очень смутно, и вряд ли представляли себе до конца, о чем вообще идет речь. Это касается и владетельных князей, то есть тех, кто стоял у кормила государства и мог бы заинтересоваться — а какие это новые способы управлять людьми придумали философы? Многие из этих владетельных князей и их приближенных наверняка читали сочинения Вульфа и Пуффендорфа, но ни одно из почти 300 германских государств даже не попыталось сделаться «регулярным государством».

Идея «регулярного государства» оставалась чистой воды теоретической идеей, интеллектуальной кабинетной конструкцией, которую если и обсуждали всерьез — то именно как философскую идею, и самое большее — несколько сотен человек на всю Германию, профессора университетов и их студенты.

А сама идея, при близком рассмотрении, оборачивается попыткой применить к жизни общества основные положения механики, представить общественную жизнь в упрощенной до примитивности форме. У гуманистических и позже возникал соблазн перенести на «свои» науки то, что считается в науке «передовым». XVII и XVIII века в Европе — время безусловного господства механики. Многим механика казалась своего рода «правдой жизни», показывающей «настоящие» отношения во всех вообще сферах жизни. Сама Вселенная представлялась как бы исполинскими часами; про «небесную механику» и про «механику сфер» писали и Галилео Галилей, и Николай Коперник.

Ученые и философы Германии — в первую очередь Готфрид Лейбниц и его ученики — Вольф, Пуффендорф, Гроций — представляли и общество, и человека в виде простых, вполне однозначных механических схем, а отношения в обществе и государстве сводили к движениям самых элементарных фигур.

Для Лейбница государство представало как бы огромными часами: «как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы».

Вольф зашел, пожалуй, даже дальше: «Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз картинами, а уши — музыкою, пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзии, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые прилежали добродетели и благочестию».

В обязанности же подданных, по мнению Вольфа, входит «с готовностью и охотно делать то, что власть находит нужным для общего благополучия».

В научной школе «регулярного государственного строя» смешивались две линии: понимание общества и государства как механизма и идея государства, подавляющего собой общество и руководящего абсолютно всем. Как видно из слов Вольфа, даже пением птиц и журчанием воды.

Но еще раз подчеркну — в самой Германии никто особенно не стремился использовать эти замечательные идеи и достигнуть в своем государстве неслыханного блаженства.

Факт остается фактом: Петр боготворил ученых-механицистов; идеи «регулярного государства» вызывали у него совершеннейший восторг. Петр много лет переписывался с Лейбницем, а Вольфа даже позвал возглавить Санкт-Петербургскую де сиянс Академию наук. Характерно, что умный Вольф категорически отказался.

Не менее характерно, что Петр никогда не прочитал ни одного из сочинений Лейбница или Пуффендорфа. Эти сочинения читали многие из Долгоруких и Голицыных, читал Яков Брюс. Брюсу Петр поручал составить для него синопсис — то есть краткое содержание, выдержку из трудов Лейбница. Но у нас нет никаких сведений о том, что все эти лица стремились организовать на Руси «регулярное государство» или проявляли бы особенную страсть к этой теории.

А вот Петр, знавший о «регулярном государстве» из писем Вольфа и Лейбница, да из конспектов Якова Брюса, начал сам, своей волей, перестраивать жизнь Московии на «регулярных началах». В истории известно два государства, построенные согласно теоретическим представлениям: одно из них — это США, организованные согласно идеям Джефферсона¹. Второе — это Российская империя, построенная Петром согласно идеям «регулярного государства» Лейбница. То есть, конечно же, ни США, ни (особенно) Российская империя не были построены от начала до конца согласно теориям — да это и невозможно сделать. Оба эти государства пытались построить по тео-

¹ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.

ретическим представлениям, а получилось совсем не то, что ожидали.

Вот, пожалуй, самый краткий и самый точный диагноз произошедшего при Петре — Петр предпринял попытку построить искусственное общество и государство. Для этого он уничтожил естественное общество, отношения в котором складывались веками. А государство из «комитета по делам общества» он превратил в орудие для внедрения любимой идеи в жизнь.

А МОЖЕТ, ЭТО ВСЕ МАСОНЫ?!

Говорить об этом загадочном явлении крайне трудно ровно по одной причине: потому что масоны решительно ничего не говорят о самих себе. Те, кто берут на себя труд писать о них, подробно расписывают, какова идеология масонов и чего именно они хотят. Мол, масоны стремятся построить общество и государство на основах рационализма, чисто рассудочных идей и представлений, отвергают традиции и исторический опыт государств и народов. Они объединяются для того, чтобы просветить и осчастливить человечество — в меру своего понимания того, что же такое просвещение и счастье. Масоны считают очень важным то, что в СССР называлось «буржуазными ценностями», а теперь, с легкой руки Горбачева, называется чаще всего ценностями «общечеловеческими»: то есть личные права и свободы человека, гласность судов, свобода прессы, ограничение полномочий власти, отказ от пыток и унижения человеческого достоинства, политическая демократия. Для достижения этого они готовы применять ложь, жестокость и насилие, загоняя всех нас в счастье железом и кровью.

В их многотайной организации царит строжайшая иерархия, и каждый масон знает о своей организации ровно то, что положено масону его уровня. По мере продвижения по ступеням масонской карьеры возрастает и компетентность масона. Соответственно, главы масонских организаций могут иметь совсем другие знания и даже другие цели, чем рядовые члены организации.

Самыми главными и самыми тайными намерениями масонов является достижение мирового господства. Эта цель настолько тайная, что скрывается даже от большинства членов масонских организаций, но почему-то прекрасно известна всем, кто «изучает» и критикует масонство.

Вообще-то масоны провозглашают равенство людей разных народов и принимают в свои ложи всех желающих (и тех, кого они сами считают достойными), но можно поспорить, кто именно стоит во главе мирового масонства.

«Существуют два предположения: или масонство есть дело рук Англии, желающей довести до анархии все другие народы, чтобы завладеть мировым могуществом, или оно создано иудеями для достижения той же цели»¹.

Скажу откровенно — мне и самому невероятно интересно, существует ли такое сверхмогущественное общество и действительно ли продолжается уже пять (или пятнадцать?) веков удивительный заговор для достижения мирового господства. Сложность в том, что все эти увлекательные сведения мы имеем только от одной стороны — от тех, кто обличает масонство и поднимает народные массы на борьбу с ужасным орденом. Вот если бы хоть один масон за пять веков проговорился бы...

По мнению многих, масоны появляются в России как раз в эпоху Петра I, и очень многое в его решениях, в особенностях того «регулярного государства», которое он собирался построить, объясняется именно масонским влиянием. Ведь и Лейбниц, и Вульф, и Лефорт, и Яков Брюс — это масоны (против Якова Брюса особенно работает то, что он шотландец — считается, что шотландские ложи самые страшные). Вот, мол, эти люди и «подсунули» Петру I идею «регулярного государства», а тем самым разрушили «добрые нравы» в российском обществе и заложили мину под само историческое бытие России.

Говоря откровенно, я без особого восторга обсуждаю эту идею. Во-первых, потому, что у меня нет серьезных данных, которые позволили бы как отвергнуть раз и на-

¹ Толь С.Д. Ночные братья. М., 2000. С. 247.

всегда идею масонского влияния на Петра (и роль масонов в дальнейшей истории России), так и подтвердить ее. То есть можно бесконечно рассуждать на эту тему, приводя бесконечные подтверждения обоих мнений... И так ни к чему и не прийти, потому что нет у исследователя никаких твердо установленных фактов, есть только «мнения», «суждения» и «оценки».

В науке такие темы называют «спекулятивными»; это темы, которые с одинаковым успехом можно и подтвердить, и опровергнуть. Скажем, не так давно в прессе очень много говорилось о проблеме «космических пришельцев»; ученому эта проблема не представляется очень уж интересной именно потому, что при существующей базе данных ее совершенно невозможно разрешить. В свое время французская Академия наук отказалась рассматривать вопрос о создании «вечного двигателя». Так же и я отказываюсь обсуждать вопрос о масонстве.

Но говорить на эту тему приходится именно потому, что проблема поставлена, и надо, даже отказываясь от дальнейшего разговора на эту тему, хотя бы объяснить — почему отказываешься.

Моим собственным вкладом в проблему будет, в первую очередь, вот эта позиция «мудрого невежества» — я не знаю, какую роль в истории России сыграли масоны. Пока мне не предъявят доказательных серьезных документов, обсуждать этого не буду.

Позволю еще заметить, что масонскую тему чересчур часто и очень уж прямолинейно используют для примитивнейшего самооправдания. Если действительно масонские организации подсунили Петру сначала Лефорту, чтобы тот спойл и развратил царя, а потом руками Якова Брюса дали ему идею других масонов, Пуффендорфа и Лейбница, идею «регулярного государства», то получается — они и несут ответственность за все, что произошло. Это все их происки: развал экономики, кризис государственности, массовое бегство в разбойники, раскол народа на две нации.

На это я отвечу коротко и ясно: НЕТ! Представим себе, что все было так, как пишут обличители масонства. То есть Петра действительно спойли, развратили, обманули

призраком «регулярного государства», поманили, как осла морковкой. Но и в этом случае я не вижу никаких причин снимать ответственность и с него, и со всей верхушки русского общества 1689 года, и со всего населения Московии.

Его спаивали, развращали? А он почему спивался и каким местом думал, развращаясь?

Его навязали России? А каким местом думала Россия, позволяя навязывать себе недееспособного царя?

Масоны руками Петра и его приближенных разрушали русское общество? Почему русское общество позволяло себя разрушать?

В таких парах утверждений сказывается очень разное видение людей и ситуаций. Если одним хочется любой ценой переложить ответственность с себя на кого-то (если на анонимных, но сказочно могущественных масонов — то совсем хорошо), то другие вовсе не испытывают от этого положительные эмоции. И в любой ситуации стараются найти не «виновника» каких-то скверных событий, а причину. Действительно, почему предки поступали именно так, а не иначе?

И еще на одно очень любопытное обстоятельство я бы хотел обратить внимание читателя. Дело в том, что и все советское общество, и некоторые из его подсистем устроены по тем самым принципам, которые приписываются масонам.

Действительно, в СССР существовала четкая связь между знаниями человека, его образованностью и общественным статусом. Молодая поросль номенклатуры хотела быть как минимум кандидатами наук, и всевозможные «академии марксизма-ленинизма» давали им облегченный, удобный способ достичь этого. Хотя бы теоретически увеличение знаний давало и выход на новые ступени социальной карьеры. И наоборот — проникнувшем на каждую новую ступеньку позволялось узнать то, что напрочь запрещалось знать на более низких ступеньках. За чтение Солженицына «простой инженер» вполне мог получить тюремный срок. А сотрудник любого обкома мог свободно читать Солженицына, но вот знать, от кого родился Ленин, ему уже не полага-

лось. Это полагалось знать сотруднику Идеологического отдела ЦК, не меньше.

Это идет речь о советском обществе в целом. А была в нем подсистема, созданная совершенно по масонским рецептам — по крайней мере, по тем рецептам, которые называют масонскими враги масонов и борцы с ними. И что характерно — эта подсистема создана действительно Петром!

Я имею в виду, конечно же, Академию наук.

Указ Петра от 28 января 1724 года создавал новое ВЕДОМСТВО, имеющее свой штат чиновников. Чиновником академии можно было стать, получив соответствующее образование и имея ученую степень. То есть все ученые, совершенно как масоны в их ложах, разделены на несколько формальных степеней: младшие лаборанты, лаборанты, старшие лаборанты, младшие научные сотрудники, научные сотрудники, старшие научные сотрудники, главные научные сотрудники, ведущие научные сотрудники. К этому добавляется разделение на «не остепененных» ученых, на кандидатов наук и докторов наук, которые бывают к тому же доцентами и профессорами, а в «поднебесье» системы есть еще члены-корреспонденты и действительные члены Академии наук.

Система громоздкая, сложная и хотя бы теоретически, но выведенная все на тот же принцип — чем больше знаний, тем выше ранг в системе. И ведь никто не мешает получать как можно больше знаний (опять же, хотя бы теоретически), а с их приобретением и повышать свой статус. А система — в точности как масонские сообщества — следит за поведением своих членов и продвигает достойных, с точки зрения масонов, ученых на более высокие уровни посвящения.

Роль же Академии наук в системе советского общества — тоже вполне в духе масонов: роль тех, кто собирает сведения о самых различных сторонах действительности, а затем или разрабатывает какие-то грандиозные проекты (план сталинского изменения природы, план переброски стока северных рек в Среднюю Азию, план создания письменности у бесписьменных народов и так далее), или

консультирует государственные учреждения. Впрочем, и сверхпроекты исполняет не Академия наук, при необходимости всегда можно снять с себя ответственность, сказав, что проект осуществлялся неправильно.

Сходство советского общества, и особенно его интеллектуальных институтов, с тем, что приписывается масонам, совершенно поразительно, и объяснений этому может быть ровно два.

1. Масоны создали многие учреждения в Российской империи, в том числе Академию наук. А потом, когда они захватили власть во всей Российской империи, они организовали общество по традициям своих лож.

2. Советские интеллигенты, в огромном числе сотрудники Академии наук, попросту перенесли на таинственного противника свои представления об оптимальной общественной системе: строго иерархичной, закрытой для непосвященных, действующей строго подкованными методами.

Человеку, воспитанному в советском обществе, очень трудно представить себе, что гражданское западное общество очень эффективно; он с трудом понимает психологию людей этого общества, мотивы их поступков. Но он очень легко понимает действия закрытой бюрократической системы, в основе рангов которой лежит владение той или иной информацией. Не случайно на закате СССР такими огромными тиражами разошелся «Крестный отец» М. Пьюзо: законы жизни мафии и поведение мафиози очень хорошо понятны советскому человеку.

Может быть, представления о масонских обществах, этой интеллектуальной сверхмафии, тоже сконструированы на основе собственной психологии?

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ К ПРЫЖКУ В УТОПИЮ

Очень часто высказывается убеждение (нередко — тоном обвинения) в том, что Петра сознательно «научили» каким-то нехорошим, вредным и опасным идеям. Вот, говорят, чуть ли не с торжеством убежденные «патриоты» — вот, Петр заимствовал чуждые России за-

падные идеи, и потому все стало так плохо и печально. Вот, мол, в чем причина чудовищного роста бюрократии, сокращения населения, диких вывертов в культуре — вот она, первопричина — «механически заимствованные на Западе модные идейки»¹.

Откровенно говоря, мне кажется странной это выяснение «кто виноват» — тот, кто создал утопическую идею, или тот, кто добровольно прыгнул в утопию.

Насколько мне известно, ни Пuffендорф, ни Лейбниц не навязывали Московии своих идей — ни силой оружия, ни силой банковских займов.

И тут я вынужден в третий раз напомнить — в самой Германии идеи Лейбница вовсе не были руководством к действию. То есть сам Лейбниц вызывал огромное уважение в обществе; это вообще одна из самых симпатичных и привлекательных черт немецкой культуры — последовательное уважение к ученым людям, почитание умников, высокий общественный статус профессуры. Но тут позиция была какой? Вот ты написал еще одну ученую книгу и в ней что-то интересное доказываешь? Молодец! Как приятно иметь дело с ученым и активным человеком! Мы охотно издадим эту книгу, обсудим ее и высоко оценим твой интеллект и талант. Мы посадим тебя на почетное место за обедом у герцога или короля, мы будем тебя дружно уважать, мы позволим прочитать еще один курс студентам и заплатим неплохие деньги. Но вот начать переделывать жизнь так, как это написано в твоей книжке? Гм... Лучше уж ты посиди еще в своем кабинете, почитай лекции и подумай — может, напишешь что-нибудь не менее интересное.

Германия вовсе не стремилась прыгнуть в утопию... по крайней мере, в XVII веке. Дело тут не в каком-то природном совершенстве немцев; настанет день, и Германия ухватится за утопию расовой теории — утопию еще более дикую и отвратительную, чем утопия «регулярного государства». Но тогда — время не пришло, потому что общества кидаются в утопии не из-за качества самих утопий, а в силу совершенно иных причин.

¹ Бушков А.А. Россия, которой не было. М., 1997. С. 399.

Ведь и «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы опубликован еще в 1623 году, но ни в его родной Италии, ни в других странах Европы никто и не подумал упразднить частную собственность и семью, строить «общество будущего». Все пожали плечами, и только.

Так же и Фурье в XIX веке писал всем королям, премьер-министрам и богатым людям в Европе, все рассказывал, как им необходимо отказаться от государства, частной собственности и семьи и начать жить общинами-фаланстерами. Но, насколько мне известно, ни от одного из своих адресатов он не получил ответа — никого не интересовали бредни полусумасшедшего болтуна.

Общество востребует утопии и пытается перестраивать по ним жизнь только в одном случае: если быстрое развитие угрожает такими же быстрыми, необратимыми изменениями.

Утопии нужны тому, кто хочет взять технический уровень европейской цивилизации, передовых стран, но не хочет, чтобы в его стране установился бы такой же тип общества. Тому, кто хочет иметь такие же вещи, как европейцы, жить так же богато, но не хочет жить так же свободно.

Можно сказать и еще более жестко: попытки внедрить в жизнь утопии порождаются страхом свободы. Не случайно же создаются утопии, как правило, в самых развитых странах, но осуществляются не в центре, а на периферии Европы: в тех самых странах, жителям которых быстрое промышленное и культурное развитие угрожает потерей привычного образа жизни.

Но есть тут одна странная, не очень понятная мне самому закономерность: опыт истории показывает, что славянские народы особенно предрасположены к прыжку в утопию. Судите сами! Ни на острове Корсика, ни на Сицилии никакие такие утопии никогда не осуществлялись. В Испании в 1920 годы попытки осуществить то ли коммунистическую, то ли анархистскую утопию производились. Но разразившуюся гражданскую войну 1936—1939 годов испанцы выиграли — не отдали свою страну любителям утопий для постановки их экспериментов.

А вот в любой из славянских стран, за счастливым исключением Польши, хотя бы однажды да были попытки строить утопии! Даже такая «положительная», часто воспринимаемая как скучная в этой положительности страна, как Чехия, и та в утопию прыгала. Это сейчас Чехия — страна мещанская и буржуазная, органически не способная к рывкам, риску и напряжениям. А вот в XV веке Чехия очень даже «прыгнула» — да так «прыгнула», что чуть вообще не погибла.

А ведь Чехия начала развиваться как типичная страна в центре Европы, и особых отличий в ее общественном строе и экономике от германских земель вовсе не было. Даже больше того — уровень производства в Чехии был выше, чем в большинстве германских земель, и Богемия¹ была богаче, культурнее, цивилизованнее многих германских княжеств.

Долгое время страной правила династия Пржемысловичей, происходивших, по легенде, от крестьянина-землепашца из деревни Стадице, Пржемысла. В IX—XI веках Пржемысловичи были князьями, с XII до XIV века — наследственными королями, которые очень часто присоединяли к своим славянским владениям и германские. Некоторое время Чехии платила дань даже такая обширная и культурная немецкая страна, как Бавария. Ведь Чехия была одной из самых богатых и сильных стран в Центральной Европе.

В 1306 году династия Пржемысловичей пресеклась, и с 1310 года чешские земли стали частью владений герцогов Люксембургов. И не просто «частью», а самыми богатыми и ценными владениями, опираясь на которые, герцоги Люксембурги стали императорами «Священной Римской империи».

Карл I, наместник Чехии и Моравии, король Чехии с 1333 года, в 1346—1378 годах стал императором «Священной Римской империи» под именем Карла V.

При нем за чешскими королями были закреплены права курфюрстов — то есть тех князей, которые имеют

¹ Слово происходит от имени кельтского племени бойев. По-латыни страна бойев называлась Bohemia, откуда и наше Богемия, и немецкое Bohmen. — А. Б.

право выбирать императора «Священной Римской империи».

Курфюрстов было очень немного — епископы Трирский, Майнцский и Кёльнский, светские князья Саксонии, Бранденбурга, Пфальца и король Чехии. Как видите, Чехия признается одной из самых значительных стран всего германского мира. А король Чехии оказывается едва ли не самым главным из курфюрстов — уже потому, что он король и как бы выше князей и герцогов.

При Карле I основано Пражское архиепископство (1344), Пражский (Карлов) университет (1348), так что, как видите, герцоги Люксембурги вовсе не были временщиками, стремящимися только выжать из Чехии побольше. Они намеревались править долго, устраивались на века, старались поднимать страну, развивать ее и цивилизовывать еще больше.

Чехия шла впереди всей Европы по уровню горных разработок, по целому ряду производств. Цветной хрусталь до сих пор называется «богемским стеклом». Чешские города были богаче и лучше организованы, чем большинство немецких. Чешские короли вполне реально могли стать наследственными императорами «Священной Римской империи» — к этому шло.

...И все это пресечено явлением, которое в советской историографии называлось очень красиво: «Гуситское революционное движение». По словам советского справочника, «Причинами Г.р.д. были усиление феод. эксплуатации чеш. крестьянства со стороны светских и духовных феодалов... коррупция католической церкви, вызывавшей всеобщую ненависть своим богатством и развращенностью клира, все возраставшее немецкое засилье... тяжелое положение городской бедноты (плебса)»¹.

Для самих гуситов важнее всего были религиозные вопросы. Во многом они на столетие, даже на полтора столетия раньше, чем во всей остальной Европе, поставили вопросы, которые породят Реформацию. Но Реформация

¹ Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 7. М., 1972. Статья «Гуситское революционное движение». С. 463.

как общеевропейский процесс началась с 1517 года, когда Мартин Лютер кинжалом прибил к дверям церкви свой список из 99 вопросов к папе римскому. А в Чехии Ян Гус сожжен как еретик примерно за то же самое — но в 1415 году, на сто лет раньше.

Как и все протестанты, гуситы считали, что все люди имеют право быть священниками, и отрицали привилегии католической церкви. Они считали, что и миряне имеют право вести церковные службы и причащаться «под обоими видами» — то есть причащаться и хлебом, и вином, что считалось привилегией католического духовенства (миряне причащались только хлебом).

С самого начала в гуситском движении было два крыла. Одних называли чашниками — потому что для них важнее всего было причащаться вином, как католические священники. Вместе с тем чашники хотели еще и реформировать церковь, выбирать священников общиной, считали, что священники должны жениться и жить так же, как миряне. Такую же реформу церкви провел тот же Мартин Лютер — через сто лет. Кроме того, чашники хотели секуляризации церковных земель — то есть, говоря попросту, хотели отнять у церкви ее земли и то ли выставить на торги, то ли попросту разделить между собой.

Другое крыло гуситов называлось таборитами. Так называли они себя сами: «община таборская», то есть города Табора. Общины в Праге и в Пльзене поддерживали чашников, а не таборитов.

Табориты считали, что конец света наступит совсем скоро, вот-вот, и что перед концом света необходимо создать царство социальной справедливости. А как его создать? Способ только один — вести войну со всеми, кто не согласен с таборитами. Там, где табориты уже победили, необходимо ликвидировать частную собственность, отменить все феодальные привилегии и различия (даже те, которые люди хотели бы сохранить; например, гильдии ремесленников, принадлежностью к которым горожане гордились). Некоторые табориты хотели отменить и «собственность на женщин», то есть брак. В общем, классика — «все поделить», а то тут один в семи комнатах, а табориты, понимаете, в помойках пропитание ищут.

Как и у всех ранних протестантов, земная жизнь объявлялась юдолью скорби, и гуситы умели организовать ее так, чтобы идеология не очень расходилась с делом. Запрещались яркие одежды, танцы, веселье, развлечения, ухаживания молодых людей за девушками, светская музыка, украшения — все это объявлялось проявлением неправедности и греховности. У таборитов даже было правило, по которому праведный человек имел право убить неправедного и греховного, если тот не отступал от греха. При этом какую именно одежду считать яркой, а что именно — развлечением, определял, конечно же, «праведный» человек.

Убийства «неправедных» «праведными» у чашников не практиковались, но и они активно боролись с греховностью этого мира и, спасая от адского пламени прихожан, легко превращали в ад их жизнь уже сейчас, на земле.

Кроме этих двух шаек... то есть в смысле, двух партий революционеров, в Чехии осталось немало и вполне порядочных людей. Если они и имели претензии к католической церкви, то не были уверены, что предъявлять их — время подходящее.

Вождем католиков стал наследник чешского престола, император Сигизмунд I. Папа римский и император Сигизмунд I объявили крестовый поход. Ян Жижка и Прокоп разбили наголову крестоносцев. Папа и император опять созвали крестовый поход... Между 1417 и 1434 годами было в общей сложности пять крестовых походов. Известно, что погибло свыше 30 тысяч крестоносцев, от «опоясанного рыцаря» до оруженосца. Сколько именно людей крестоносцы убили в боях, сожгли живыми за «неправильную» веру, увели в плен, искалечили и серьезно ранили, история умалчивает. Что некоторые города запустели и в Пльзени, например, осталось в лучшем случае 10% прежнего населения — это мы знаем.

Табориты не только резали чашников и католиков — это они делали и до первого крестового похода и вовсе не в ответ на действия тех или других. Убивать всех, кто не разделяет их представлений о мире, казалось им необычайно важным.

Табориты тоже организовывали походы в другие страны — своего рода ответные крестовые походы. Они называли их «прекрасными походами». Войска таборитов провели ряд «прекрасных походов» в Силезию, Баварию, Верхнюю Франконию, Восточную Словакию и к Балтийскому морю.

Проповедники таборитов доходили до Пскова и Витебска, везде пытаясь поднять народ на восстание, но нигде особенно не преуспели.

В СССР официально считалось, что гуситские войны — это такая форма классово-борьбы. Мол, за таборитами пошел городской плебс и беднейшее крестьянство, за чашниками — богатые крестьяне, бедные дворяне, часть ремесленников. Ну а католиками и сторонниками императора остались дворяне побогаче, купцы и немецкая часть горожан. Так сказать, немецкие переселенцы. Схема эта четкая, как параграфы Устава, и прямая, как спецсредство полицейского; использовать эту схему, что называется, одно удовольствие. Только вот беда — бедные крестьяне во многих деревнях поддерживали католиков, а богатый купец Вальтер Ланг (явный немец) организовывал Яну Жижке новый способ ведения войны. (Примерно как Яков Брюс организовывал артиллерию для Петра.) Этот способ ведения боевых действий почему-то упорно приписывают самому Жижке, и немецкие историки глубокомысленно рассуждают о том, как в тактике диких славян прорвались монгольские степные методы ведения войны. Это и правда напоминает, на первый взгляд, нечто степное — поставленные в круг, связанные между собой повозки, из круга которых ведут огонь воины Жижки. Только вот связанные между собой повозки, поставленные кругом, «почему-то» назывались немецким словом «вагенбург», то есть «крепость из повозок», а придумал его сподвижник Чингисхана и явный монгол Вальтер Ланг...

О чем не любят вспоминать ни чехи, ни немцы. Чехи — потому что не хотят пятнать светлый образ национального, чисто народно-чешского героя Яна Жижки. Немцы потому, что как-то ведь неловко обнаруживать своего сородича в этом жутком притоне с обобщественными

женами. Тем более после претензий — мы, мол, несли цивилизацию славянам, а они, монголы проклятые, отбивались из вагенбур... то есть из монгольских повозок.

И такого рода историй можно рассказывать много...

Реально эта была вовсе не классовая борьба, а нечто несравненно более сложное — каждая партия пыталась навязать всей Чехии свое понимание мира, свой образ жизни, свои представления. Это был конфликт людей одного народа и языка, но разных культур... Тех, кто прыгнул в утопию с головой; тех, кто сиганул было в утопию, но погружаться до конца не хотел; и тех, кто вообще не хотел никаких утопий.

Это была бескомпромиссная, очень жестокая война, и в ее огне за двадцать лет сгорели до 20% населения Чехии, налаженная инфраструктура, международные связи, колоссальные материальные ценности. Из богатейшей страны в центре Европы, страны, которая вполне могла стать одной из центральных земель «Священной Римской империи», Чехия превратилась в своего рода черную дыру. В этой дыре бесследно пропадали целые армии, а из нее вырывались чудовищные «прекрасные походы», то есть орды диких, патологически жестоких и страшно голодных таборитов.

Потери были настолько неприемлемы, что чашники уже хотели прекращения войны любой ценой. По их инициативе в Базеле собрали церковный собор — может, удастся договориться? Тем более в 1424 году Ян Жижка помер от чумы (католики служили благодарственные молебны) и его бывшие соратники, как они сами называли себя, «сироты», несколько приуныли — они-то искренне считали Яна Жижку бессмертным существом.

Надежды договориться не оправдались — на Базельском церковном соборе табориты во главе с Прокопом Великим сорвали переговоры и ушли, клеймя еретиков — то есть все остальное человечество, кроме себя.

И тогда чашники объединились с католиками — лишь бы избавиться от таборитов! 30 мая 1434 года произошло важнейшее для Чехии событие: решающее поражение таборитов от рук чашников и католиков при Липанах. Правда, еще один таборитский разбойник, Ян Рогач

из Дубы, воевал до 1437 года, когда взята была их последняя крепость Сион, но все уже было ясно.

В разоренной, покрытой пепелищами Чехии, на развалинах городов, одичалые собаки грызли человеческие кости там, где еще недавно счастливо жили тысячи семей. Совы перекликались в когда-то благоустроенных входах в подземные рудники. Жирные волки среди белого дня выходили на дорогу, оценивающе поглядывали на шатающихся от голода людей. Богатство страны оказалось полностью расточено, ее международная репутация и значение для всеевропейского производства безнадежно погибли. Теперь у чешской молодежи было несравненно меньше возможностей учиться, накапливать богатства, устраивать свою жизнь на уровне лучших стандартов XV века... Несравненно меньше, чем у их дедов и отцов.

Зато чашники были у власти! Зато они могли причащаться «под обоими видами»! Разграбить церковную собственность им не дал император Сигизмунд I, пообещав новый крестовый поход, а со свободой проповеди получилось совсем «весело» — сами же чашники запретили свободу проповеди. В смысле, они запретили проповедовать все, что они сами считали неправильным: и католицизм, и представления таборитов.

Стоили ли эти убогие «завоевания» такого количества трупов, таких чудовищных разрушений — надо спросить Яна Жижку, Яна Рогача, Прокопа Великого и прочих «великих революционеров». Мне, с моим воробьиным профессорским умишком, не постичь величия идеологии революционеров и прочих «великих преобразователей общества».

Но и тогда Чехия еще хоть как-то, но существовала!

Чашники выдвинули своего короля, Йиржи Подебрада (сидел на престоле в 1458—1471 годах). Он пытался сохранить учение чашников, пытался восстановить международный авторитет Чехии: например, выдвигал идею объединения королей всей Европы для борьбы с Турцией. Успеха его идея не имела никакого — тем более стояла за ним не передовая и богатая, а нищая и дикая Чехия. А кто же берет в лидеры нищие, дикие страны, которые сами с собой разобратся не в состоянии?!

После него Чехия выбирала королей из польской династии Ягеллонов, и, наконец, избрали в короли австрийского эрцгерцога Фердинанда I Габсбурга. С этого времени, с 1526 года, Чехия фактически стала частью империи Габсбургов.

Если «Священная Римская империя» считалась наследницей Римской империи, сердцем германского мира, принявшего эстафету, то восточная империя — Österreich, Австрия, в германском мире считалась эдакой второстепенной империей. Чем-то возникшим на диковинном востоке.

И получается, что результат Гуситских войн еще и таков — из числа лидеров «Священной Римской империи» Чехия угодила в вассалы Австрийской империи...

Но и это еще не конец! Немецкое засилье оскорбляло чехов, католицизм не признавался вчерашними чашниками, и разразился новый прыжок в утопию — Чешское восстание 1618—1620 годов. Парадокс — но своим самоубийством Чехия сыграла важную международную роль! Чешское восстание стало сигналом к международному конфликту, переросшему в Тридцатилетнюю войну между католиками и протестантами — в масштабах уже всей Европы...

Но Чехии от этого не легче — 8 ноября 1620 года восставшие были наголову разгромлены войсками Габсбургов у Белой горы.

До битвы на Белой горе в Чехии все же был свой король и не проводилась планомерная политика окатоличивания и онемечивания. Теперь у Чехии своего короля нет, а политика онемечивания проводилась Габсбургами с позиции силы вплоть до падения Австро-Венгерской империи в 1918 году...

После Белой горы наступает период, который сами чешские историки называют поэтично — «период тьмы»; период, когда Чехия вообще чуть не оказалась полностью онемечена и едва не ушла в историческое небытие.

Так что повторю: у славян есть очень странная и даже пугающая предрасположенность к попыткам осуществить утопии разного рода.

Конечно, аналогия моя не полна, ситуация Чехии XV века и Московии XVII—XVIII веков не тождественна. Даже если славяне склонны «прыгать в утопию» больше остальных народов, если Гуситские войны в Чехии открывают список таких случаев, все равно в Московии происходит что-то совсем не то... Уже потому, что в Московии «прыгает в утопию» вовсе не все общество, а по существу дела, один человек — московитский царь. Если даже он тут самый главный — то все равно же он один!

Именно у царя, вовсе не у всего народа, возникает проблема, которая делает привлекательной утопию. Действительно, быстрое развитие Московии в XVII веке заставляет царя и его придворных (пока в основном царя!) задумываться: ведь все больше и больше людей становятся независимы от воли царя. И тут царь узнает о такой великолепной, такой удобной для него утопии, о «регулярном государстве»! Можно и даже нужно перенимать у европейцев как можно больше, но если принять идеи Пуффендорфа и Лейбница — то вовсе не нужно жить так же, как в Европе! В Европе, если верить Вольфу, живут как раз «неправильно», и подданным нельзя давать много свободы. Наоборот, нужно брать у европейцев их технические достижения, но строить-то нужно «правильное», «регулярное государство» и подданных при этом не отпускать, а наоборот, зажимать еще круче, чем это было при Иване IV. Иначе никак нельзя, иначе государство получится очень уж «нерегулярное»!

И «прыжок в утопию» выглядит так — один человек «прыгает» и увлекает за собой остальные 14 миллионов. Как же так?! Почему в Московии такое возможно, а в той же Чехии — совершенно невозможно?

Как же так получилось, что соблазн утопии для одного обернулся историческим тупиком для миллионов людей?

Глава 4

ДВА СЛОВА ПРО «ЗАЩИТУ ОТ ДУРАКА»

Если вы нарушите данную инструкцию, завод-изготовитель не несет ответственности за последствия...

Инструкция к стиральной машине

Не сомневаюсь, что поверивший мне читатель, убежденный собранным в книжке материалом, готов обрушить на Петра самые гневные слова. Но, в конце концов, Петр очень мало виноват в том, что он натворил. Трудно обвинять человека в том, что он — это он. Ну не подготовленный к правлению... Но его вынудили, чуть ли не заставили быть царем. Ну невежественный, грубый, дикий, сумасшедший... Но если так, если царь заслуживает всех этих названий — так что же вы ему все подчиняетесь?! Почему царь-маньяк так смертельно опасен для России?! И правда — какой странный «прыжок в утопию», когда страна послушно прыгает за своим царем!

В конце концов, сидел же на престоле Великобритании откровенно ненормальный король Георг III... И государство не развалилось.

Георг III из Ганноверской династии правил без малого шестьдесят лет... и каких лет! Он сидел на престоле с 1760 по 1820 год — как раз в эпоху войн в Америке, открытий Джеймса Кука в Тихом океане, развития плантационного хозяйства на островах Карибского архипелага; освоения Южной Африки, войны с маратхами и раджпутами в Индии, колонизации Австралии и Новой Зеландии, наконец, всех наполеоновских войн... И это только ос-

новные, только самые важные из событий, которые произошли в Британии и в ее колониях за эти судьбоносные шестьдесят лет!

Американские колонии освобождались от власти Британской империи, а Канада, наоборот, из французской колонии стала колонией британской. Британия утверждалась на крайней оконечности Африки, и жившие там голландские переселенцы-буры стали постепенно переселяться в глубь материка, подальше от британских военных, моряков и чиновников.

В те же годы так называемых каторжников начали ссылать в Австралию и тем самым положили начало освоению хотя бы юга этого самого маленького из континентов. «Так называемые» — потому что, по тогдашним британским законам, смертная казнь полагалась по 69 статьям уголовного кодекса, в том числе за кражу любой собственности стоимостью больше 6 пенсов, и за действия, которые мы сейчас назвали бы «мелким хулиганством», а тогдашний британский закон называл иногда «угрозой общественному спокойствию». Само представление о том, кто такой «преступник» и «уголовник», весьма своеобразно в государстве, где 20-летнего парня могут приговорить к смертной казни за то, что он украл овцу (стоимостью в шиллинг, то есть в 12 пенсов), чтобы сварить бульону умирающему отцу; где девушку 16 лет, дочь боевого офицера, погибшего в Индии, публично секут плетью и приговаривают к 25 годам каторги и пожизненной ссылке в Австралию. Большая часть этих «каторжников» не в большей степени уголовные типы, чем все остальное население страны, и если даже виноваты в чем-то, то в совершеннейшей малости.

Парень не взошел на эшафот только потому, что его отправили в Австралию (его отец тем временем умер, так и не поев перед смертью горячего).

А его будущая жена, совсем молоденькая девушка, офицерская дочь, попадает на том, что вместе с двумя подружками украла у богатой старухи шаль стоимостью в 10 пенсов. Девушки умоляют судей снизить к ним: всем трем, дочерям вполне почтенных, но умерших родителей, стало буквально нечего есть. Они не могли най-

ти никакую работу и несколько дней до «преступления» слонялись по улицам без кола и двора, не имея и куска хлеба. «Порядочные девушки работают! — обрывают их присяжные, и их вердикт звучит: — Виновны по всем пунктам!» Судья буквально набрасывается на девушек, стучит на них кулаком и ведет себя так, словно к нему привели самых страшных рецидивистов со всей Англии, а не перепуганных голодных девчушек. Единственное, о чем спорят судья и присяжные: украли они на десять пенсов и подлежат смертной казни! Но, с другой стороны, их трое... Значит, каждая украла всего на три и три десятых пенса, так? Значит, надо не казнить, надо избрать другое наказание. Только эта формальная логика, а вовсе не объяснение их обстоятельств спасает девушкам жизнь.

Впрочем, в книге датского историка Фальк-Рёнке¹ описано много не менее ужасных историй.

В Австралии с такими «каторжниками» и с плодами их рук происходит примерно то же, что с раскольниками — в Сибири. То самое «чудо», описанное Некрасовым: «Землю да волю им дали...» Почвы в Австралии оказались плодородны, травы как нельзя лучше подходили для овец и коров, а в благодатном климате даже настоящие каторжники становились добрее и умнее.

Все эти и множество других, не менее увлекательных историй, происходят в те самые шестьдесят лет, когда Великобританией «правит» Георг III. Он и в молодости-то не очень умен, этот Георг, даже, пожалуй, странноват... Мало прочих странностей, в годы его правления в королевском дворце начали справлять «черную мессу», вполне серьезно поклоняясь дьяволу. Есть серьезные причины считать, что приносились даже и человеческие жертвоприношения, но это пока не доказано. А вот то, что и Георг III, и его сын и наследник, Георг IV, при многих свидетелях клялись именем Сатаны и издевались над церковными обрядами — это факт.

Под конец же своих дней король Великобритании Георг III окончательно выжил из ума. В 1811 году в связи

¹ Фальк-Рёнке А. Где ты, рай? М., 1989.

с умопомешательством короля было назначено регентство принца Уэльского — с 1820-го короля Георга IV, но и в 1809—1820 годах сумасшедший король сидел себе и сидел на троне.

Где-то плавал по морям, вез ростки хлебного дерева капитан Блай, а капитан Кук открывал остров за островом, находя для британцев десятки мест, где можно основать колонии. На острове Питкэрн доживали последние бунтовщики, сверстники короля, а как раз в 1809 году было открыто место, куда они сумели спрятаться. Но сам-то король, глава Британской империи, над которой никогда не заходит солнце, он-то не имел к этому ни малейшего отношения. Порой он и сам даже не очень понимал, что вообще происходит вокруг и кто он такой.

С именем короля шли в бой британские солдаты, штурмуя позиции тезки короля, Георга Вашингтона, и странно звучал их клич «Да здравствует Георг!» над первобытными, почти ненаселенными лесами Америки. «Именем христианнейшего короля Георга Третьего» провозглашались «новые» земли собственностью британской короны. «За короля и Отечество» шли в бой «красные мундиры» — британские солдаты, против маратхов, гуркхов и раджпутов. «Красные мундиры» в рукопашной смешивались с пестрой толпой экзотично одетых «туземцев», артиллерийским огнем останавливали воюющую, беснующуюся толпу, волнами накатывавшуюся из глубин Индийского субконтинента. Именем короля сэр Роберт Клайв, командующий войсками Ост-Индской компании, объявил в 1773 году Бенгалию частью Британской империи.

«Именем короля, Георга Третьего, объявляю этот город частью Британской империи!» — возгласил майор Пенкберн на полуразрушенной артиллерией, заваленной трупами индусов стене столицы Махараштры, Серингапатама, в 1799 году.

Именем короля адмирал Нельсон топил французские корабли при Трафальгаре и отдавал приказы герцог Веллингтон при Ватерлоо. Тем же именем того же короля полинезийцы-маори на Северном острове Новой Зеландии, признавшие власть империи, убивали и поедали тех, кто

еще не признал власти Георга III, а у Великих озер Америки ирокезы резали могикан. Короля Георга III представляли дипломаты одной из победивших стран на Венском конгрессе 1815 года, верша от его имени истинно великие дела, перекраивая карту Европы и решая, кому сидеть на французском престоле.

А сам король, именем которого правили половиной земного шара, чей флот владел Мировым океаном, сам король-полудурок в это время глупо хихикал, разглядывая муху на окне своей спальни, или спрашивал у одного из министров, где бы они могли встречаться. Он был не то чтобы глупым или неумным человеком, нет... Георг III был самым натуральным сумасшедшим. Не родился он от папы-короля, его заточили бы в новый сумасшедший дом, Бедлам. Там по всем правилам медицины XVIII века санитары поливали бы его темя ледяной водой, а врачи кормили бы его жуткими лекарствами, избивая за отказ глотать сушеных мокриц или живых морских червей, делали бы ему дымовые клизмы из можжевельника и читали бы над ним подходящие молитвы (снова избивая, если не слушает).

Родившись в семье короля, Георг III оказался избавлен от такой устрашающей судьбы, но, конечно же, ни умнее, ни вменяемее он от этого вовсе не стал. Парадокс в том, что шестьдесят лет его правления — это чуть ли не «звездный час» Британской империи, высшая точка взлета или, по крайней мере — крутая экспонента, прямо ведущая как раз к этой высшей, ослепительной «точке»! Экономика Британии находилась на крутом подъеме; именно в эти шестьдесят лет произошел «промышленный переворот» — в производстве начали применяться машины. Один человек теперь мог наткать за один день столько ткани, сколько раньше ткали несколько десятков. Ребенок лет восьми мог работать там, где раньше еле справлялся взрослый мужчина. Жутковатая деталь — на многих фабриках специально использовали станки, приспособленные к росту ребенка, или к большим станкам приставляли ящики — чтобы работники лет 8—10 могли бы дотянуться до рабочей части станка.

По мнению самих британцев, плату за промышленный переворот они заплатили совершенно ужасающую, но есть ведь и другая сторона — Британия обогнала остальные страны Европы, по крайней мере, лет на 30—40. Как раз в годы правления Георга III Англия стала «мастерской мира» — страной, которая могла предложить самые качественные промышленные товары и по самым низким ценам. Вся экономика Европы... да что там! Экономика всего мира оказалась замкнута на британскую.

Имел ли Георг III к этому хоть какое-то отношение? Нет, не имел никакого. Мог ли он ускорить развитие экономики в Англии? Нет, не мог. Может быть, он отдавал какие-то очень умные приказы, издавал законы, создавал условия для того, чтобы его подданные могли плавать по морям с трюмами, битком набитыми дешевыми товарами, и возвращаться с индусскими тканями, слоновой костью из Африки, жемчугом из Полинезии, лесом и льном из России, индонезийскими пряностями, металлом из Южной Америки, китовым жиром со всего Мирового океана? Нет, никаких умных законов он не издавал, никаких решений этого рода не принимал и, вообще, похоже, не слишком разбирался в экономике и в политике.

Может быть, Георг III водил армии и флоты Британской империи? Да спаси Боже Британию, если бы Георг III смог бы хоть что-то и куда-то «водить»! Конечно же, он не был ни военачальником, ни сильным политическим деятелем. Страна процветала в годы его правления именно потому, что Георг III, при самом пылком желании, не мог очень уж сильно помешать ей процветать.

У короля совсем не было прав и возможностей править?! Нет, не будем изображать Георга III бедняжкой-королем, у которого отобрано все, кроме королевского титула; эдаким королем Лиром XVIII столетия. Он не заслуживает жалости, потому что уж что-что, а права у короля были огромные. Не говоря ни о чем другом, ни одному человеку в Британии, кроме него, не сошли бы с рук ни «черные мессы», ни тем более ритуальные убийства людей в честь доброго приятеля-дьявола. И возможности править, оказывать влияние на ход событий у него были, причем совершенно колоссальные возможности.

Другое дело, что король не мог править без контроля и без участия других людей и других сил. Многие представляют себе английский парламент чем-то вроде нынешней российской «говорильни» — Думы. Это глубоко неверно, потому что парламент издавал законы продуманные, осмысленные, и вся Британия привыкла подчиняться этим законам. Ни один закон король не мог издать в обход парламента, и получается — чтобы изменить «правила игры» хотя бы в самой маленькой малости, король должен был убедить в своей правоте, во-первых, Палату лордов, где заседали от 600 до 800 титулованных аристократов, высшая знать страны. Эти люди хорошо помнили и свои собственные интересы, и интересы государства, а очень многие из них были образованны, опытны и умны.

Во-вторых, королю предстояло бы убедить в своей правоте членов Палаты общин, то есть от 800 до 1000 профессиональных политиков, которых уполномочили их избиратели и перед которыми эти политики несли вполне реальную ответственность.

То есть, желая изменить законы или ввести какой-то новый указ, король должен был не просто взять и приказать, или даже письменно приказать, как это делал Петр I, когда писал очередной пустопорожний указ. Он должен был в чем-то **УБЕЖДАТЬ** своих подданных, искать согласия и точки соприкосновения.

А вот действовать в обход закона король не мог или, по крайней мере, почти не мог. Его возможности приказывать и добиваться подчинения в обход закона при любом политическом раскладе оставались очень невелики. Попросту говоря, даже королю можно было далеко не абсолютно все, чего бы он ни захотел. Даже «черные мессы» Георг III служил тайно, и открыто «антихристово» поведение Петра I для него было совершенно недоступно.

Потому что в Британии помимо парламента действовали мощные государственные институты типа Адмиралтейства или Министерства колоний — располагавшие и нешуточной вооруженной силой, и огромными материальными средствами. Эти ведомства возглавлялись людьми и образованными, и умными, и хитрыми. Эти люди — высшие сановники страны — обладали немалыми состоя-

ниями и уже поэтому оказывались слабо зависимыми от власти... в том числе от королевской власти. А диапазону власти, которым располагали адмиралы из Адмиралтейства, позавидовал бы не только любой сподвижник Петра, но и любой сотрудник его отца — любой боярин Борис Иванович Морозов или думный дьяк Артамон Сергеевич Матвеев, хотя и подчиненных у них было больше, и диапазон власти пошире. При необходимости они, высшие чиновники, могли объединиться и друг с другом, и с парламентом, и с любой другой политической силой... в том числе и против короля.

Одним словом, в британской политике сталкивались разные общественные и государственные институты, разные группы людей и разные учреждения. Никто не имел абсолютного права говорить от имени всех или от имени какой-то высшей истины, и король был только лишь одной из сил в этом поле.

Между прочим, вот в этом король Великобритании не так уж сильно отличается от своего русского коллеги, московитского царя, Алексея Михайловича Романова. И Алексей Михайлович был ограничен в своей власти — пусть не писаными законами, но неписаными традициями, он вовсе не мог сделать все, что ни пришло бы ему в голову.

Точно так же в поле русской политики XVII века сталкивались интересы крупных феодалов, разных классов общества и разных государственных структур (приказов, Боярской думы и так далее). Общая тенденция развития была как раз в постепенном ослаблении традиции, в замене ее законами, во все более тонком и сложном ограничении власти царей.

Алексей Михайлович даже приятнее Георга III, как вообще умный и образованный человек приятнее сумасшедшего и дурака, а приличный богобоязненный семьянин привлекательнее сатаниста, одержимого манией разрушения.

Если же вернуться к Георгу III, то существенно важно вот что: реально король для проведения своей политики мог только договариваться с другими силами, убеждать их помочь ему... или интриговать, ставить «своих людей»

на ключевые места. Например, в 1762 году (не успел Георг III прийти к власти) правительство вигов, которое фактически контролировал Уильям Питт-старший, сменило правительство королевского фаворита Дж. Бьюта, и в дальнейшем, до начала 1780-х, правительство возглавляли ставленники короля.

Некоторые ученые, кстати, именно с этим связывают неудачи во время войны с Соединенными Штатами: по их мнению, более разумные политики могли бы или не допустить войны вообще, вовремя пойти на разумные уступки. Или развалить еле-еле сложившуюся коалицию штатов, разделить их на союзные и враждебные и эти враждебные штаты постепенно удавить и принудить к капитуляции — как силами самой Британии, так и силами союзных штатов.

Не говоря уже о том, что и военные действия могли бы вестись совершенно на другом уровне. Ведь правительство Британии очень долго не могло понять — в Америке происходит не просто локальный бунтик, который можно подавить силами наемных солдат, натуральным образом купленных в германском герцогстве Гессен. Соединенные Штаты Америки устроили вполне серьезную революцию, и необходимо напряжение всех сил, срочная посылка в Америку всех элитных войск.

Если это мнение справедливо, получается, что Георг III все-таки сумел нанести Великобритании существенный вред. Но и в этом случае такой вред мог бы оказаться несравненно более масштабным; скажем, Прутский поход Петра I явно принес России несравненно больше неприятностей, чем проигранная в Америке война — Британии. В целом же правление сумасшедшего короля очень мало... если сравнивать с Россией, то просто поразительно мало сказалось на достижениях Британии за 60 лет правления Георга III.

Получается, что рыночная экономика Британии, корпоративная система управления и парламентский строй ставят мощнейшую «защиту от дурака». Хорошо, конечно, если король — умница и талант; такой король может очень помочь своей стране и сделать для нее много хорошего. Но если даже король не особенно выдающаяся лич-

ность, и даже если он и вовсе не способен править страной, ничего страшного! Все равно идет промышленный переворот, все равно избыточное население выбрасывают из страны, разгоняют по Новой Зеландии, Австралии и Южной Африке; все равно британские корабли бороздят все океаны планеты, а рев британских пушек знаменует для темнокожих обитателей Африки и Востока наступление новой эпохи — британского колониализма.

А король?! Что — король? Пусть сидит в Вестминстерском дворце да поменьше показывается на люди. Играет он роль символа нации? Того, чьим именем берут города и выигрывают сражения? Ну и пусть себе играет, никому от этого не хуже, и вообще — бывают символы еще противнее.

Очень похоже, что, существуй в Московии образца 1689 года такой же строй, как в Великобритании образца 1760-го, — и вовсе не так уж опасен был бы Петр и весь стоящий за ним клан Нарышкиных. Если бы действия царя находили бы поддержку остальных политических сил — он бы имел полную возможность проводить нужную ему политику. Если же нет — включается «защита от дурака», после чего Петр мог бы так и сидеть и писать свои 20 тысяч указов... да хотя бы и 200 тысяч — кому от этого плохо, если ни один из его указов не может ни уничтожить крестьянское производство полотна, ни погубить 3000 стрельцов?! Пусть его пишет, ведь все равно любой указ станет обязательным к исполнению только тогда, когда его «приговорит» Боярская дума, признает патриарх, когда с его содержанием согласятся дьяки главнейших приказов...

Наверное, и на Руси мог бы сидеть на престоле государь не особо вменяемый, лишь бы он особо не мешал обществу делать то, чему пришла пора. Да, кстати, такой царь был и у нас! Царь Федор Иванович, сын Ивана Грозного, был откровенно невменяем.

Степень его невменяемости задним числом определить непросто, потому что чем хуже относились люди и к стране, которую возглавляет монарх, и к самому монарху, тем больше и с тем более красочными подробностями склонны они рассказывать о его душевной болезни. Но, в лю-

бом случае, был Федор Иванович человек тихий, не склонный никому ни в чем мешать, и страна действительно шла себе, куда идет, без особенного руководства со стороны царя.

Очень возможно, что, если бы сын Нарышкиной оказался таким же тихим, бесцветным дурачком, он, при определенных обстоятельствах, мог бы и не оказать особого воздействия на ход событий. Даже при том, что «защиты от дурака» не было в русской политической традиции, что делать!

Вообще же получается довольно мрачная картина. Вот почти целое столетие идет поступательное развитие страны. Достигнуто очень многое, страна почти стала частью Европы. Государство процветает, оно на подъеме.

...И все это летит в пропасть только потому, что на троне оказывается не вполне вменяемый «царевич второй свежести». Во-первых, по-человечески обидно. Во-вторых, все же неплохо бы понять, почему все это происходит.

Получается, что судьба страны зависит не от воли ее народа, не от успехов, достигнутых в разных сферах жизни, не от уже написанных законов. Нет! Государство и народ вверяют себя одному человеку — монарху. Власть его так необъятна, что он может отменить законы или не обращать на них внимания и может с легкостью необычайной уничтожить все, что накапливали поколения.

А все остальное население настолько бесправно, что нет никаких совершенно механизмов остановить опасного маньяка на троне.

Только не надо думать, что лишь в Европе сумасшедший мог сидеть на троне и при этом причинить сравнительно мало вреда. И на Востоке хватало весьма причудливых правителей. В годы царствования многих из них, совершенно независимо от воли владыки, страна достигала экономического, политического или культурного расцвета.

Вот, например, мусульманский халиф Хаким из династии Фатимидов (правил в 996—1021 годах). Фатимиды, возводившие свой род к дочери Мухаммеда Фатиме, соз-

дали мощное государство, в котором светская власть сочеталась с религиозной, и столицей своей сделали Каир.

Халиф Хаким в чем-то напоминал Петра — уже тем, что, издавая даже самый идиотский указ, всегда пытался объяснять, зачем это все нужно. Например, Хаким велел женщинам никогда не выходить из своих домов, «потому что им это совсем не нужно», и велел своим подданным спать днем, а бодрствовать — ночью. Ведь ночью прохладнее и жить и работать приятнее...

Так он и развлекался без малого четверть века, а потом Хаким как-то собрал придворных и доходчиво объяснил им, что ни они, знать халифата Фатимидов, ни весь остальной мусульманский народ не достойны такого правителя, как Хаким. Объяснил, печально покачал головой, а потом... сел на осла и уехал в неизвестном направлении. Куда поехал бывший халиф, что он делал, где сложил свои кости — история умалчивает. И из Египта, и из истории мусульманского мира Хаким исчез совершенно бесследно; как принято говорить в таких случаях, «никто никогда его больше не видел». Можно только гадать, не свел ли счеты с ним кто-то из подданных, несколько уставших бодрствовать по ночам, или не сидел ли еще несколько десятилетий где-то у водоема в Медине или Мекке старый нищий, в котором попросту некому было опознать бывшего халифа... Ничто неизвестно, и потому все возможно.

Но как бы ни куражился Хаким, а халифат находился при нем на вершине своего могущества и славы! Далекий был день, когда Фатимиды владели только небольшой частью Северной Африки, и так же далеко другой день — когда от халифата отпадут Сицилия и Алжир, а сирийский феодал Салах-ад-Дин поднимет против них восстание и государство Фатимидов окончит свое существование...

Не менее странноватым был и современник Петра I, японский сегун Цунаёси Токугава, пятый сегун в династии Токугава, прозванный «собачьим сёгуном» (ину-сёгуном). Правил он в 1680—1709 годах и «прославился» серией указов, тоже чем-то неуловимо напоминавших петров-

ские: как своим волюнтаризмом, так и невероятной надуманностью.

Сегун Цунаёси опекал и защищал от всяческих обид животных, в первую очередь собак... Делал он это потому, что однажды буддийский монах объяснил Цунаёси, что отсутствие у него мужского потомства объясняется грехами, совершенными в прошлых жизнях — в этих прошлых жизнях он погубил много живых существ.

Поскольку Цунаёси родился в год Собаки, по 12-летнему календарю, он и решил посвятить больше всего внимания собакам. В 1687 на бедную Японию посыпались «собачьи указы» — общим числом до двадцати (тоже похоже на Петра). Подданные сёгуна не должны были убивать, бить, пугать собак, отказывать им в пище или в праве войти в их дом. Даже обращаться к собаке или говорить о собаке нужно было с соблюдением определенных вежливых форм. Не просто какая-нибудь «ину» — собака. А уважительно — о-ину-сама, что можно перевести примерно так: «уважаемая госпожа собака».

Трудно сказать, насколько соблюдала Япония «собачьи указы». Во всяком случае, жители города Эдо, «восточной столицы» (по-японски Токё, что и стало позже официальным названием города — Токио), были настолько недовольны, что в 1695 году городские власти Эдо организуют питомник на 50 тысяч собак. Местные власти нетрудно понять — и не выполнять указания Цунаёси они не могут, и игнорировать мнение народа они не в силах. Власти Эдо пытаются и соблюдать «собачьи указы», и одновременно убрать собак из города, тем самым ослабив недовольство.

В 1709 году, как только умер Цунаёси, все его «собачьи указы» преемники тут же отменили, и «собачий сёгун» вошел в историю на правах своего рода ходячего живого анекдота.

Но как раз на годы правления странноватого Цунаёси приходится взлет японской культуры! Как будто специально для того, чтобы показать — никакой специальной закономерности не существует, не связаны напрямую таланты правителя и цветение его страны... Или тут опять сказывается «защита от дурака»?

В истории Японии огромное значение придается «годам Гэнроку» — 1688—1703 годам: это время максимального взлета городской культуры. Время, когда возникли явления, очень похожие на культуру Нового времени в Европе. Это время появления театра кабуки, рассчитанного на горожан, причем на демократические слои населения и их непритязательные вкусы.

Это эпоха писателя Ихара Сайкаку (1642—1693 годы), зачинателя японской городской литературы, создателя целой серии приключенческих романов. Его повести из жизни горожан открыли целое направление в японской литературе, получившее название «укиё-дзоси» — «рассказы о суетной жизни».

Это эпоха Мацуо Басё (1644—1694), мастера японского трехстишия-хокку, и драматурга Модзаэмона Тикамацу (1653—1724), чьи пьесы ставятся до сих пор. Это время, когда жил художник Корин Огата (1658—1716), предшественник и учитель Китагава с его портретами, и Хокусай Кацусика с его пронзительными видами Фудзиямы и знаменитой «Волной».

Приходится признать — и тут страна жила сама по себе, а ее властитель сёгун Цунаёси — сам по себе, в своих собственных измерениях.

Глава 5

СПОДВИЖНИКИ АНТИХРИСТА

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает для себя.

Ю. Левитанский

Ну ладно... Пусть даже на престоле Московии, а с 1721 года — Российской империи сидел то ли царь-Антихрист, то ли попросту сумасшедший. Но, в конце концов, как бы ни были бесправны его подданные, как бы ни были они вынуждены подчиняться страшному существу, занявшему трон... но вот он умер. Почему бы не вывести... ну, хотя бы не попытаться вывести страну из тупика, в которую загнал ее Петр Первый?

Сподручнее всего заняться этим для тех, кого сам же Петр выдвинул на главные роли в государстве, сделал крупнейшими начальниками и кто остался после него самыми влиятельными людьми, обладателями самой большой власти. В конце концов, «разоблачение культа личности» Сталина и «неоправданных репрессий» провел не кто иной, как Н.С. Хрущев — один из ближайших сподвижников тирана, лично виновный в убийстве нескольких миллионов человек на Украине, в ходе «коллективизации». Если уж государство оказалось в тупике, надо же из него рано или поздно выходить.

Итак, сподвижники царя-Антихриста...

Каждый из нас с детства слышал о сподвижниках Петра: Меншикове, Апраксине, Толстом, Ягужинском, Ромодановском. Старая легенда гласит, что «сподвижники Петра» были как один, «худородны», а им противостояло «консервативное боярство». Но даже из этих названных все, кроме Меншикова, — потомки старинных родов, старое и знатное дворянство.

В.В. Мавродин выделяет две группы высшей знати при Петре более обтекаемо: если одна группа состояла из людей, которым пребывание возле трона — дело наследственное (Федор Юрьевич Ромодановский, Борис и Дмитрий Голицыны, Н.И. Репнин, весь клан Долгоруких; к этой группе примыкал и Яков Вилимович Брюс), то вторая — из вельмож «хотя и титулованных, но по большей части не родовитых, не знатного происхождения». «Своими титулами и чинами, своим богатством и влиянием, своим местом в обществе, короче говоря, всем, они были обязаны Петру»¹. Это Александр Данилович Меншиков, Гаврила Иванович Головкин, Петр Андреевич Толстой, Федор Матвеевич Апраксин, Иван Иванович Бутурлин, Павел Иванович Ягужинский.

С такой трактовкой уже можно согласиться, но к ней непременно нужно добавить: точно из таких же групп состояли и придворные Алексея Михайловича, и уж конечно, Федора Алексеевича. Приближение ко двору способных и вызывающих доверие дворян — в Московии традиция всего XVII века. Вопрос, кого царь выдвигает и приближает к себе.

«Петр, несмотря на свою молодость и потешный характер своих занятий, успел уже из окружающего его общества притянуть к себе лучшие силы, взять лучших людей, отличавшихся какой-либо способностью»², — уверяет С.М. Соловьев.

Вероятно, в числе этих «лучших людей» он готов назвать и Франца Лефорта... Фигуру столь же зловещую, сколь и загадочную. Происхождение Лефорта покрыто

¹ Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 345.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VII. М., 1962. С. 473.

мраком. Называли его и французом, и голландцем, и крещеным евреем, но никто не смог бы показать дом, где родился Франц Лефорт, и назвать имя его родителей. Вроде бы, он из Женевы, из семьи тамошних купцов... В Женеве даже показывают дом, где он родился...

Но существует, по крайней мере, еще две версии места его рождения. Вот насчет происхождения от горожан — версия как будто подтверждается, но тоже все довольно зыбко. Выражаясь в духе братьев Стругацких, Лефорта следует называть «человеком безо всякого прошлого». Это самая лучшая кандидатура для агента жидомасонов, который выполнял задание своего ордена по спаиванию и развращению царя. При некоторой фантазии можно считать Лефорта и инопланетянином, заброшенным из Волос Вероники или Магелланова Облака для вершения каких-то нехороших дел на Земле.

Всплывает Лефорт в 1675 году, когда приезжает в Московию. По его словам, он до этого успел послужить во французской и голландской армиях, но сослуживцы его неизвестны, и подтвердить это некому. Во всяком случае, в московской армии он начинает служить только в 1678 году. Несмотря на участие в кампании против Турции, в Крымских походах В. Голицына, так и остается капитаном. Только Петр сделал его генералом через полгода или год знакомства.

«...человек забавной и роскошной, или назвать дебошан французский. И непрестанно давал у себя обеды, супе (ужины. — А. Б.) и балы. И тут у него в доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземными обходиться и амур начал к первой быть, к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова... Тут же в доме Лефорта началось дебошанство, пьянство такое великое, что невозможно описать, и что многим случалось оттого умирать. И от того времени и по сие число и доныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло. Помянутой же Лефорт с того времени пришел до такого градуса, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался». Так характеризует Лефорта Борис Иванович Куракин.

Итак, пьяница и сводник, сумевший очаровать Петра, находившегося как раз на переломе от подросткового возраста к юности... К тому добавим — бисексуал, то есть человек, охотно занимавшийся любовью и с мужчинами, и с женщинами. Есть версия, что к педерастии приохотил Петра именно он.

И, конечно же, человек очень, очень небрежливый... Активнейший участник Всепьянейшего собора, пытавшийся даже «усовершенствовать» творящееся безобразие, любовник еще нескольких сподвижников Петра (в том числе и Меншикова) и вместе с тем множества дам.

О военных талантах и подвигах Лефорта никаких сведений не сохранилось. То ли он, плюс ко всему, был еще и человеком невероятной скромности и свои подвиги скрывал, или все-таки не было таких талантов и подвигов.

Вот что сохранилось, так это довольно неприятные слухи о связях Лефорта и с нечистой силой. Атеисты в этом месте могут начинать смеяться, дело их. Но вот одна история, связанная с Лефортом: мол, за несколько дней до его смерти, глухой ночью, в спальне Лефорта раздался невероятный шум. Вбежали слуги и не увидели никого и ничего. Но шум в спальне продолжался, в числе прочего — глубокие, очень сильные вздохи (или звуки, которые окружающие понимали как вздохи? Как знать). А наутро все кресла и стулья в спальне оказались опрокинуты и разбросаны по полу. Видело это все и слышало много народу, так что сомневаться в правдивости истории, в общем-то, трудно.

Есть и другая история, связанная с самой смертью Франца Лефорта. Умирал он (то ли 43, то ли 44 лет от роду) как угодно, только не по-христиански. Священника он от себя гнал и в последний час потребовал вина, девок-плясиц и музыкантов. Музыканты заиграли, девицы заплясали, и под все это веселье Франц Лефорт пил вино, пока не началась агония. Присутствовали при ней многие люди, потому что Франц Лефорт не велел никому переставать играть и плясать, пока он жив. И многие видели, как труп Лефорта с зеленым оскаленным лицом сорвался с кровати, стал выписывать танцевальные па, воздел ру-

ки... И в тот же миг, когда соскочил, заплясал труп, раздался дикий свист, многоголосое уханье с чердака и из-под пола дворца Лефорта.

Этим свидетельствам можно верить или не верить, но видели-то многие, и возникает вопрос — так все-таки кто... кто именно колобродил вокруг Всепянейшего собора?!

Лефорт, конечно, личность колоритнейшая; словно бы человек задался целью собрать в себе решительно все качества, делающие его опасным для любого увлеченного им юноши.

Но ведь и Ф.Ю. Ромодановский, по словам того же Б.И. Куракина, «собою видом как монстра, нравом злой тиран, превеликой нежелатель добра никому, пьян по вся дни, но его величеству верной так был, как никакой другой» — это ведь тоже тип колоритный и жутковатый. Интересно, а за ним никогда не приходили существа из другого мира?! Вроде бы данных нет, но из этого вовсе не следует, что так уж и не приходили.

А «самый сухопутный в мире адмирал» Апраксин? А патологически вороватый Меншиков, аккуратно делившийся с Петром всех своих любовниц и сам бывший одной из них? А Никита Зотов, превратившийся из первого учителя в шута? А ничтожно-веселый Лев Кириллович? Все они, может быть, и не столь ярки, колоритны, как Лефорт, но у всех у них есть, по крайней мере, три общих качества, роднящих их с Лефортом.

Одно из этих качеств понятно, и оно действительно необходимо для всякого придворного, во все времена: это преданность монарху, в данном случае — Петру. Как это обычно водится у придворных, любовь и преданность к монарху совсем не обязательно бывают бескорыстными... В этом плане как раз надежнее всего представители старинных родов, люди богатые. Они, конечно, тоже получают свой кусок пирога, но у таких, как Ромодановский или Голицын, все-таки нет столь острой необходимости в придворной карьере. Даже отставка для них — не такая уж, в конце концов, и катастрофа. Но и у таких, как Меншиков или Лефорт, преданность к монарху вполне может быть достаточно искренней... почему нет?

Вторая общая черта — это запойное пьянство. В компании Петра никогда не было не только трезвенников, но вообще людей, умеренных в питии. Людей, умеющих «знать меру», не терявших головы и сохранявших собственное достоинство в пьянстве, Петр не терпел, и ни один такой человек за годы его правления карьеры не сделал. Все перечисленные выше — то есть «лучшие люди», выделенные и приближенные к себе Петром еще в Преображенском, — это люди, пившие постоянно и до свинского состояния, пьяные и буйные шуты.

Третья общая черта — совершеннейшая личная ничтожность. Все, кого приближал к себе Петр, все «своими титулами и чинами, своим богатством и влиянием, своим местом в обществе, короче говоря, всем» обязанные только Петру, люди исключительно серые, не интересные, не яркие и не активные. Лефорт еще выделяется как некий носитель активного зла, разрушительного начала, личность крупная хотя бы в падении, в распаде... Но ведь и он до встречи с Петром носил весьма скромный для его лет чин капитана.

Даже чудовищно жестокий, способный собственноручно пытаться Ромодановский — лично очень не ярок. Его способность причинять людям зло вытекает из должности, которую отвел ему Петр, а не из его личных качеств. Совершенно непонятно, мог ли Ромодановский сам, без помощи Петра, стать хотя бы подьячим или даже хотя бы рядовым палачом в ведомстве, которое возглавлял?

Кем был бы совершенно неграмотный Меншиков, с трудом изображавший собственную подпись, не попадись ему на жизненном пути редчайшая удача по имени Петр? Кем были бы и они, и те, кто позже попал в его личную компанию и сделал прекрасную карьеру: истеричный Павел Ягужинский, Петр Толстой, принимавший столь активное участие в «Хованщине», подловатый «до изумления» Шафиров, человек-машина Макаров, настолько пустой, что о нем буквально нечего сказать? Какая судьба ожидала бы их, не займись их карьерой царь Петр?

Убожество тех, кого Петр выдвинул на первые роли, ярчайшим образом сказалось, как только он закрыл глаза. Те представители старинных родов, которых он до такой степени не любил, вполне могли существовать и без него, и после него: порукой тому хотя бы судьба Долгоруких и Голицыных, которые существуют до сих пор и нельзя сказать, что очень бедствуют.

А выдвигенцы Петра, всем обязанные только ему одному?

«...сотрудники реформы поневоле, эти люди не были в душе ее искренними приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала им выгодное положение... Идея отечества была для его слуг (слуг Петра. — А. Б.) слишком высока, не по их гражданскому росту. Ближайшие к Петру люди были не деятели реформы, а его личные дворовые люди. Он порой колотил их, порой готов был видеть в них своих сотрудников, чтобы тем ослабить чувство скуки своим самодержавным одиночеством. ...Вот наиболее влиятельные люди, в руках которых очутились судьбы России в минуту смерти Петра. Они и начали дурачиться над Россией сразу после смерти преобразователя... Суровая воля преобразователя объединяла этих людей призраком какого-то общего дела. Но когда в лице Екатерины I на престоле появился фетиш власти, они почувствовали себя самими собой и трезво взглянули на свои взаимные отношения, как и на свое положение в управляемой стране: они возненавидели друг друга, как старые друзья, и стали торговать Россией, как своей добычей. Никакого важного дела нельзя было сделать, не дав им взятки; всем им установилась точная расценка с условием, чтобы никто из них не знал, сколько перепало другому. Это были истые дети воспитавшего их фискально-полицейского государства с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства. ...Дело Петра эти люди не имели ни сил, ни охоты ни продолжить, ни разрушить; они могли его только портить. При Петре, привыкнув ходить по его жесткой указке, они казались крупными величинами, а теперь, оставшись одни, оказались простыми нулями, потерявшими

свою передовую единицу. Бывало, сойдутся о важном деле, а Остерман, без которого русский двор не умел ступить шагу, заламается, чтобы набить себе цену, не придет. Отговорившись какой-либо из своих политических болезней. Вершители отечественных судеб посидят немного и, выпив по стаканчику, разойдутся, а потом увиваются около барона, чтобы разогнать дурное расположение духа петербургского Мефистофеля из Вестфалии. Но в лице Остермана они не чтили ни ума, ни знания, ни трудолюбия, презирали его, как чужака, боялись, как интригана, и ненавидели, как соперника»¹.

Одним словом, «как скудны были образовательные средства, созданные реформой, как ненадежны были подобранные Петром дельцы, которым он мог завещать продолжение своего дела, как мало сочувствия привлек он к своему делу в народе и даже в высшем обществе»².

Я позволю себе согласиться с В.О. Ключевским во всем, кроме одного: не очень понятно, а была ли пресловутая реформа, а с ней — и общее дело? Впрочем, предоставляю читателю самому разбираться: превратились ли ближайшие к Петру государственные «дельцы» в таких ничтожеств после его смерти (в этом случае получается, что при Петре это были одни люди, а после Петра стали другие). Или же они таковы были всегда, и слова С.М. Соловьева о выборе «лучших людей» звучат нехорошей насмешкой.

Во всяком случае, с февраля 1725 года, не успел остыть труп Петра, они оказались... тем, чем оказались. Жутко представить себе, во что превращали этих людей, по выражению Н.И. Павленко, «страшные законы борьбы за власть»! Приведу два примера из жизни Меншикова и ближайших к нему людей.

...Анна Даниловна, сестра «светлейшего князя», вступила в бурный роман с Антоном Девиером, петербург-

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 3. Ростов-на-Дону, 2000. С. 117—120.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 3. Ростов-на-Дону, 2000. С. 121.

ским губернатором, и хотела выйти за него замуж. Известно, за кого собирался выдать замуж сестру Меншиков, но, во всяком случае, Девиера себе ровней он не считал и на сестру «изволил гневаться». Гнев «светлейшего» достиг предела, когда Антон Девиер явился к нему просить руки сестрицы... Меншиков велел тут же высечь Девиера, что и было сделано, и велел слугам выгнать его в шею (посреди города, которым управлял Антон Мануйлович Девиер).

Будем справедливы: Девиер действовал исключительно нагло, заявив, что, конечно, Меншиков вправе ему отказать, но тогда «светлейшему князю Ижорскому» предстоит стать дядей внебрачного младенца... И после нанесенной ему обиды Девиер тоже действовал весьма решительно: побежал жаловаться царю. Петр же решил дело в его пользу и велел Меншикову выдать сестру за Девиера.

По общему мнению, Меншиков Девиера не любил, не считал себе ровней, а после этой истории невзлюбил еще сильнее. Девиеры у Меншиковых не бывали, и даже с сестрой Анной Меншиков прервал всякие отношения.

Но в 1722—1723 годах положение Меншикова пошатнулось, он стал остро нуждаться в поддержке. Тут-то он вдруг воспылал к Девиерам родственными чувствами, стал прибегать к помощи зятя и даже заискивал перед ним. В январе 1722 года Александр Меншиков просит Антона Мануйловича «о всем нас уведомлять, о чем мы на Вашу милость есть благонадежный».

В марте 1722 Меншиков разражается поздравлениями по случаю рождения племянника, названного в его честь Александром. Длиннейшее послание завершается таким пассажем: «Во оной торжественной праздник вам со всею вашею фамилией препроводить во всякой целости здравие вашего и оного вашего новорожденного сына, нашего любезного племянника».

В феврале 1723 года — новая, весьма деликатная просьба Меншикова Девиеру — известить, какую оценку получили у царя строительные работы, которыми руководил он, Меншиков.

Несомненно, у Меншикова было множество шпионов, но в зяте он в этот период жизни тоже нуждался и забыл о своей неприязни... пока ему был нужен Девиер. И Анна Даниловна в этот период снова стала вхожа в дом брата!

Еще в 1727 году Девиер донес Меншикову на неосторожные слова А.В. Макарова: мол, Меншиков хочет породниться с правящей династией, «лезет на трон». В годы правления Екатерины Меншиков был в несравненно большей силе, чем в любой период жизни Петра: эдакий незаконный император! Ему не составило проблемы упразднить Кабинет, после чего Макарова перевели на куда меньшую должность: поставили президентом Камер-коллегии.

Но как только Меншиков перестал нуждаться в Девиере, на «нарушителя чести» сестры Меншикова тут же обрушился тяжелый удар: при самом непосредственном участии Меншикова Девиер обвинен в злоупотреблениях, и в мае 1727 года Антона Мануйловича после порки кнутом сослали в Сибирь. А родную сестру Меншикова Анну — на поселение в одну из своих деревень, и с тех пор он ее и не видел ни разу.

Предоставляю судить читателю, с чем мы тут имеем дело: со злобностью опытного интригана, который всегда жаждал крови Девиера, но сумел отложить месть до лучших времен, или с обычнейшим равнодушием царедворца к судьбе «уже ненужного сотрудника». И не обратившего внимания на родственные связи с отброшенным, как ветошь, опальным зятем.

Вторая история, пожалуй, еще пикантнее.

Все началось с того, что Шафиров выдал жалованье своему брату Михаилу... Жалованье, на которое Михаил не имел ни малейшего права. Шафиров сотворил такое откровенное беззаконие, что разборки начались с самым Сенате. Стоило Шафирову повиниться, и тогда история не стала бы предметом шумного разбирательства, но его, что называется, «понесло». Одни были «за» Шафирова, другие — против, и в Сенате, в точности как раньше в Боярской думе, возникло две группировки — уже не очень

и помнивших, из-за чего разгорелся сыр-бор. Каждая группировка боролась с другой вовсе не за идею справедливости, а только чтобы сожрать других — своих конкурентов за материальные блага и влияние.

Обер-прокурор Сената Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев находился в группировке Меншикова и бранился с Шафировым, опираясь на это знакомство.

А Шафиров действовал вместе с Д.М. Голицыным. Уже этого расклада, когда безродный выкрест Шафиров действовал вместе с князем Голицыным, а Меншиков — со столбовым дворянином Скорняковым-Писаревым, достаточно чтобы опровергнуть версию борьбы «старой» знати и новых выдвиненцев. И в этом, и во всех остальных случаях разделение на «партии» шло по совершенно другим принципам.

Перебранки эти в Сенате начинались столько раз, что, в конце концов, решили — до возвращения Петра в Петербург из Каспийского похода дело отложить. Но и не обсуждая «неправильно выданных» денег, стороны все время сцеплялись, по решительно любому поводу.

31 октября 1722 года Шафирова попросили выйти вон, на время обсуждения положения с почтой. Было это вполне корректно, потому что почта находилась в его ведении, а мало ли какие обвинения могли прозвучать в его адрес? Шафиров выйти отказался, выкрикивая ругательства и обвинения по адресу уже всех присутствующих.

— Ты мой главный неприятель и вор! — прокричал в числе прочего он в адрес Скорнякова-Писарева.

Меншиков, Головин и Брюс, посоветовавшись, решили выйти прочь из Сената:

— Когда в Сенате обер-прокурор вор, то как нам при том дела поправлять?

За ними пошел прочь и обер-прокурор

Тут остановиться бы Шафирову, прекратить орать, но он совершенно уже вышел из себя, потерял самоконтроль и завопил:

— Напрасно вы на меня гневаетесь и вон высылаете. Вы все мои главные неприятели. Светлейший князь — за почепское дело, а на канцлера графа Головина я отдал че-

лобитную самому государю. Для того им и в Сенате приговаривать не надлежит.

— Ты меня не убей! — кинул реплику Меншиков.

— Ты всех побьешь! — парировал Шафиров. — Только я за тебя, как Волконский и князь Матвей Гагарин, петли на себя не надену

Этими словами Шафиров поминал казнокрадство князя Гагарина, к которому имел прямое отношение Меншиков; тогда расследование злоупотреблений велось князем Григорием Волконским: очень пристрастное, в пользу Меншикова. И Гагарин, и обвиненный в потакании преступнику Волконский были казнены, но Меншиков, соучастник обоих преступлений — и казнокрадства, и его сокрытия, — вышел сухим из воды.

Эти слова оказались роковыми для Шафирова — Меншиков их запомнил и начал воевать по-настоящему, употребляя все свое влияние, чтобы погубить Петра Павловича.

9 января 1723 года Петр, вернувшись в Москву, создал «Вышний суд» для рассмотрения дела Шафирова. Суд оказался, конечно, под полным влиянием Меншикова.

Камер-юнкер Берхгольц так описал казнь Шафирова 15 февраля 1723 года:

«После того как с него сняли парик и старую шубу и взвели на возвышенный эшафот, где он по русскому обычаю обратился лицом к церкви и несколько раз перекрестился, потом стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули его ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, потом ударил им возле, по плахе, — и тут Макаров от имени императора объявил, что преступнику, во уважение его заслуг, даруется жизнь».

Сенаторы всячески поздравляли Шафирова с помилованием, но сам он еле держался на ногах и говорил, что лучше бы уж сразу «отворить большую жилу», чтобы «разом избавиться от мучений». Два года Шафиров жил с семьей в Новгороде в нищете, и только Екатерина вернула его и допустила ко двору.

Так вот, Шафиров, целиком обязанный Меншикову тем, что лежал на эшафоте, в Петербурге опять сошелся с Меншиковым!

3 мая 1735 года Кампредон писал в Париж: «Барон Шафиров, очень сблизившийся с князем Меншиковым, которому следует теперь своими советами, начинает пользоваться некоторым доверием царицы».

«Приятель, соперничавший в борьбе за власть, становился злейшим врагом; оказавшемуся в беде другу не принято было подавать руку помощи; привязанности менялись с такой же легкостью, с какой изменялась порожденная интригами обстановка при дворе... Создается впечатление, что люди эти были лишены обычных человеческих чувств, что всеми их поступками руководили карьерные соображения, бравшие верх над привязанностями, верностью дружбе, готовности поступиться чем-либо ради ближнего»¹.

Я рассказал две пикантные истории про Меншикова... а до того рассказал, как Меншиков погубил Андрея Андреевича Виниуса. Если же поставить себе цель рассказать все подобные случаи, придется написать целую библиотеку! Но читать ее будет неинтересно — помимо чисто внешних примет, повторяется одно и то же — примитивная «подковерная» борьба, по-звериному жестокая борьба за власть, влияние, право распоряжаться и командовать.

Во имя этой борьбы приносятся и человеческие отношения и, уж конечно, интересы государства. Трудно найти в ней поведение государственных людей, сподвижников Великого Реформатора. Все, что мы знаем об этих людях, свидетельствует: кем бы ни был для России Петр, что бы он ни менял и ни реформировал, что бы ни «вскидывал на дыбы» — в окружающих его людях не было ни сподвижников, ни единомышленников! Были окружающие трон холуи, приспособленцы и бездельники, преследующие только свои эгоистические цели.

Не случайно же в последние годы жизни Петр был до такой степени одинок. Не случайно после Полтавы Петр

¹ Павленко Н.И. Полудержавный властелин. М., 1991. С. 323.

все более отодвигал Меншикова от себя; их близкие отношения полностью остались в прошлом, и Меншиков даже попадал под следствие.

По мнению таких серьезных историков, как В.В. Мавродин и Н.И. Павленко, проживи Петр на несколько лет больше — и Меншиков разделит бы судьбу Шафирова, а очень может быть, и обер-фискала Нестерова, колесованного за невообразимое воровство (среди всего прочего он присвоил бриллианты, посланные Екатерине).

Наверняка Петру было бы нелегко принять такое решение; ведь вор и мелкотравчатый интриган не был ему посторонним человеком. Это же был тот самый Алексашка, Александр Меншиков, с которым они ездили на Кукуй к Анне Монс и Лефорту, который в клубах порохового дыма лез на стены Азова и Нарвы, рубил топорами и пытал стрелцов, знал тайны липового «стрелецкого заговора», происхождения Екатерины и смерти царевича Алексея (вот бы его — да в консультанты этой книги!).

Очень многое в судьбе Меншикова откровенно объясняется именно тем, что для Петра, при всей его ненадежности и вороватости, он оставался «тем самым Алексашкой». Но в свои последние годы Петр слишком ясно видел, что ближайший друг его молодости, самый доверенный человек, оставшийся в его жизни после Лефорта, — во все не сподвижник и не единомышленник. И что Меншиков шел за ним не для того, чтобы совершить некие великие исторические дела, даже не из любви к нему, Петру, а всегда имел цели простые и ясные: вознестись повыше, наворовать побольше.

Не говоря ни о каких нравственных понятиях, не стоит объяснять, кто такие Шафиров и Меншиков, Лефорт и Апраксин с точки зрения и законов и самой элементарной морали цивилизованного общества. Во-первых, в этом нет ни малейшей необходимости: все и так очень понятно, и тем более нет нужды в морализаторстве, в помахивании воздетым перстом. А во-вторых, виновата моя старомодность: я не умею анализировать поведение отребья, которому место в каталажке или на «Дворе отбросов».

Глава 6

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛА

Впрочем, среди ближайших сподвижников Петра был один человек совершенно иного полета. Вроде бы один из его команды, и достаточно типичный — служилый иноземец, внук переселившихся из Шотландии дворян, Яков Вилимович Брюс. Еще дед Якова Вилимовича приехал в Россию в 1647 году. После поражения при Марстон-Муре сторонники парламента не просто завоевали и оккупировали страну — они изводили, как только могли, шотландских дворян. Десятки, сотни родственников и друзей Вильяма Брюса погибли в сражениях и на плахе, прятались в горах или уехали в другие страны. Сохранилась легенда, что ехать в Московию Вильяму посоветовал старый друг его отца, генерал Дэлзелл: он побывал в Московии в Смутное время, прослужил в Московии восемь лет и знал страну не понаслышке.

Брюсы состояли в дальнем родстве с Робертом Брюсом, который в 1314 году разгромил английские войска при Баннокберне, победил проанглийскую партию Иоанна Бэлиола и стал шотландским королем. В 1328 году он заставил Англию подписать мирный договор, признающий независимость Шотландии. С конца XIV века на шотландском престоле сидели Стюарты, но, как говорили в те времена, «в Брюсах текла кровь королей». «Мы из рода шотландских королей», — так говорили они сами. Если даже у переселенцев (фактически беженцев) в Россию не было ни громких титулов, ни богатых поместий, род-то

все равно знатнейший. Российские Брюсы могли сделать или не сделать карьеру на своей новой родине, но кровь королей в них текла.

Брюсы — род интеллектуальный (кстати, родственники Байронов). На материале старинных королевских и дворянских родов вообще очень легко выискивать разного рода закономерности — ведь история таких семей неплохо изучена. Если Габсбурги, даром что императоры, или английские Плантагенеты прославились в основном безумными дуэлями, любовницами и попойками, то такие правящие роды, как польско-русские Ягеллоны, шведские Ваза или английские Тюдоры, дали немало интеллектуалов — ученых, поэтов, философов. То же среди дворянских родов: самый известный представитель рода Салтыковых, несомненно, Дарья Салтыкова, знаменитая Салтычиха. Про боярский род Буйносовых и такого не скажешь: все Буйносовы были серые, как мыши, и такие же незаметные. А вот Волконские или Голицыны почти в каждом поколении представлены личностями яркими, судьбами необычными и оставившими после себя долгий след.

Так вот, Брюсы — интеллектуалы. На их примере хорошо видно, как поколения, столетия в семейной истории тлеет НЕЧТО... Как бы огонек ума и таланта бежит по бикфордову шнуру, взрываясь в некоторых поколениях то королем-интеллектуалом, то поэтом, то крупным исследователем Антарктики, то ученым-археологом. Яков Брюс — один из тех, в ком взорвалось семейное НЕЧТО.

Среди сподвижников Петра Яков Брюс — редчайшее исключение, причем сразу по трем параметрам.

1. Он великолепно образован. Не то чтобы «грамотен» — этого мало. Он не только свободно говорит и пишет на нескольких европейских языках, он действительно знает физику, астрономию, математику, географию. Откуда?! Исключительно из книг, из общения с неглупыми людьми. Брюс — самоучка, никто специально его не учил. Чтобы учиться в Европе, у Брюсов нет денег, а в Московии не то что университетов, и гимназий нет.

Еще во время Азовских походов иные обижались на некомпанейское поведение Брюса — не бегают по девкам, не хлещет вина, читает книги.

Но еще в годы «Великого посольства» Яков Брюс представил на суд профессоров Амстердамского университета труд «Теория движения планет» и получил ученое звание магистра наук. Больше года он провел в Англии, собирая книги и карты (что характерно, в Шотландию его «на всякий случай» не пустили).

Яков Брюс еще в 1696 году составил карту земель от Москвы на юг, до Малой Азии. Составил так квалифицированно, что карта вышла в Амстердаме.

Это Яков Брюс в 1702 году создал Школу навигацких и математических наук в Москве и оборудовал обсерваторию в Сухаревой башне Кремля.

Это Яков Брюс перевел книгу Х. Гюйгенса «Космотеорос», изданную в 1717 и 1724 годах с его предисловием. Эта книга и карта В. Киприянова знакомили русских с основами учения Коперника.

С 1706 года в ведении Якова Брюса находилась Московская гражданская типография. Он редактировал глобусы Земли и небесной сферы, географические карты и книги. В Гражданской типографии при самом непосредственном участии Брюса изданы «Лексикон», «Математика навигаторской школы», «Описание города Иерусалима и Афонской горы», «Изображение глобуса небесного и земного», «Баталия при Пруте» и многое-многое другое. Перевод и издание книг он считал самым важным из своих дел.

Яков Брюс собрал огромную, в несколько тысяч томов библиотеку и коллекцию предметов старины — русской и европейской. В отличие от Кунсткамеры, собрания всевозможных уродств и отклонений от правила, его коллекция минералов, старинных монет хорошо систематизирована и действительно дает представление о нескольких разделах науки. Библиотеку и коллекцию он завещал Академии наук.

В 1709—1715 годах Брюс выпускал календарь, содержащий расчеты церковных праздников, предсказания затмений и движения созвездий на столетие вперед.

«Брюсовым календарем» пользовались еще в начале-середине XIX века.

На фоне неграмотного Меншикова, малограмотных, малокультурных Толстого и Шафировва, на фоне Апраксина, носившего чин адмирала, но не знавшего ни математики, ни астрономии, ни навигации, Яков Брюс был совершеннейшей белой вороной.

2. Яков Брюс — редчайшее исключение и как человек, бывший офицером в армии, организованной царем Федором Алексеевичем, и продолживший карьеру при Петре. Он даже участвовал в походах на Крым Василия Голицына, но карьеру при Петре все-таки сделал!

Вообще-то существует совершенно железное правило — ни один из офицеров армии Федора Алексеевича, великолепной армии, остановившей турок под Чигирином в 1678 году... Ни один из них не сделался генералом при Петре. Петр ненавидел все, связанное с этой армией, с Василием Голицыным, с военной историей Московии до него, до Петра. Сказывался, наверное, и комплекс неполноценности — в отличие от Петра, Василий Голицын воевал очень профессионально, умел беречь своих людей. Да и не любил Петр людей умных, квалифицированных. Чего стоит хотя бы его указ от 9 сентября 1707 года: «Подчиненный перед начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». И старшими офицерами и генералами у него становились не умницы, выращенные Федором Алексеевичем и В.В. Голицыным, а пьяницы из Всепянейшего и Всешутейшего собора.

Яков Брюс — исключение и здесь! Может быть, сказались относительная молодость Якова Брюса, почти сверстника царя (Брюс родился в 1670 году, Петр — в 1672)? В конце концов, Брюс не участвовал в Чигиринских походах, тем более никак не участвовал в реформах армии и гражданского управления, не был лично знаком с Василием Голицыным. В конце концов, в 1689 году, в год государственного переворота и захвата власти кланом Нарышкиных, Брюсу было всего 19 лет.

Во всяком случае, Яков Брюс участвует уже в Азовских походах Петра 1695 и 1696 годов — некоторые уче-

ные видят в этом способ реабилитации за Крымские походы. А потом мы встречаем его в составе «Великого посольства» 1697—1698 годов, и уже в качестве доверенного лица Петра.

Во время Северной войны Брюс организует артиллерию; командовал он артиллерией и в Полтавском сражении. Это он обрушил огонь 72 русских орудий на шведов, которые могли огрызаться только из 4 полевых пушек.

Мы видим Якова Брюса и в Прутском походе 1711 года. Он вообще постоянно мелькал в самом ближайшем окружении Петра и сделал при нем карьеру совершенно блестящую.

С 1717 года он член Правительствующего Сената и глава Берг- и Мануфактур-коллегии. В 1721 году Яков Вилимович Брюс вместе с Андреем Ивановичем Остерманом подписывают Ништадтский трактат, завершив тем в пользу Московии... теперь уже Российской империи Северную войну. И за это получил титул графа.

Есть, кстати, упоминания, что титул графа предлагался ему еще в 1710 году, за организацию артиллерии. И что Яков Вилимович от титула отказался, считая себя недостойным (по крайней мере, такое объяснение он дал). Если это правда — личность Якова Вилимовича Брюса становится еще загадочней.

3. И третья уникальная особенность, резко отделяющая Брюса от всех остальных сподвижников Петра: у него было то, что называется частной жизнью. Нет, я не имею в виду, что только он жил какой-то эмоциональной или сексуальной жизнью, дело не в этом. Но у Якова Вилимовича, помимо исполнения официальных обязанностей, карьеры и вращения в кругах, была огромная область занятий, привязанностей и знакомств, которая касалась только его одного, в которую он никого не пускал и от которой никогда не отказывался.

Осмелюсь утверждать, что ничего подобного не было ни у одного другого из ближайших сподвижников Петра. Их жизни целиком и полностью принадлежали службе и карьере. Во имя службы и карьеры отодвигались на второй (и третий, и десятый) план семья, дружба, склонности и интересы. Вся жизнь, все ее аспекты сводились

к одному — продвижению по ступенькам карьерной лестницы.

Тираны, кстати, очень ценят таких людей — тех, которые могут сказать о себе «у меня нет ничего, кроме службы». Такие люди, у которых нет больше ничего и кто не сможет достойно существовать вне своей карьеры, вне достигнутого на службе, кажутся им самыми надежными. Куда им деваться?! Они слишком зависимы, чтобы оказаться неверными, ненадежными. Действительно, ну что бы делал тот же Меншиков, прогони его Петр со службы?! Даже если не отнимать всего наворованного, оставить Меншикова одним из богатейших людей Европы, что бы он, бедняга, делал? Скорее всего, попросту свихнулся бы от скуки, от пустоты своей жизни.

А если отнять еще и наворованное, «светлейшему князю» светила самая что ни на есть угрюмая, мрачная бедность — ведь заработать честным трудом на жизнь хотя бы мещанина он не сумел бы. Разве что торговать пирогами...

А вот Яков Брюс всегда имел, чем заняться, помимо службы и карьеры! Во-первых, у него была семья. Своей женой, Маргаритой фон Мантейфель, Яков Вилимовича не делился, с дочерьми занимался, проводить время в кругу семьи любил. Картина В.И. Сурикова «Меншиков в Березове» на редкость фальшива — просто потому, что семейная идиллия — совершенно не в духе Меншикова. «Данилыч» органически не был способен вести образ жизни примерного семьянина: ни соблюдать верность жене, ни общаться с собственными детьми.

А Яков Брюс — вполне был способен и хотел этого! И сосланным в свою деревню, и проводя дома свободные от службы вечера, он вел жизнь, наполненную смыслом.

И потом, у него была наука. Стоило появиться хоть небольшому количеству времени, и тут же он оказывался с книгой в руках, с циркулем около глобуса или с угломером возле огромного телескопа. Он переписывался со многими учеными в Европе, написал несколько десятков статей, переводил и готовил к изданию книги. Ему всегда было чем заняться, и, очень может быть, тяготила его как раз служба — необходимость вечно куда-то

мчатся, что-то делать, применять знание математики к расчету точности орудийной стрельбы и на строительство мостов.

Кроме того, Яков Брюс вполне мог служить не только царю Петру. У всех остальных «сподвижников» Петра никакого выбора не было; разве что какой-нибудь мелкий мусульманский царек взял бы их на службу, откажись от них Петр. А вот у «Вилимыча» были и другие варианты. Квалифицированный, умный, он мог бы получить место при многих европейских университетах. Для этого у него было и владение языками, и нужные знания, и имя. Такого офицера, как он, могли взять и в европейские армии.

Был в его жизни краткий период опалы: после разгрома русской армии под Нарвой Яков Брюс угодил в число «стрелочников», оказавшихся «виноватыми» в поражении. Год просидел, сосланный в свое имение... И за этот год получил прямое предложение — получить офицерский патент в Голландии. А через общих знакомых в Немецкой слободе наводили справки попечители Амстердамского университета, где он получал ученую степень, — не согласится ли Яков Брюс прочитать курс лекций по астрономии? Так что и «пни» его Петр, Яков Вилимовича мог бы еще и выбирать между военной карьерой и академической.

То есть получается — если у всех сподвижников Петра совершенно ничтожна зона, в которой они могут принимать свободные решения и поступать так, как им хочется, то у Брюса эта зона как раз очень велика.

Возникает естественный вопрос: почему же его терпел Петр? Почему он даже продвигал Якова Брюса, поддерживал его, позволял многое?

На этот вопрос может быть как минимум четыре разных, но не противоречащих друг другу ответа.

1. Яков Брюс был для Петра одним из «потешных», то есть человеком, связанным с ним с ранней юности. Что бы он ни делал, он оставался для Петра «своим». Тем более, Яков Вилимович никогда не позволил себе ни единого слова критики в адрес Петра. После гибели армии во время I Азовского похода и Меншиков, и Бутурлин, и Ле-

форт, и Гордон наводили критику на поступки Петра. Но не Брюс! Петр имел все основания считать Брюса очень преданным человеком.

2. Яков Брюс старательно участвовал и в «потешных войнах», и в заседаниях Всепьянейшего собора. Петру его, достаточно рядового участника Азовских походов, представил легендарный Франц Лефорт. То есть когда Якову Брюсу было нужно делать карьеру — он, потомок королей, не гнушался обществом ни «Всепьянейшего патриарха», ничтожного Никиты Зотова, ни алкоголика и педераста, личного приятеля чертей и черт-те чьего сына Лефорта.

Если эта догадка верна, то приходится признать — карьера Якова Брюса есть дело рук самого Якова Брюса, который в средствах не стеснялся.

Но сам его «выход» на Франца Лефорта — показатель еще одной возможной причины, по которой он был персоной грата у Петра.

3. Лютеранин Яков Брюс, могущественные родственники которого оставались в Шотландии, магистр наук Амстердамского университета, был для Петра представителем той самой, обожествляемой им Европы. Ему прощалось многое, что не прощалось «своим», коренным русским.

Именно по этой причине, как «служилый иноземец», хорошо известный в Немецкой слободе и многих в ней знавший, он легко попал в компанию к Лефорту. Очень может быть, и Лефорта просили о нем какие-то общие знакомые.

4. Как у многих тиранов и до, и после, у Петра хватало ума не резать курицу, несущую золотые яйца. Так, много позже Владимир Иванович Вернадский будет до самой смерти в 1945 году возглавлять Радиевый комитет, целую кучу комиссий, готовить свою школу, будет вхож в ЦК — и это притом, что В.И. Вернадский был одним из основателей партии кадетов! Притом что его дочь жила в Праге, а сын преподавал в Принстонском университете! Притом что Вернадский даже и не очень скрывал свое... скажем так, свое достаточно сложное отношение к советской власти. Но слишком уж полезен, слишком важен будет он

для многих и многих направлений в советской политике! Придется «терпеть» его», «прощать» ему то, за что многие платили не только карьерой, но и жизнью, и десятками лет лагерей.

Может быть, Яков Брюс — это Вернадский XVIII века? Тот, кого Петр вынужден был терпеть, потому что без него будет хуже?

Все это, конечно, вопросы без единого ответа.

Как и вопрос — а что думал о своей жизни и своей судьбе сам Яков Вилимович? Что для него-то было главным? Дело в том, что Яков Вилимович не оставил никаких документов, никаких свидетельств своего отношения и к Петру, и к самому себе, и к своей эпохе. Похоже, тут называется одно из двух качеств, очень помогавших Якову Вилимович: он поразительно умел пить, не пьянея, и так же поразительно умел держать язык за зубами. Благодаря этим качествам, он не делал ошибок по службе, но и не оставил никаких интересных записок. И дневника тоже не вел.

Во всяком случае, чем больше присматриваешься к его фигуре, чем больше думаешь о нем, тем основательнее складывается уверенность: это был очень «закрытый» человек, отнюдь не стремившийся давать окружающим слишком много сведений о себе.

И второе — это был человек, живший в сложных духовных измерениях активной интеллектуальной жизнью. В частности, и поэтому он менее заметен, менее известен, чем многие другие — чем те, кто старательно лезли на авансцену и принимали там картинные позы. Брюсу нужно было совсем другое. Вынужденный зарабатывать на жизнь трудами офицера и придворного, он всегда имел в этой жизни другой пласт, почти скрытый от всех остальных.

БРЮС, ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА

Для характеристики Якова Вилимовича Брюса очень важно, что он не любил Петербурга. По крайней мере, у нас нет никаких сведений, что Петербург вызывал у него вообще какие-то положительные эмоции. Вот Моск-

ву Яков Брюс любил, это известно совершенно точно. В Москву он возвращался всегда с удовольствием и, если мог выбирать, где ему находиться, — обычно выбирал Москву. С Москвой связана вся интеллектуальная деятельность Якова Брюса, особенно с Сухаревой башней, в которой у него были свой кабинет и астрономическая лаборатория.

По существу дела, перед нами ярко выраженный москвич по месту рождения и воспитания, для которого Москва — это малая родина, находиться в которой для него комфортнее всего.

Он же шотландец?! Да, по этническому происхождению — шотландец. Но Яков Брюс был шотландцем, который никогда в своей жизни так и не увидел Шотландии. Был один шанс после «Великого посольства», и то «на всякий случай» не пустили. Краски Шотландии, ее ветры, море у ее берегов и горные хребты за Эйвоном были для него чистой воды теорией. Примерно тем же, что и для большинства моих дорогих читателей, и для меня самого — что-то из Стивенсона, из Вальтера Скотта...

А вот как пахнет подтаявший мартовский снег, как летят журавли над полями и где надо собирать белые грибы, так называемый шотландец Яков Брюс знал далеко не теоретически. Так кто же он?!

...Очень хорошо высказался по этому поводу Александр Небольсин, внук того самого офицера, который дал с «Авроры» легендарный пушечный выстрел, знак начинать штурм Зимнего дворца. Когда к нему, году в 1995-м, подступила советская шатия — мол, подскажи, что же нам теперь делать?! Он пожал плечами и ответил с полной определенностью:

— Ну чего вы прицепились к американцу русского происхождения? Пора научиться самим решать свои проблемы...

Третье поколение живущих в США, Небольсин не кто иной, как «американец русского происхождения».

Вероятно, примерно так же мог ответить шотландцам на вопрос, восставать ли им против новой династии, и потомок шотландских королей, русский шотландского происхождения — Яков Брюс. Все его привычки, привязан-

ности, бытовые наклонности — чисто русские. И даже женился-то он на лютеранке, но отнюдь не на шотландке, а на прибалтийской немке. Даже останься в живых обе его дочери — потомки Якова Брюса уже не были бы чистокровными этническими шотландцами.

Но все это — объяснение того, почему Яков Брюс любил Москву, но не объяснение причин, по которым он не любил Петербурга. Это тем более странно, что сама личность Якова Вилимовича удивительно соответствует петербургскому ландшафту, особенностям петербургской культуры, образу жизни этого удивительного города.

Но в том-то и дело, что Яков Вилимович, умерший в 1735 году, «соответствовал» вовсе не тому Петербургу, которому был современен.... А тому городу, который возник не раньше конца XVIII века, который мы, по существу, и знаем под этим названием. Во времена Якова Брюса не было этого Петербурга, а вписаться в жизнь «регулярного» феодально-полицейского города ему было несравненно труднее, чем в быт феодально-патриархальной Москвы.

БРЮС-ЧЕРНОКНИЖНИК

Не менее интересна и репутация Якова Вилимовича — причем репутация и прижизненная, и посмертная — репутация чернокнижника и колдуна.

О том, что такое колдовские книги Брюса, можно сказать довольно уверенно, потому что его библиотека передана в архив Академии наук — книги это голландские, немецкие и английские. То, что эти книги так легко принимали за колдовские сочинения, написанные на неведомом языке, доказывает только высокий культурный уровень и обширные познания тех, кто окружал Якова Брюса и видел эти книги — не более.

А колдун почему?! А откуда бесконечное количество историй про Брюса-волшебника?! Тут тоже ведь можно предположить совершенно материалистическое объяснение вопроса, без привлечения любых мистических предположений.

Во-первых, Яков Брюс занимался вещами непонятными и непривычными: смотрел в небо, на звезды, через «стеклянный глаз» (телескоп). Читал книги на «незнакомых языках». Ставил химические эксперименты, пугая до полусмерти прислугу зрелищем меняющих на глазах цвет, «кипящих без огня», удивительно пахнущих растворов в разноцветных колбах, самого что ни на есть «волшебного» вида.

2. Результаты его деятельности тоже были непонятны и непривычны. Некоторые из них, и притом самые важные — например, усовершенствование состава орудийной меди или расчет движения планет вокруг Солнца, попросту не были известны широким слоям населения и даже широким слоям служилого сословия — да их это и не интересовало.

Что было известно о плодах деятельности Брюса? То, что он рассчитал затмения Солнца на сто лет вперед (легендарный «Брюсов календарь»). Что он перевел и издал много еретических иноземных книг, враждебных «истинному православию». Что он много раз давал царю странные советы, которые почему-то всегда оказывались верными.

Чтобы правильно оценить такого рода плоды учености Якова Вилимовича, у московитов того времени попросту не было необходимых интеллектуальных и культурных представлений.

3. ...Потому что Московия духовно продолжала жить в Средневековье, и московитам гораздо ближе и понятнее был образ колдуна в балахоне, расшитом звездами, чем типаж ученого Нового времени. Знания им куда проще было объяснить получением их от каких-то потусторонних существ, чем увидеть в них плоды собственного учения и собственного труда.

4. Сам Яков Брюс словно бы прилагал немалые усилия, чтобы соответствовать «имиджу» колдуна и черно-книжника. Например, он упорно работал по ночам. Работать по ночам вообще любят многие ученые — ночью все (в том числе и члены семьи) уже спят и не путаются под ногами. Ночью тихо. Ночью никто не прибежит, никуда не позовет, не нарушит уединения и не возмутит спокойствия. Ночью человеческое сознание работает не совсем

так же, как днем, — растормаживается подсознание, и самые смелые идеи, самые безумные образы, самые неожиданные сравнения возникают, как правило, после 12 часов ночи. Если надо делать творческую работу — нет времени лучше ночного!

У ученых много причин любить ночь. Но попробуйте объяснить это рядовому москвичу, который оказывается неподалеку от Сухаревой башни далеко за полночь и видит в окнах «кельи колдуна» неверный зеленовато-синий свет, слышит мерное звяканье колб (как шаги неведомого существа!), ловит носом зловоние химикалий... По Москве, потом и по всей России, пошли слухи о Брюсе-черно-книжнике, потом эти слухи оформились в замечательные фольклорные истории. В этих историях есть несколько повторяющихся сюжетов.

1. Яков Брюс делает человека из цветов.

Яков Брюс делает служанку — почему-то уточняется, что «из цветов». Служанка — ну совсем как человек, только вот говорить не умеет. Жена Якова Брюса начинает ревновать: «А все равно не без того, что ты с ней живешь». Ну и доводит наконец до того, что он вынимает у служанки из волос заколку — и девушка рассыпается ворохами цветов.

2. Яков Брюс делает железного орла, который умеет летать. В одном из вариантов легенды он даже улетает на этом орле «неведомо куда» от ополчившегося на него царя Петра.

3. Яков Брюс изобретает эликсир для оживления и дает царю пузырек с этой жидкостью — на всякий случай. После смерти он становится нужен царю — некому больше дать ему совет. И тогда царь вскрывает гробницу Брюса; труп Брюса совершенно не разложился, царь капает эликсиром и получает нужный совет от ожившего Брюса...

Я очень советую читателю найти книгу Е. Баранова, давшего себе труд записать московские легенды (в том числе о Якове Брюсе), ходившие еще в 1920-е годы в Москве¹.

¹ Баранов Е.В. Московские легенды, записанные Евгением Барановым. М., 1993.

А кроме народных легенд, о Брюсе рассказывали и сочиняли множество историй — и о том, что он масон высшей степени посвящения и даже глава всех русских масонов. И что умел летать по воздуху (это уже не полуграмотные мужики рассказывали, а вроде бы народец образованный). Есть даже рассказец XIX века, где Яков Брюс и после смерти сидит в некоем здании в Москве, раскладывая пасьянсы судьбы, определяя, кому как жить, на ком жениться и куда ехать. Рассказывается, предупреждаю, совершенно серьезно!

Не говоря о том, что «Брюсов календарь» дописывался уже после него, но всевозможные мистические расчеты, в какой день лучше «баталию творить», «мыслити начинать» или «власы стричь», тоже приписывались Якову Брюсу....

Собственно говоря, Яков Брюс не первая жертва человеческой дурости и невежества. В числе таких жертв, безвинно ославленных колдунами, европейская история знает не только богатых купцов, горожан, преподавателей университетов, богатых мужиков, охотников, дровосеков, потомков королей и самих королей (среди королей, как ни странно, порой попадаются довольно умные), но есть даже один папа римский.

...Про Иннокентия II рассказывали, что он продал душу дьяволу и по ночам колдует в старой башне (знаете колорит? — А. Б.). Для колдовства «черный папа» читает бесовские книги, написанные на неведомом никому языке, а окна этой башни по ночам освещаются сине-зелено-голубым пламенем, и башня содрогается, камни стучат друг от друга, когда там появляются неведомые существа.

Иные даже видели своими глазами, как папа с сине-зеленым лицом приплясывал и пел под утро, возвращаясь из этой башни, и якобы порой он лежал по утрам в странном оцепенелом состоянии, и добудиться его было невозможно.

Рассказывали также, что, когда погребали покойного папу, когда гроб стоял в соборе Святого Петра, вдруг у изголовья гроба появился некто, закутанный в черный плащ с головой. Свечи стали вдруг светиться синим и зе-

ленным, холод и зловоние поползли от этой фигуры. Хотели поднять руку, чтобы сотворить крестное знамение, — ни одна рука не поднялась. Хотели спросить незнакомца, кто он такой и откуда явился, — никто не смог открыть рта.

А потом незнакомец исчез, но там, где он стоял, остались два оплавленных в камне следа, напоминающих по форме копыта.

Что касается следов — то они сохранились и по сей день, следы копыт может видеть всякий желающий. В эту часть истории просто приходится верить. А вот насчет книг... Дело в том, что все книги папы Иннокентия II хранятся в библиотеке Ватикана и совершенно доступны. Одна из них написана на иврите, четыре — на арабском, а все остальные, до десятка, — на греческом языке. Каким надо быть фантастическим неучем, чтобы говорить о «неведомых языках», — я даже и обсуждать не хочу.

Да и странное поведение папы тоже может иметь малопочтенное, но очень материалистическое объяснение: один из приборов, которые создал ученый папа, судя по рисункам, очень напоминает самогонный аппарат. Нет, я ничего не утверждаю, ни на чем не настаиваю и папу ни в чем не обвиняю. Я только говорю, что прибор похож на самогонный аппарат, и ничего больше, — причем похож с моей, предвзятой и, вероятно, порочной, точки зрения.

Впрочем, вернемся к Брюсу — крупному ученому, оплавленному колдуном.

БРЮС И ПОИСКИ ВЫХОДА

Несомненно, Яков Брюс — это как раз тот человеческий тип, которого очень не хватало в Российской империи после смерти Петра. Человек самостоятельный, умный и властный, он был бы способен если не сразу «вывести» страну из тупика, то, по крайней мере, мог бы этому очень способствовать. Причем вполне очевидно — как раз для него слова про долг, честь, ответственность вовсе не были пустыми сотрясениями воздуха.

Он не был востребован? Но в Российской империи после смерти Петра и не было верховного арбитра, который мог бы кого-то и куда-то «востребовать». Воцарилась анархия, в которой каждый «востребовал» сам себя так, как считал нужным. Почему же он не пытался отгеснить от власти временщиков, интриговать, добиваться возвращения Российской империи на естественный путь развития?

Если правда, что он масон, — то почему не искал другого выхода, подходящего для его организации?! Опыт жизни говорит, что любители строить «регулярные государства» никогда не разочаровываются полученным негативным опытом. Вместо «парадиза», рая на земле, «почему-то» получился концлагерь, сумасшедший дом, экологическая помойка? Это все виноваты неумелые строители. А теперь-то у нас есть опыт! Или другой вариант: это попались неправильные подопытные кролики, недостаточно идейные; теперь мы возьмем таких, как надо. Одним словом, за дело, товарищи, — надо строить «правильное» и совершенное «регулярное государство», очередной рай на земле — теперь уже с учетом ошибок.

Но ведь Яков Брюс не делает и этого, и его масонство от этого становится еще более сомнительным. Почему он не старался построить «правильное регулярное государство»? Почему после смерти Петра Яков Брюс не стал делать решительно ничего? Вообще ничего. Сразу же, резко он отошел решительно от всего, стал меньше бывать даже в своей любимой Берг-коллегии и почти прекратил общение со всеми остальными «птенцами гнезда Петрова». Все они как раз активнейшим образом «тусовались», стараясь сделать карьеру, набрать очки и вместе с тем боясь выпускать друг друга из виду. А Яков Вилимович, наоборот, изо всех сил старался отойти от дел и сидеть как можно тише.

Разумеется, долго такое положение вещей не могло продолжаться.

Сохранилось две легенды, связанные с отставкой Якова Вилимовича. Первая легенда состоит в том, что «птенцы гнезда Петрова» стали роптать: где, мол, Яков Брюс?!

Почему не бывает нигде, не общается с другими, отошел от активной жизни? Возможно, зловонными «птенчиками» двигал и страх перед Брюсом. Он ведь умен, значит, и гадостей наделает масштабных и вообще станет самым главным...

Убедившись же, что Брюс им не опасен, остальные «птенцы» стали его есть: мол, понимаем, почему он нигде не бывает, — постарел, силы не те. Наверное, ему уже тяжело начальствовать над коллегией, и не пора ли ему в отставку?

Якобы именно эти разговоры и стали толчком для отставки Якова Брюса.

Вторая легенда еще пикантнее. По этой легенде, Меншиков вымогал взятку у Брюса — обещал, что если тот «поклонится» ему, то тот за Брюса «замолвит словечко», не даст отправить его в отставку. А когда Брюс взятки не дал, сделал Екатерине доклад — мол, пора отстранять от дел постаревшего, обрюзгшего «Вилимыча».

Впрочем, это легенды. Достоверно известно, что Екатерина никогда не требовала от Брюса отставки, а когда Яков Брюс вручил царице прошение об отставке, она заплакала:

— И ты, Вилимыч, меня покидаешь?! С кем останусь?!

Была ли причина этих слез чисто алкогольная или царице и правда было страшно оставаться без таких, как Брюс, сказать трудно. Фактом является и то, что Брюса ее слезы не разжалобили, он на своей отставке настоял. В 1726 году Екатерина отправила Брюса в отставку в чине генерал-фельдмаршала, и он поселился в своем «имении Глинка» под Москвой. Сейчас это Щелковский район Московской области.

Разумеется, причиной отставки было что угодно, но не старость. Не старость же была причиной, по которой Яков Брюс не стал активничать после смерти Петра, а наоборот, ушел в тень. Яков Брюс родился в 1670 году — значит, в 1726 году ему было 56 лет. Не юноша, но и не развалина. А последние 9 лет своей жизни, уже в деревне, он тоже жил вовсе не как расслабленный старец: постоянно ездил в Москву, вел активную переписку, ставил какие-то опыты, пополнял свою коллекцию минералов.

Между прочим, активнейшему интригану графу Толстому было на 25 лет больше — он родился в 1645 году, и старость вовсе не мешала ему интриговать что было сил (до чего он, бедняга, доинтриговался — это уже второй вопрос).

Вот что очень любопытно, так это то, что Яков Брюс пережил остальных «птенцов гнезда Петрова» — все они кончились быстро и бесславно, кроме Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, но это уже человек совсем другого поколения, родившийся в 1693 году. Если бы А.П. Бестужев-Рюмин не достиг положения ни много ни мало канцлера, никто не стал бы называть его «птенцом гнезда Петрова», — ведь очевидно, что в близких отношениях с Петром он никогда не состоял и к числу людей, определявших политику при Петре, никак не входил.

Если же взять этих «входивших», то к 1735 году, когда в своей деревне мирно, приобщившись Святых Тайн, скончался Яков Брюс, из этого сверхузкого кружка в живых оставалось, кроме него, двое: Павел Ягужинский, которому оставался год жизни, и хитрый вестфальский немец Андрей Остерман — этот доживет аж до 1747 года и умрет в ссылке, в Березове.

Получается удивительная вещь — выходит, Яков Брюс вел себя крайне разумно — как раз так, как надо для самосохранения.

Между прочим, ни одно исследование — ни дореволюционное, ни советского времени, не пытается объяснить — почему вдруг такая быстрая и легкая отставка?! Посвященных ему лично книг почему-то я не нашел, но упоминается он в большом количестве исследований¹.

Действительно, почему он так легко отошел от активной политической жизни после смерти Петра?

Возможных причин я вижу три, и пусть читатель сам судит, какая из них вероятнее.

1. Испугался борьбы с Меншиковым, интриги всех против всех, ведущейся на уничтожение друг друга.

¹ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959.

Если так — он предвидел дальше, чем другие, и поступок его — действительно самосохранение в чистом виде.

2. Помешала интеллигентность, ум, культура. Люди его уровня не занимаются грязными интригами... по крайней мере, не хотят ими заниматься, если есть возможность отойти в сторону... У Якова Брюса такая возможность была.

3. Получив все, что хотел, Яков Брюс больше не стремился к стяжательству. До смерти Петра он не мог отойти от дел, а тут смог и с чистой совестью предавался в своих Глинках ученым занятиям.

В любом случае, это был как раз тот человек, который был необходим для поисков выхода из тупика. И как раз именно он оказался совершенно не востребован!

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Вообще надо сказать, компания «птенцов гнезда Петрова» подобралась мало того, что зловонная и дурная, так еще и на редкость нежизнеспособная: и недолговечная, и не оставившая потомства. Стоило скончаться Петру, как члены этого кружка передрались, предали друг друга и начали помирать один за другим.

И в потомках эти люди бесплодны. Если читатель сочтет, что я злопыхатель и клевету на прекрасных людей — пусть он назовет мне кого угодно из Меншиковых, Ягужинских, Головиных, Бутурлиных. Назовите хотя бы одного известного государственного деятеля, славными своими делами, ученого, писателя, художника, военного, путешественника — словом, по заслугам знаменитого человека, происходящего от одного из этих людей. От тех, кто обязан Петру самим своим существованием.

Мелькнул Меншиков — министр военно-морского флота при Николае I... Но чем он славен? Тем, что Николай хотел любой ценой иметь «своего» Меншикова при дворе? Чтоб у него все было, как у Петра? Или тем, что министр всеми силами препятствовал заведению в Российской империи пароходов? Чем славен этот николаевский министр? И стал бы он не то что министром,

а хотя бы столоначальником, не носи он историческую фамилию?

Мелькнул еще один Меншиков — ведущий публицист газеты «Новое время» в 1901—1917 годах, — махровый шовинист и мракобес, маниакальный антисемит, злобно призывавший (вот ведь поворот судьбы!) в допетровскую Русь, клеймивший «реформы Петра» как жидомасонское наущение. Не будь он расстрелян большевиками в начале 1918 года, вряд ли его помнили бы сейчас. Теперь же — какая-никакая, а жертва.

Вот и все... Вот и все «великие» люди семьи Меншиковых за двести лет нашей имперской истории (у Головиных и Ягужинских и того нет).

А в то же самое время «консервативное боярство» — Долгорукие, Голицыны, Толстые буквально в каждом поколении продуцировали ярких, увлеченных, осмысленных людей, каждого из которых есть причины помнить и сегодня.

В.В. Мавродин не зря включает петровского выдвиженца Якова Брюса в группу представителей «старых родов». Причина тут не в королевской крови, и даже не только в идейной и культурной близости. Историческая судьба и шотландских, и российских Брюсов несравненно ближе к судьбе Голицыных и Толстых, чем Меншиковых.

Дети Якова Брюса от Маргариты фон Мантейфель умерли в младшем подростковом возрасте. Могила Якова Брюса в Немецкой слободе, в лютеранской церкви Святого Михаила, потеряна. Брюс разделил судьбу русского дворянства, с маниакальным упорством истребляемого большевиками — даже в могилах.

Более поздние российские Брюсы происходят от младшего брата Якова, Роберта Вилимовича Брюса. У Роберта Брюса, ставшего в русской службе Романом Вилимовичем, был сын Александр, родной племянник Якова. Сына Александра называли Яковым, в честь двоюродного деда. Умер Яков Александрович в 1791 году, и род русских Брюсов по мужской линии пресекся. Впрочем, и эти Брюсы графами не были.

В середине XIX века одна из семей, по женской линии происходившая от тех, знаменитых Брюсов, вернула себе родовую фамилию, но в «обрусевшей» форме — Брюсовы. В XX веке эта семья вспыхнула двумя даровитыми людьми — археологом и писателем и поэтом, Валерием Брюсовым¹.

Оба знаменитых брата умерли бездетными, но у них было три сестры, и у всех были дети... Кровь шотландских королей течет в людях из нескольких семей русской интеллигенции.

А шотландские Брюсы многочисленны, невероятно активны. Уже в XX веке из них вышел знаменитый исследователь Антарктиды Вильям Брюс, изучавший море Уэделла и его берега, в 1913 году предложивший трансантарктический маршрут от моря Уэделла к морю Росса. Настолько смелый маршрут, что прошел ими только в 1857—1858 годах В. Фукс.

Известен еще и поэт-националист Роберт Брюс, в своих поэмах сводящий счеты с англичанами за победу при Марстон-Муре и прочие обиды трехсотлетней давности. Знающие люди говорят, впрочем, что поэт он хороший, даром что помешан на реванше.

Ну и несколько десятков Брюсов — врачей, преподавателей в колледжах и университетах, предпринимателей, инженеров. Интеллигентный шотландский род, известный уже восемь столетий.

¹ Брюсов В.А. Собрание сочинений в семи томах. М., 1973—1975.

Часть III

**ПОСЛЕДСТВИЯ
ПРАВЛЕНИЯ
АНТИХРИСТА**

Начало кладет отпечаток на всякое явление.

Аристотель

Глава 1

СЫН АНТИХРИСТА

А от любви бедный
Сыночек будет бледной.

Б.Ш. Окуджава

Разумеется, всякое историческое деяние немедленно обрастает легендами. Чем большее влияние на современников оказало событие, чем сильнее оно изменило историю, тем больше и мифов, разумеется. За 36 лет правления Петра население России уменьшилось на 20%, а пережив очередную Смуту, страна стала жить совершенно в других измерениях, по совершенно иным правилам. События Петровской эпохи производили колоссальное впечатление и на современников, и на их близких потомков. Несколько поколений Россию колотило и трясло, как человека, пережившего сильную болезнь. Естественно, о Петре и деятелях его эпохи ходит просто фантастическое число самых разнообразных историй. И про то, что Александр Меншиков в детстве торговал пирогами. И что Петр с младенчества проявлял необыкновенные способности. И что Антихристом кликали его только старообрядцы, а вся страна, кроме кучки дураков и маниакальных консерваторов, прямо-таки жаждала его реформ.

Но, кроме этих легенд, сравнительно невинных, есть несколько очень опасных мифов. Опасных потому, что каждый из них — это дымовая завеса над кровью и грязью эпохи. Оставь эти мифы, не трогай — и весь официаль-

ный миф петербургской эпохи становится чем-то вполне реальным. Вынь эти мифы, подвергни их критическому разбору — и от всего мифа о Великом Реформаторе не остается камня на камне, а розовое сияние превращается в грязную пену. Это — главные, центральные мифы Петровской эпохи; мифы о царевиче Алексее, о Екатерине I и о «сподвижниках Петра».

СУДЬБА СЫНА АНТИХРИСТА

Казнь отцом собственного сына не может не привлекать внимания общества. Это совсем не тот предмет, к которому люди могут остаться равнодушными. Казнил Петр одного из любовников жены, Виллима Монса. Одни посочувствуют Монсу, другие Петру, третьи злорадно ухмыльнутся, четвертые одобрительно кивнут: а вот не лезь к чужим женам! Но, во всем многообразии оценок и мнений, вряд ли хоть кто-то сопоставит эту казнь и приговор царевичу Алексею. Люди вполне готовы допустить, что и Виллим Монс, и сам Петр были вполне приличными, нормальными людьми. Виллим сыграл в рискованную игру, проиграл, расплатился по законам эпохи. Здесь вполне может с обеих сторон не быть негодяев и монстров — только азартные игроки, способные поставить на кон собственную жизнь.

Если же отец казнит сына — тут не может быть двух людей, столкнувшихся в такой игре. Нет тут жестокой и грубой, но нейтральной в моральном отношении жизненной игры. Тут или сын — чудовище, от которого спасся отец; или наоборот — есть чудовище отец, и жертва — его собственный ребенок. Чтобы общество приняло эту казнь как неизбежность и сохранило бы уважение к отцу, не отшатнулось бы от него в ужасе, сын должен быть опасен, а по возможности — и отвратителен. Таким, чтобы люди отшатнулись бы уже от сына, сочтя его уничтожение необходимостью.

Именно так и трактовали Алексея виднейшие русские историки — от современников Петра до С.Ф. Платонова и В.О. Ключевского.

В.Н. Татищев попросту называет Алексея «изменником», не утруждая себя доказательствами: наверное, ему они и не нужны. Называет, как само собой разумеющееся.

С.Ф. Платонов приписывает Алексею Петровичу «дореформенные вкусы и взгляды, дореформенное богословие, стремление к внешнему благочестию, созерцательному бездействию и чувственным удовольствиям» и подытоживает: «дряблая натура, не любившая отца»¹.

С.М. Соловьев все-таки более обтекаем: «Царевич Алексей Петрович был по природе своей именно представителем этих образованных русских людей, которым деятельность Петра так же не нравилась, как и раскольникам... Царевич Алексей Петрович был умен и любознателен, как был умен и любознателен его дед — царь Алексей Михайлович или дядя — Федор Алексеевич; но, подобно им, он был тяжел на подъем, не способен к напряженной деятельности, к движению без усталости, которыми отличался отец его (цена этого «движения без усталости» и «напряженной деятельности» — симптом невроза. — А. Б.); он был ленив физически и потому домосед, любивший узнавать любопытные вещи из книги, из разговора только; оттого ему так нравились русские второй половины XVII века, оттого и им он так нравился. ...царевич Алексей, похожий на деда и дядю, был образованным, передовым русским человеком XVII века, был представителем старого направления; Петр был передовой русский человек XVIII века, представитель иного направления: отец опередил сына! Сын по природе своей жаждал покоя и ненавидел все то, что требовало движения... отец... во имя настоящего и будущего требовал от сына внимания к тем средствам, которые могли обеспечить России приобретенное ею могущество, а для того нужна была практическая деятельность, движение постоянное, необходимое по значению русского царя, по форме русского правления. Вследствии этих требований, с одной стороны, и естественного, неодолимого отвращения к вы-

¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 538.

полнению их — с другой, и возникали изначально печальные отношения между отцом и сыном, отношения между мучителем и жертвою, ибо нигде нет большего мучительства, как требование переменить свою природу, а этого именно и требовал Петр от сына»¹.

В общем, Алексей тоже человек неплохой, все дело в природе обоих, что тут поделаешь, но Петр, конечно же, куда более «передовой», чем его сын... Это еще очень мягкая, необычно терпимая к Алексею оценка, потому что в петербургский период нашей истории неукоснительное оправдание Петра и крайне отрицательное мнение об Алексее сделалось официальной точкой зрения.

«Петр не имел возможности, среди постоянных тревог и забот, заняться воспитанием своего сына, Алексея Петровича. Лица, окружавшие царевича в юности, были враждебно настроены против Петра и царевичу сумели передать свою нелюбовь к Великому Преобразователю и его деятельности. Царевич постоянно оказывал отцу пассивную оппозицию, уклонялся, по возможности, от участия в делах государственных и, наконец, решился вступить даже в открытую борьбу с отцом: он бежал за границу, ко двору императора Германского, Карла VI, и отдался под его защиту. Петр сумел вернуть сына в Россию и поступил с ним чрезвычайно сурово: предал его суду из высших сановников государства, которыми царевич был присужден к смертной казни; но скончался ранее исполнения приговора от тех волнений и нравственных мучений, которые перенес во время розыска (26 июня 1718 г.)»².

Это придворная позиция, в которой аккуратнейшим образом обойдены все острые углы и смягчены все противоречия; в которой не договорено все, что позволило бы поставить эту позицию под сомнение... Эта позиция и легла в основу всего, что говорилось о конфликте Петра и Алексея и в петербургское, и в советское время.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга IX. М., 1963. С. 109.

² Егер О. Всемирная история в 4 т. Т. 3. СПб., 1894. С. 503.

Причем ведь абсолютное большинство образованных людей эту позицию разделяло.

В.О. Ключевский писал вполне всерьез, что Петр во имя своего «великого дела» «пожертвовал и сыном, и естественным порядком престолонаследия».

Или возьмите классическую картину Николая Николаевича Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Эта картина так соответствовала основной общественной установке на Алексея и Петра, что ее приводили во всех учебниках истории и непременно использовали на одном или двух уроках, посвященных петровскому времени.

Столкновение двух людей у Ге откровенно дано как столкновение двух исторических сил... Дело тут явно вовсе не только семейное. Как праведен, как уверенно-прав на картине царь! И как скрытен, труслив, подловато-малодушен царевич! На него посмотреть — и сразу видно, что дело его неправое и нечестное, что сделал он какую-то несусветную гадость и попался на ней, что по трусости и подлости характера не решается в них признаться и что сердитому, но вызывающему сочувствие Петру придется еще долго возиться, выжимая из него «показания» о совершенных им больших и маленьких пакостях. Талантливый художник, Ге прекрасно доносит до зрителя именно такое понимание ситуации.

В советское время повторяли эту пришедшую из XVIII века версию, сопровождая назидательными аналогиями со сталинским отказом обменять своего сына на Паулюса. Вот, мол, как поступил Петр I, пожертвовал сыном во имя великого дела, так же поступил и великий патриот товарищ Сталин.

Но стоит всмотреться поближе в обстоятельства дела, и происходит то же самое, что стряслось в свое время с Пушкиным и Толстым: неизбежна переоценка ценностей.

Не только потому, что ни первую жену, Евдокию Лопухину, ни сына от нее Петр не любил и Алексея никогда не воспитывал. Он и детей от второго брака практически никогда не ласкал, не разговаривал с ними, никогда ничему не учил. Касалось это не только законных детей от по-

стоянных жен, но и так называемых бастардов. Общее число известных бастардов Петра I достигает по крайней мере 90 или 100 человек. Число неизвестных детей Петра, очень может быть, еще больше.

Скажем, профессор Санкт-Петербургского университета Окунь на своих лекциях бросил как-то фразу, что «всех, конечно, никогда не учтем, но за несколько сотен наука ручаться может». Речь шла о том, что мы имеем сведения только о бастардах Петра от дворянок и вообще от женщин из верхушки общества, из среды, умевшей писать и читать. А то, что Петр отнюдь не брезговал и крестьянками, и солдатскими проститутками, есть множество свидетельств. Об этом говорит хотя бы уже история с Мартой Скавронской, ставшей императрицей, если уж на то пошло.

Всех своих детей, огромную по численности безотцовщину, Петр никогда не признавал, никогда не помогал никому из них. Неоднократно Петр высказывался в том духе, что если, мол, наследничек способен хоть к чему-то — сам пробьется, «поднимется», и помогать ему не нужно. Некоторые и «пробились», например Румянцев-Задунайский. Большинство, конечно же, не «поднялись из ничтожества» — особенно дети женщин из «простонародья».

Довольно забавная мысль: в современной России, да и не только в России, наверняка живут люди, происходящие от Романовых по прямой мужской линии, но не имеющие об этом ни малейшего представления! Было бы интересно и поучительно, во-первых, посмотреть на реакцию людей, которые вдруг узнали бы: во мне царская кровь! Во-вторых, интересно было бы учесть права ВСЕХ этих потенциальных претендентов на трон.

Итак, Петр I никогда не общался со своими детьми — брачными или внебрачными — и, судя по всему, никого из них не любил. Какие-то чувства он как будто проявлял к быстро умершим сыновьям от Екатерины, Петру и Павлу — во всяком случае, их он еще младенцами брал на руки, звучно целовал в попки, приказывал придворным кричать «виват» своим наследникам. Но с чем мы тут имеем

дело: со святыми отцовскими чувствами или с политическим действием? С заявкой на то, чтобы гвардия и придворные с момента появления на свет этих детей знали бы их как наследников престола? Бог весть...

Во всяком случае с младенцем Алексеем, с сыном в возрасте 5, 6 или 10 лет, Петр никогда не общался, и, судя по всему, царевич Алексей долгие годы его совершенно не интересовал. После отправки Евдокии Лопухиной в Суздаль, в монастырь, Алексея разлучили с матерью, и он стал жить у тетки, царевны Натальи Алексеевны. Было ему тогда 8 лет.

Лишь в 15 лет царевич Алексей получил «повеление» (вот так! Повеление! — А. Б.) явиться ко двору. С этого времени Петр его особенно не выделял, но требовал разделять свои интересы и служить не просто старательно, а с рвением. Не надо быть ни царем, ни императором, чтобы понимать — Петр требовал психологически невозможного. До «вызова» ко двору, где давно царила другая жена отца, Алексей видел отца всего несколько раз. Они не переписывались. Отец никогда не говорил с Алексеем и не интересовался, о чем он думает, что читает и чем занимается. Требовать от этого совершенно заброшенного парня, чтобы он любил отца и был ему предан, тем более предан идее «петровских преобразований», было просто вопиющей бессмыслицей.

Судя по всему, отца Алексей и правда не любил и побаивался, да еще и сильно комплексовал по этому поводу. Психологически это ведь не так-то и просто — не любить собственного отца. Но ничто не показывает его малокультурным, физически хилым, тщедушным и трусливым человеком, каким рисовала Алексея и официальная историография петербургского периода, и впоследствии — советская.

Грамоте его учил образованный человек, хороший ритор Никифор Вяземский. В 1703—1705 годах Алексея воспитывал доктор права Генрих Гюйссен. По составленному им (и утвержденному Петром) плану, Алексей учил французский и немецкий языки, географию и картографию, арифметику, геометрию, упражнялся в конной езде,

фехтовании и танцах. Он хорошо стрелял, хорошо танцевал, уверенно ездил верхом. Он был несравненно лучше подготовлен к своему положению в обществе, чем его отец.

Алексей любил учиться, причем лучше всего ему давались гуманитарные науки. Алексей любил музыку, церковное пение, книги, церковную службу. Набожный человек, он хорошо знал и часто перечитывал Библию. Хорошо знал немецкий язык и со своим воспитателем, Генрихом Гюйссеном, переписывался по-немецки. Мог говорить и по-французски, но уже не так хорошо.

Кстати, и поручения Петра царевич выполнял не мелкие, и выполнял совсем не плохо. В 1708—1709 годах собирал хлеб и войска в Смоленске, ездил в Борисов и в Минск, наблюдал за укреплением Московской фортеции, отсылал в Петербург шведских «полоняников». В 1709 году он приводит к отцу в Сумы новые полки. Трудно поверить, что все это — деяния человека «негодного» и «хилого телесно».

Влияние врагов Петра? Нет, кое-что было, несомненно. Духовник Алексея, образованнейший богослов Яков Игнатъев, несомненно, был врагом Петра I. Вот был ли он врагом преобразований — тут не столь все ясно; об этом у нас никаких однозначных сведений нет.

Сохранилась такая история: однажды Петр избил Алексея, уже взрослого парня, лет 17, и тот на исповеди признался, что иногда желает отцу смерти.

— Бог тебя простит! Мы и все желаем ему смерти для того, что в народе тягости много!

Так ответил умный духовник, помогая снять с души тяжесть и объединив юношеские ощущения Алексея с бедой всего народа. Правда, и эта история позволяет давать разные толкования — чего же хотел Яков Игнатъев? Уж во всяком случае, никакого отрицания «петровских реформ» тут тоже нет. Речь идет только о том, что «тягости много», и все.

Во мнении о «дурном влиянии» на Алексея сходятся все — от В.Н. Татищева до современных, в целом достаточно объективных изданий: «Мальчик был предоставлен

сам себе и оказался в окружении людей, недовольных царем и проводимой им реформаторской политикой»¹. Но не очень легко назвать тех конкретных людей, которые окружали Алексея и были притом страшными врагами Петра I, проводимой им политики. И правда, кто это? Первые учителя, скажем, Никифор Вяземский? Герман Гюйссен?

Окружение матери? Разумеется, ее ссылка в монастырь не стала счастливым событием в жизни Алексея. Но если Петр хотел, чтобы пострижение матери не стало для парня психологической травмой, не стало бы причиной отдаления, кто мешал пообщаться с сыном? А лучше всего, постоянно с ним общаться, чтобы Алексей хотя бы пытался понять отца? Петр этого не сделал, то ли по страшной занятости, то ли из равнодушия. Он только «изволил гневаться», когда царевич Алексей, не спросив его разрешения, ездил на свидания с матерью: например, в 1707 году. Но скажите на милость, да почему он не должен был встречаться с собственной мамой?! Что за дичайшее самодурство!

Как раз после встречи Алексея с матерью Петр избил сына до синяков и рубцов; тогда-то Алексей и признался на исповеди, что порой желает отцу смерти. Но и тут — чисто семейный аспект дела, а вот что круг матери никогда не воздействовал на Алексея, не был для него сколько-нибудь значим — это факт.

Алексей поддерживал хорошие отношения с Вяземскими, из рода которых происходил его воспитатель; со своими родственниками Нарышкиными, Абрамом Лопухиным — тоже со своим родственником по матери. Да, Алексей, судя по всему, к ним ко всем хорошо относился, охотно встречался с ними. Ну и что?! Нет никаких сведений о том, что он ценил уроки этих людей или что они оказывали на него какое-то серьезное влияние.

Враждебное Петру духовенство? Это уже «теплее», но и тут, кроме Якова Игнатьева и Леонтия Меншикова, духовных лиц в его окружении найти невозможно никого.

¹ Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 258.

Тем более что Алексей не общался со странниками, юродивыми, каликами перехожими; ему охотно приписывались эти связи, но совершенно облыжно. Алексей никогда не пинал приживалок и монашек сапогами, не ругал их матом и не бил их по головам палкой, как это делал порой его отец — Великий Реформатор. Но никакого духовного влияния они на него не имели, это совершенно точно.

А эти два священника? Они были образованными людьми, с ними, знаете ли, он разговаривал. Любил он умных людей, была у царевича такая слабость.

Реакционное боярство? Враги Петра из старого московского боярства?

По крайней мере, двое таких «реакционных бояр» в его окружении были, это факт. Но предположить, что от них исходила некая «враждебность к реформам», еще нелепее, чем приписать это Никифору Вяземскому. С царевичем Алексеем и впрямь поддерживали хорошие отношения представители древних родов... Например, Яков Федорович Долгорукий, один из ближайших сподвижников Петра I. Яков Федорович полагал, что Алексей «станет монархом милостивым и разумным», выказывал ему уважение и пытался формировать ум будущего монарха.

Другой «реакционный боярин» — это один из образованнейших людей России, Дмитрий Михайлович Голицын. Дмитрий Михайлович переписывался с царевичем, привозил ему книги, вел с ним долгие беседы. Род Голицыных, давший страшного врага и конкурента Петра, Василия Голицына, был нелюбим, подозреваем во многих грехах. Содержание бесед Дмитрия Михайловича с Алексеем тут же становилось известно царю. Так вот, на «скользкие» темы не говорили вообще. Речь шла о музыке, книгах, философских теориях, изредка — о европейской политике.

В какой-то степени эти люди, высшая знать России, поддерживали хорошие отношения с будущим царем просто по социальной обязанности. Но есть в их отношении нечто, выходящее за пределы вассальной лояльности. Они явно благоволили к Алексею... А ведь они и бы-

ли в тогдашней России самыми образованными людьми. И самыми опытными! Судя по всему, что нам известно, они, влиятельнейшие царедворцы и крупнейшие администраторы мира того, отлично разбирались в людях, и если их «фаворитом» стал именно этот юноша — ах, это неспроста! Не случайно никогда дети Петра от Екатерины, ни Анна, ни Елизавета, не оценивались высшей знатью так высоко. И впоследствии выяснилось, что правильно не оценивалась!

Царевич находился под влиянием старой знати... Гм... А в том ли дело, что знать это старая?! Может, есть более простая причина? Например, та, что с Меншиковым невозможно было говорить ни о музыке (Меншиков ее не знал), ни о книгах (он их не читал), ни о философии — философию Меншиков презирал устойчивым холуйским презрением; презрением лакея к «барским затеям». Те, кого называют «ближайшими сподвижниками» Петра, просто удивительно малокультурны, неинтеллигентны, необразованны и, как правило, неумны. И зависимы! Зависимы от Петра, в первую очередь. С царевичем они будут разговаривать, вообще замечать его присутствие, если только он будет в фаворе.

А вот аристократия как раз и культурна, с ее представителями есть о чем беседовать. Аристократия несравненно более независима. У нее есть время и возможность ориентироваться не на то, кому в данный момент улыбается Петр, а на более масштабный фактор: на то, что этот юноша им приятен и симпатичен. И, конечно же, на то, что симпатичный юноша рано или поздно станет русским царем.

Что Алексей не имел друзей среди «новых царедворцев», среди ближайшего окружения царя, — это факт. Но оценивать этот факт можно очень уж по-разному, и поставить царевичу Алексею это обстоятельство в вину очень непросто. Действительно, ну почему он обязан был заискивать перед слугами престола... ЕГО, между прочим, наследственного и законного престола?! Как наследник этого престола, он выбирал себе в окружение людей образованных, достойных и уверенных в себе. Тех, кто

мог помочь ему разобраться в окружающей жизни сегодня и на кого смог бы опереться, став царем в некотором будущем. Воистину, скажи мне, кто твой друг...

Это боярско-аристократическое окружение Алексея вовсе не стремилось обратно, к боярской Руси. Никто из названных и неназванных, никто из Голицыных и Долгоруких, Вяземских и Милославских, не собирался сжигать флот, забрасывать Петербург, упразднить современную армию или запрещать светское книгопечатание. Для всех этих, совершенно передовых, ни в какой степени не реакционных, людей речь шла о более плавном, более спокойном переходе к новому, без мучительной и жестокой ломки устоявшихся традиций. Без чудовищной жестокости по отношению, по сути, ко всем...

Еще одно классическое обвинение: «Добрый и снисходительный, он отличался слабым характером».

Слабость характера?! Да?!

Царевич Алексей был мягок и уступчив во всем, что не было для него принципиальным... Что скорее признак сильного характера и вообще свойство сильного, уверенного в себе человека. «Тебе хочется обойти дерево справа, а мне слева, но мне ведь совсем нетрудно обойти его справа, если тебе так приятнее...»

Но вот там, где затрагивались важные для него моменты, царевич умел идти до конца. Например, он не участвовал в пьянках отца, а если и присутствовал, вина пил немного. Не любил вина? Нет, вкус вина он знал лет с 10. Но не испытывал удовольствия, напиваясь до помрачения ума, и считал это занятие греховным.

Ну так вот — царевич Алексей на ассамблеях бывал редко, а если бывал — то пил исключительно умеренно. Легко ли быть трезвому несколько часов среди пьяных?! Желаящие могут попробовать, но спешу вас заверить, читатель, дело это исключительно тяжелое. Будь Алексей и впрямь настолько слабоболен, жалок, слаб — не выдержать ему; непременно стал бы он пить вместе со всеми, чтобы только уйти от всего этого кошмара... да и снять напряжение. А он, ославленный слабаком, несколько часов противостоит и всем запившимся, запертым в комнате

под стражей. И бешеным взорам отца. И всему духу общества, для которого ассамблея — обычнейшее дело, а не желающий принимать правила игры — опасный и глупый чужак.

Чтобы вести себя, как Алексей, необходима просто железная сила воли!

Кстати, царевич Алексей ни разу не участвовал и в собраниях любимого детища Петра: сумасброднейшего, Всешутейшего и Всепьянейшего собора.

Ну так вот — все «соратники Петра», включая потомков древних родов, тех же Долгоруких и Голицыных, хотя бы раз, но на «соборе» побывали, А царевич Алексей НИКОГДА и НИ В ОДНОМ собрании «собора» НИ РАЗУ не участвовал. Звали, тянули, приказывали, угрожали... Сказывался больным, даже укладывался в постель, но не шел.

Кстати, не здесь ли и коренится старая сказка о «недужности» и о «слабости телесной» царевича Алексея?! Эта сама «недужность» нимало не мешала ему проскакать двадцать верст верхом к своей ненаглядной Ефросинье, провести с ней ночь отнюдь не в «отдыхе телесном», а под утро опять проскакать двадцать верст и не заваливаться спать, а принимать участие в нелегких отцовских забавах.

Когда уже во время бегства за границу, где-то в Польше, на карету напали разбойники, «хилый» и «малодушный» царевич выскочил из кареты со шпагой в руках. Может быть, спас положение кучер, который закричал: мол, едет русский царь! Может быть, разбойники кинулись наутек при упоминании Петра, а не Алексея, ведь они же не знали, кто именно этот «русский царь». Зрелище матерых уголовников, панически бегущих от одного упоминания Петра... Н-да-а... Но в любом случае выскочить из кареты среди ночи, в незнакомом месте и против нескольких разбойников... Алексей выскочил и даже пытался преследовать. Ах, слабодушный и «негожий» он наш!

Складывается ощущение, что «хилость телесная» стала для царевича Алексея отличным способом отрешиваться от любых занятий, которым ему предаваться совсем

не хотелось. Способом и уцелеть — и в то же время упорно гнуть свою линию. Гнул же он свою линию чрезвычайно упорно, проявляя уж никак не уступчивость, а самый железный характер!

Кстати, о Ефросинье... Черты характера Алексея — и его хороший вкус, и его железная воля проявились, в числе всего прочего, в его личной, в семейной жизни. Задолго до официальной женитьбы Алексей увлекся крепостной своего первого учителя, Никифора Вяземского. Девушка хорошо пела в церковном хоре, первоначально это и было причиной интереса Алексея. Впрочем, очень похоже — при выборе женщины Алексей Петрович проявил такой же хороший вкус, как и при выборе друзей (что служит косвенным подтверждением — кровь Романовых в нем все-таки текла). Девушка была совсем необразованна, еле знала грамоту, но, вступив в связь с наследником престола, быстро стала учиться; известно, что она читала книги, которые рекомендовал ей Алексей. Уже в Германии она овладела немецким языком настолько, что могла переписываться с Алексеем Петровичем по-немецки.

Не забудем и того, что в начале XVIII века девушка, отдаваясь «не крученной, не венчаной», совершала поступок более чем рискованный. Общество имело полное право считать ее «падшей» и ставить на ней крест, независимо от мотивов поступка. «Падшая» девица полностью зависела только от воли и от порядочности того, с кем свела ее судьба. Церковь очень недвусмысленно пугала таких «блудниц» геенной огненной, а ведь немного было тогда на свете атеистов... Пойти на связь могла девушка совершенно распущенная, «прости господи», поставившая крест на себе и на своей женской судьбе. Или девушка, которая сильно полюбила.

Очень трудно оценивать людей через 300 лет, тем более, если не осталось ни собственноручной записки Ефросиньи, ни портрета, если не пошел от нее никакой род — ни дворянский, ни крестьянский.

Но, во-первых, за много лет связи с Алексеем Ефросинья оставалась ему верна — притом что он за эти восемь

лет женился по воле отца и похоронил жену. Кем-кем, а распущенной женщиной она не была ни в коем случае. Это вам не вторая жена Петра, Марта-Екатерина, валяная не под одной телегой.

Во-вторых, к Ефросинье хорошо относились такие умные и опытные люди, как князь Дмитрий Михайлович Голицын или император Карл VI. Если даже предположить, что Алексей Петрович, находясь в любовном ослеплении, не замечал ее дурных свойств, то уж об этих людях такого сказать никак нельзя. Опять же — скажи мне, кто твой друг.

Очень характерная черта — уже в советское время царевича Алексея осуждали за то, что он уронил царское достоинство, связавшись с женщиной «низкого происхождения». У историков царского времени хватило ума и такта не ставить это лыко в строку Алексею. Во всяком случае, нет ничего дальше от образа реальной Ефросиньи, чем образ страхолюдной дикой бабищи, выведенной в фильме «Петр I».

Возможно, в поведении Ефросиньи и сказывались какие-то черты женщины, отнюдь не воспитанной во дворце, но, во всяком случае, император Карл VI после ужина и беседы в обществе Алексея и Ефросиньи нашел, что она «вполне соответствует своему положению в обществе». Император, как видите, оценивал личные качества, а не голубизну крови женщины, с которой бежал за границу Алексей... Воистину — нет страшнее ревнителя сословных приличий, чем вчерашний холуй, забравшийся на место барина.

Но обратите внимание — какая завидная верность! Алексей совсем молодым, лет в 20, выбрал девушку по сердцу и оставался ей верен до самого своего конца, до 28 лет.

Вообще-то наследники престола Российского вполне могли жениться на русских боярышнях. Но, во-первых, то на боярышнях, а вовсе не на крепостных крестьянках, пускай и хорошо поющих. А во-вторых, времена меняются, и Петр желал родниться со всей Европой. Сыну он в 1711 году велел жениться на Софье-Шарлотте, крон-

принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской, свояченице австрийского императора Карла VI («в ее роду все были короли...»). Алексею принцесса не нравилась, он просил отца его «уволить», потом просил разрешения выбрать из нескольких невест. Петр остался непреклонен и заставил сына жениться по своему выбору.

Брак отнюдь не был фиктивным, и в 1714 родилась дочь, Наталья, в 1715 году — сын Петр. Но вот ведь что интересно... Опыт показывает, что для большинства людей поговорка «стерпится — слюбится» оказывается вполне реальной. Даже в безлюбом, навязанном браке они привыкают друг к другу и «успокаиваются».

А вот Алексей все эти годы не оставлял Ефросиньи! У него не было в заводе никаких «стерпится — слюбится». Это был мужчина, делающий свою жизнь и судьбу так, как он сам хотел, а не как ему навязывали отец, законы и обстоятельства. Нет, царевич Алексей Петрович был каким угодно, но только не слабовольным человеком! Он обладал просто железной волей и колоссальной психологической жизнеспособностью...

Еще одно излюбленное обвинение: царевич Алексей не был «натурой деятельной»... Тут только руками разведешь! А что, у царевича была возможность показать себя в деятельности?! Остается разве что связать человека по рукам и ногам, бросить на землю, а потом удивляться, чего это он не ходит, как все люди?!

В том-то и дело, что если царевич Алексей делал что-нибудь, то делал-то совсем неплохо. Вот только возможностей показать себя отпустила судьба царевичу очень немного...

Недобрый миф сторонников Петра разоблачают даже портреты царевича. На них видно лицо умного, тонкого парня с «подвижной» душой, нервного и с превосходным чувством юмора. Портреты Петра, прямо скажем, таких качеств отнюдь не отражают. Отражают скорее спесь, отсутствие ума, патологическое отсутствие чувства юмора, тупое самодовольство.

Со страниц старинных документов и с портретов встает как раз очень привлекательный образ душевно здоро-

вого и умного человека, хорошо образованного и привлекательного. Человека доброго, отзывчивого, мягкого, не склонного самоутверждаться в мелочах; человека, который не доказывал самому себе и подчиненным и зависимым свою значимость, но там, где для него возникало дело принципа, умел идти до конца (как его дед, Алексей Михайлович).

В сущности, любой зрелый мужик, испытавший себя и жизнь, хотел бы иметь сына, похожего на Алексея. Похоже, что неплохо бы иметь и невестку, похожую на Ефросинью.

Другое дело, что отец и сын сложились как люди чрезвычайно разные; настолько, что ладить им было бы трудно при совершенно любых обстоятельствах. Но все же до 1715 года отношения отца и сына были хотя и не близкими, но и без особых трений, без намеков на возможную трагедию.

22 октября 1715 года умерла София-Шарлотта. Алексей тяжело переживал ее смерть, плакал, даже падал в обмороки. 27 октября ее хоронили в Петропавловском соборе. В тот же день — не раньше, ни позже, день в день! — Петр вручает ему письмо, озаглавленное так: «Объявление сыну моему».

В этом письме впервые описан весь набор обвинений против Алексея; Петр обвиняет его в лености, в злом и упрямом нраве. Правда, ничего не требует — обвиняет, и все! Письмо датировано 11 октября. Почему Петр так медлил? Почему вручил письмо именно в такой день?!

Возможная причина в том, что 12 октября 1715 года у Алексея родился сын Петр. Екатерина же на сносях, скоро должен появиться малыш... 28 октября она рождает сына, тоже названного Петром. Итак, два Петра, сын и внук. И сын-наследник от нелюбимой жены, неблизкий и даже, по-видимому, неприятный. Второй сын, от любимой жены, с которым Петр уж не повторит ошибок молодости, воспитает его в «нужном» духе. Не воспитает сам — найдется кому ввести парня в курс дела, теперь-то Петр не одинок, за ним — целая толща сподвижников, да и его жена теперь мыслит с ним одинаково...

Так или не совсем так, с помощью Екатерины или без нее, но примерно такой выбор должен сделать Петр I — выбор между двумя сыновьями. Уже при жизни Петра мало кто сомневался, что «новая знать», в первую очередь Екатерина и Меншиков, очень старались склонить Петра именно к этому выбору, в пользу второго, младшего сына. И прежде случалось, что вторая царская жена оттесняла законного наследника, чтобы на престол сел ее ребенок. Есть веские причины полагать, что Софья Палеолог, вторая жена Ивана III, отравила его старшего сына от первого брака, тоже Ивана. Поэтому последующая династия русских царей велась от ее сына, Василия...

И что отца и брата Петра отравила Наталья Нарышкина.

Есть примеры и из истории других династий, народов и государств.

Могла ли поступить таким же образом и Екатерина? Несомненно! Причем трудно найти лучшее время для интриги, чем рождение нового наследника... Чтобы царь-батюшка не сомневался, губил бы постылого сына с чистой совестью — и без него есть кому сесть на престол... Но тут был еще один аспект... «Аспект» звали Александр Меншиков, а стояли за ним все «сторонники реформ» и «помощники Петра». Та пестрая, разномастная свора людей, которых объединяло одно — все они сделали карьеру, что называется, любой ценой... буквально выгрызли ее зубами. Все они сказочно обогатились на грабеже того, что в наши дни называется «государственной собственностью» и «бюджетом».

Для этих людей любая смена государственного курса... и даже не смена курса, строго говоря, а смена их персонально у руля этого курса означала конец абсолютно всего. Эти люди сделали карьеры не за счет своих талантов, образования, знаний или трудолюбия. Они стали царедворцами потому, что, угождая Петру, выполняли абсолютно любое его распоряжение, угадывали всякое его желание и ловили на лету любую монаршую эмоцию. Любое нелицеприятное выяснение их профессиональной пригодности не дало бы им продвинуться выше забубен-

ного армейского майора... и то в самом, самом лучшем случае. Любая серьезная проверка источников их богатства означала конфискацию состояния. Приход к власти Алексея означал бы для них то же самое, что революция для правящего класса. Личные и служебные качества этих людей были таковы, что они никак не могли бы не пасть.

А ведь за Алексеем стояли еще и всякие там... Долго-рукие да Голицыны. Непреклонные, гордые родословной, уходящей в Средневековье, с брезгливыми минами глядящие на кривляние чиновных холуев. Если у власти будет Алексей — то ведь и Дмитрий Михайлович Голицын станет не киевским губернатором, и Яков Федорович Долгорукий займет какое-то совсем другое место в государстве...

И получается так, что сокрушить Алексея Петровича, погубить его как можно вернее становится делом собственного спасения для немалой группы лиц, объединенных вокруг Екатерины и Александра Даниловича Меншикова. Позиция самого царя, все сильней не любившего сына, очень облегчала им интригу.

Не зная, как себя повести, Алексей обращается за советом к знакомым... И для зрелого человека, вошедшего в полный возраст мужчины, воевать с собственным отцом — не такое уж великое счастье. Алексею же, в конце концов, еще только 25 лет. Ему советуют отречься от престола — стало быть, расположенные к Алексею люди прекрасно понимают, с чего Петр вдруг сделался таким сердитым. 31 октября, через 3 дня после рождения Петра Петровича от Екатерины, Алексей шлет отцу письмо, в котором отрекается от престола: «А ныне, слава Богу, брат у меня есть, которому дай, Боже, здоровья».

Как видно, и Алексей вполне откровенен и называет вещи пусть и вежливо, но вполне своими именами. Вроде бы цель Петра достигнута... Но все же достигнута не совсем. Помри Петр, и множество весьма влиятельных людей не захотят и слышать об отречении Алексея! Тогда и отрекшийся Алексей может не выполнить отцовской воли после смерти Петра. Он все еще опасен Меншикову, Ека-

терине, всему их слою политических выдвиженцев. Незавидное положение у Алексея — он опасен не потому, что занимает какую-то позицию или что-то делает — не делает. Он опасен потому, что он существует на свете.

19 января 1716 года Алексей получает новое письмо Петра: «Последнее напоминание еще». В письме — те же упреки в «негодности» и требование постричься в монахи. «А буде того не учинишь, то я с тобой, как с злодеем, поступлю».

Алексей опять советуется со своим окружением... Большинство советуют — стричься в монахи! Но как нетрудно догадаться, вовсе не потому, что хотят заживо похоронить Алексея в каком-нибудь отдаленном монастыре. Цель — переиграть Меншикова и Екатерину, вывести Алексея из-под огня.

— А клубук, — откровенно заявляет Александр Кикин, — ведь не прибит к голове, можно его и снять.

Алексей высказывает желание уйти в монастырь. Вроде бы проблема решена? Не тут-то было! Царевич и правда не торопится принять постриг. Надеется на смягчение отца? Не хочет оказаться в будущем царем-расстригой, скинувшим монаший клубук? Не доверяет отцу? Как знать...

В сентябре 1716 года Алексей получает новое письмо. Письмо отправлено из Копенгагена, с требованием немедленно выехать в армию или уйти в монастырь... тоже немедленно.

Изо всех сил обеляя Петра, историки пишут такие, например, удивительные вещи: «Петр... неоднократно требовал, чтобы Алексей Петрович порвал с окружающим его реакционным духовенством и противниками проводимых Петром реформ»¹. Это — совершеннейшая неправда; в письмах нет никаких требований с кем-то «порвать» или изменить линию поведения. Вообще никаких конкретных обвинений, никаких претензий по существу. Претензии опускаются на уровень примитивной ругани. В духе «луч-

¹ Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 1. М., 1970. Статья «Алексей Петрович». С. 418.

ше будь чужой добрый, чем свой непотребный». Может быть, именно это и пугает Алексея больше всего, доказывая — что бы он ни делал, как бы ни демонстрировал свою лояльность, а спасения-то ему и нет: он существует — и тем самым обречен.

Вконец перепуганный царевич решается на побег. Доехав до Данцига (современного Гданьска), он... скрылся. Резко свернув на юг, царевич отправился в Вену, где проживают могущественные родственники его первой жены. Изменено имя — теперь в этой карете едет не царевич Алексей, а польский шляхтич Коханский. К австрийскому императору Алексей Петрович обратился с просьбой об убежище и покровительстве. Он очень откровенно объясняет, почему вынужден бежать: «Отец мой окружен злыми людьми, до крайности жестокосерд и кровожаден. Думает, что он, как Бог, имеет право на жизнь человека, много пролил невинной крови, даже часто сам возлагая руку на несчастных страдальцев. К тому же неимоверно гневлив и мстителен, не щадит никакого человека, и если император выдаст меня отцу, то все равно, что лишит меня жизни. Если бы отец и пощадил, то мачеха и Меншиков не успокоятся, пока не запоят или не отравят меня».

Потому Алексей и «пришел просить императора... о спасении жизни моей: меня хотят погубить, меня и бедных моих детей хотят лишить престола». Как видно, ни подоплека, ни приводные ремни интриги — вовсе не секрет для Алексея.

Австрийские родственники прячут Алексея в Тироле, в замке Эренберг. И вовремя! Петр, узнав от своего резидента Веселовского, что царевич в Вене, тут же посылает в этот город гвардейского капитана Румянцева (отца Румянцева-Задунайского, знаменитого победителя турок) и четырех гвардейских офицеров с приказом: схватить Алексея и преправить в Россию!

От греха подальше Алексея и Ефросинью отправляют в Неаполь и помещают в почти неприступном замке Сан-Эльмо. А по пятам за беглецами идут доверенные лица Петра: Румянцев и граф Петр Андреевич Толстой.

В сентябре 1717 года они сумели встретиться с Алексеем и передали ему письмо Петра. В этом письме Петр обещал сыну «Богом и судом Его», что никакого наказания не будет, «если ты воли моей послушаешься и возвратишься». В ход шло все что угодно: уговоры, лесть, обман. Петр Андреевич Толстой из всех сил уговаривал Ефросинью: мол, если беглецы согласятся вернуться, будут они жить тихо, в деревне, никто их не тронет.

Алексей Петрович не поддавался: видимо, очень уж хорошо представлял, с кем он имеет дело. Если бы он продержался, трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая русская история. Но тут Толстой нашел безоговорочный ход... Он сумел подкупить секретаря вице-короля неаполитанского Вейнгарда, и этот человек официально сообщил царевичу, что венский двор якобы собирается его выдать в Россию, царю Петру. В эту ложь царевич Алексей поверил, и хроника дальнейших событий такова.

3 октября Алексей заявил Толстому и Румянцеву, что он согласен вернуться в Россию, если отец «простит» его и позволит обвенчаться с Ефросиньей. Обещание было дано в виде самых торжественных клятв, и в январе 1718 года Алексей с Ефросиньей вернулись на родину.

3 февраля они были арестованы, и в тот же день Петр в кремлевском дворце объявил собравшимся сенаторам «вины» своего сына. Среди всего прочего, сенаторам заявили о существовании целого «заговора», который возглавляет Алексей. Сообщили, что в «каморе» Алексей во всем сознался и назвал «соучастников». Станным образом «соучастники», вроде бы уже «выданные» Алексеем, так и не были названы; думаю, нет смысла долго объяснять — почему это Петр проявил вдруг такую удивительную сдержанность?!

Впрочем, в тот же день, 3 февраля 1718 года, специальным манифестом Алексей отстранялся от престола как «изменник» и «заговорщик», а наследником провозглашался Петр Петрович, сын Екатерины.

Вскоре арестовали тех, на кого «показывал Алексей»: Александра Кикина, Никифора Вяземского, царевну Ма-

рию Алексеевну. Вроде бы, никогда не сообщалось, что царевич назвал Якова Игнатьева и Абрама Лопухина, но и этих арестовали.

Вроде бы цель достигнута... Но не совсем! Уж очень эфемерный, несерьезный какой-то весь этот «заговор». Если Меншиков, Петр и Екатерина хотят, чтобы им верили, надо состряпать «дело» посерьезнее. В Преображенское начинают свозить людей, имевших неосторожность быть близкими к Алексею. Интересное дело — широковецательно кричат, что царевич Алексей «заговорил» и «выдает заговорщиков» одного за другим. Но в числе этих «заговорщиков» нет ни единого действительно серьезного, крупного деятеля государства! Ни одной политической фигуры, от которой заговор мог бы приобрести хоть какое-то реальное значение. Никто не трогает Д.М. Голицына. Никто не задает ни одного вопроса Я.Ф. Долгорукому. Это ведь фигуры крупные, на них многое возложено, и брать их по явно облыжному делу нет смысла. Если бы они и впрямь пошли на заговор, пытались бы свергнуть Петра — не сносить голов ни тому, ни другому. А так, если заговор не настоящий, репрессировать пусть раздражающих, но ценных, полезных людей... стоит ли?

Можно ли представить себе Алексея Петровича, который плетет нить политической интриги, не пытаясь найти общего языка с Долгоруким, но вовлекая в заговор своего камердинера?! Дико и думать о таком.

Между тем Алексея Петровича почти непрерывно пытаются. Из пыточных камер выносят заляпанные кровью листки, пестрящие именами «названных царевичем» людей. Но все это — его камердинер, домоправитель, бывший царский денщик Александр Кикин... словом, все те же самые горе-заговорщики. Все они вызывают раздражение царя и его ближних людей, все они «годятся» на роль массовки заговора — чтобы показать, как велик был заговор, сколько предателей сплотил вокруг себя Алексей Петрович.

Пытают и всех этих «названных». Вслушайтесь в сочетание слов: «многих придворных дам били батогами». Сочетание вполне в духе «по реке плыл топор» или «обжегся

льдом». Но все это чистая правда, независимо от наших нынешних эмоций по этому поводу. В ходе следствия по «делу» Алексея Петровича многих придворных дам били в застенках батогами. Кто-то не выдерживал, оговаривал себя и других, машина начинала работать с большим размахом.

Добираются и до матери страшного преступника Алексея, Евдокии Лопухиной. К радости следователей, за ней обнаружено не менее чудовищное преступление — отправленная в ссылку в 26 лет, она завела милого друга, майора Глебова. Это не есть измена царю, вообще не прелюбодеяние — Евдокия давно уже не мужняя жена. Но далеко не все решения Петра можно считать решениями вменяемого человека. Пусть Евдокия ему не нужна и в помине — но на его собственность совершено покушение! Глебова пытаются раскаленным железом и углями, истязают кнутом, но он не дает следователям новых ниточек заговора. Может быть, он и рад спастись от мук, но сам не знает, кого называть; не понимает, чего от него хотят?!

Глебова сажают на кол под окнами кельи Лопухиной: чтоб видела! Чтобы Глебов не умер чересчур быстро, на него лично Петром, столь любившим вникать в детали, велено надеть шапку и шубу — чтобы жил и мучился. Глебов умирает 18 часов под окнами Лопухиной, постылой царицы и матери постылого царевича Алексея.

Кстати, сохранились любовные письма Евдокии к майору Глебову. Они очень теплые, заботливые, добрые показывающие далеко не пустую душу женщины, которую с легкой руки А. Толстого полагается считать чуть ли не клинической дурой. А вот Петра способность бывшей жены любить кого-то приводила в обезьянью ярость...

Александра Кикина колесуют и, чтобы продлить мучения, отрубаяют сначала руки, потом ноги, потом уже голову и сажают эту голову на кол. Колесуют и архиепископа Досифея, который хорошо относился к Лопухиной и не донес о ее связи с майором Глебовым.

Петр лично допрашивает Алексея и Ефросинью в Петергофе, куда их тайно привозят в закрытом возке.

Несмотря на все усилия, следствие заходит в полнейший тупик. Нет абсолютно никаких доказательств того, что царевич Алексей предал Российскую империю, совершил какие-то ужасные поступки. Нет даже доказательства того, что существовал сам заговор, а не то что стремления «просить войско» у австрийского императора и развязать войну австрийской империи с Россией или желания Алексея «извести» отца. Есть только уклончивые, неопределенные слова, произнесенные под пытками: «ежели бы бунтовщики меня когда-нибудь позвали», он мог бы возглавить заговор. Заметим — даже тут он не сознается в том, что его уже кто-то и куда-то звал. Так, теоретическое допущение, и то неизвестно — произнесенное Алексеем или придуманное палачами вместе с именами «заговорщиков».

Основная часть «показаний» Алексея — это клевета на самого себя. «К отцу моему непослушания и что не хотел того делать, что ему угодно, причина та, что с младенчества жил с мамою и с девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему я от природы склонный». Еще о себе Алексей сообщал, что учение ему «зело противно и чинил то с великой леностью, только чтоб время в том проходило, а охоты к нему не имел». И что он «памяти весьма лишен, и весьма силами умными и телесными от различных болезней ослаблен».

Мы уже знаем, что эти вызывающие неловкость «признания» — вранье, вранье все от начала до конца. Если такого рода галиматью выжимают из него, то только с одной целью — получить доказательства убожества, ничтожества царевича, оправдать расправу над ним. На этих «показаниях» да на вранье прямых убийц Алексея Петровича и держится недобрый миф о нем.

Следствие заходит в тупик... И тут Петр совершает поступок настолько фарисейский, настолько невероятный, что в него верится еще меньше, чем в порку придворных дам батогами. Петр направляет два письма, светским и духовным чинам империи, и просит у них совета: «Боюсь Бога, дабы не погрешить, ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в них. Також

и врачи, хотя б и всех искусней который был, то не отважится свою болезнь сам лечить, но призывает других».

Считается, что духовные иерархи ответили уклончиво: мол, пусть Петр решает сам, судить ему сына по Ветхому или по Новому Завету. Если судить по Ветхому, то Алексея надо казнить. Если же по Новому, то простить, ибо Христос простил кающегося «блудного сына» и отпустил «блудную жену». В сущности же, церковники сделали все, что возможно, воззвав к совести царя и даже к его принадлежности к церкви. Ведь если ты христианин, то и Новый Завет для тебя должен быть куда большим авторитетом. Если же судишь сына по Ветхому Завету, то получается, поступаешь по морали древних пророков, и христианство твое сомнительно...

Светские же чины ведут себя несравненно менее достойно: 127 членов особой комиссии дружно голосуют за смертную казнь Алексея. Причем в это время даже еще и обвинение не сформулировано! Сама комиссия и формулирует: мол, Алексей «намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска, с разорением всего государства». В дальнейшем именно эту формулу будут использовать для оправдания Петра и осуждения Алексея. Вот, мол, вот что хотел учинить! Но все сказанное — вовсе не результат работы следствия, не признание Алексея Петровича. Ничего подобного он о себе не рассказывал. Все это, от начала до конца, — выдумка особой комиссии, созданной Петром специально для суда над сыном.

Разумеется, всем — и Петру, и Алексею, и членам комиссии — предельно ясно, что Алексея попросту не в чем обвинить и что он ни в чем не виноват. И во время, и после заседания особой комиссии его продолжают страшно пытаться — авось он сам подскажет, как «пришить» ему обвинение в государственной измене?! Приговор вынесен 24 июня 1718 года. Но и 25, и 26 июня Алексея опять пытаются; 26 июля — в присутствии Петра. О чем шла речь на этот раз, что сказали друг другу висящий на дыбе сын и стоящий перед ним отец, нам неизвестно.

В тот же день, 26 июля, «пополудни в 6 часу, будучи под караулом, царевич Алексей преставился». По официальной версии, Алексей умер от «жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексической». Так объясняли причину смерти Алексея послам иностранных государств. В Петербурге сразу же заговорили о том, что царевич не выдержал мучений и скончался «от истощения сил». Говорили и о том, что царевичу «отворили жилы». И что Петр собственноручно отрубил ему голову. Никто не верил, что смерть царевича была естественной.

Сохранилось письмо Александра Румянцева, в котором он рассказывал, как он, Бутурлин, Толстой и Ушаков задушили царевича подушками. Правда это или Румянец захотел похвастаться доверием к нему Петра и выполнением важных поручений — сказать трудно.

Невольно возникает подозрение — а не боялся ли публичной казни Петр? Не боялся ли он того, что может крикнуть с эшафота его «слабодушный» сын? Может быть, была и прямая угроза со стороны Алексея — мы ведь не знаем, о чем говорили Петр и Алексей за несколько часов до удушения сына ближайшими подручными «отца».

На следующий день после смерти Алексея Петр принимал поздравления по случаю годовщины Полтавской битвы, потом торжественно обедал и веселился. Перед погребением Алексея он праздновал свои именины и отмечал спуск на воду нового корабля веселым фейерверком. Впрочем, Петр, наверное, и впрямь имел причины радоваться: ведь он сумел перехитрить уже вроде бы сбежавшего, уже почти спасшегося сына и убить его!

Наверное, имеет смысл сказать и о судьбе Ефросиньи. Границу Московии они пересекли врозь: Ефросинья была беременна и быстро ехать не могла. А царевича Алексея эмиссары Петра подгоняли сколько было сил: быстрее! Быстрее (вдруг одумается, не захочет возвращаться?!). Потом Ефросинью несколько раз допрашивал лично Петр: всегда отдельно от Алексея, очной ставки им не давали.

С тех пор Ефросинья исчезает из всех исторических источников. Ни одного упоминания, нигде! Алексей спра-

шивал о ней, но что отвечали ему, неизвестно. Логично предположить, что Петр «убрал» ненужного, опасного свидетеля, но историки как раз считают это маловероятным. В те времена на Руси не считалось нужным умерщвлять даже самых неприятных свидетельниц и казнить даже политических противниц. Традиция предписывала отправлять их в монастыри. Никто в сегодняшней России не знает, какую жизнь прожила и где, когда закрыла в последний раз глаза эта незаурядная женщина. На Белом ли море, в Пустозерске ли, в Суздале ли? Ефросинья просто исчезла, «растворилась», как будто ее и не было никогда.

А ребенок? О нем мы не знаем, даже родился ли он (если Ефросинью пытали — скорее всего, выкинула). Если же родился — неизвестно даже, какого он (ребенок) был пола: мальчик или девочка? Если младенца сразу же отняли у Ефросиньи и отдали в приют или в какую-то семью, то младенец вполне мог выжить, и очень может быть, его потомки — еще одна ветвь рода Романовых — существуют в России до сих пор. Забавно думать, что потомками царевича Алексея могут оказаться и автор этих строк, и почти каждый из его читателей. Приятно думать, что семья этих достойных людей может существовать в нашем мире — против воли подонка и сыноубийцы, возвеличенного в качестве умственного и духовного гиганта.

Не сомневаюсь, что не один и не двое из читателей моей книжки, особенно же люди, имеющие взрослых сыновей... вообще взрослых детей, испытывают сейчас некую неловкость... Нет, мне трудно выразить словами это томление духа! Я и сам испытываю мучительную неловкость. За то, что в подлунном мире вообще возможно такое. За то, что принял страшную смерть абсолютно неповинный ни в чем человек. За то, что небо не разверзлось. Перед тем, что у меня самого есть взрослые сыновья, и не дай Бог, от чтения всей этой ублюдочной мерзости сотворенного Петром «Великим» им самим может прийти в голову, что и их отец способен на подобное...

Мне доводилось рассказывать эту историю нескольким весьма разным людям, и все они начинали испытывать это неопределенное беспокойство... Так что, по-ви-

димому, состояние это естественное и нормальное для всякого вменяемого человека.

Петра никогда не мучила совесть?! Он никогда не вспоминал свои клятвы, данные сыну?! Не поручусь, конечно, ни за что... Но у нас, скажем так, нет никаких сведений об этих муках совести Петра. Решительно никаких. Во всяком случае, именно он и его приближенные пустили и продолжали всю свою жизнь распространять миф о царевиче Алексее, доживший и до нашего времени, проявляющийся и в таких вредных и опасных произведениях искусства, как картина Ге или фильм «Петр I».

Да! А Петр Петрович, сын Петра от Екатерины, в пользу которого отрекся Алексей... Он умер меньше чем через год после казни царевича Алексея. И вообще, от Екатерины у Петра не было мальчиков, оставшихся в живых.

Глава 2

ЖЕНЫ АНТИХРИСТА

Нет ничего лучше жены хорошей,
Но не может быть ничего ужаснее скверной.

Гесиод

Один из самых экстравагантных, самых «петровских» по духу поступков за все 32 года царствования — официальный брак с Екатериной. Еще бы! На трон русских царей — приبلудную девку из Прибалтики; взятую «на шпагу» в захваченной крепости, валянную под телегами пьяной солдатней. Самое то, что нужно для пугания бояр, для утверждения в обществе нехитрой мысли — царь может делать все, что вздумается. Никем и ничем он не ограничен, ни перед кем ответа не несет. И не дело придворных, не дело кого бы то ни было «рассуждать» о царственных делах.

Широко распространено мнение, что царь Петр был очень счастлив с Екатериной, сильно любил ее и что она сумела дать царю тепло домашнего очага. Вообще-то сохранилось немало их писем, без малого 170, и все они теплые, домашние, без малейшего подобия деловой переписки. И тем не менее из книги в книгу цитируются одни и те же письма.

«Катеринушка, друг мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безскучно же, однако можем рассудить, что дела на скуку менять не надобно».

Так же часто цитируется письмо Екатерины, в котором она напоминала о своей роли прачки: «Хоть и есть, чаю, у вас новые портомои, однакож и старая не забывается».

В.В. Мавродин повествует об отношениях этой пары в совершенно идиллических тонах: «Необразованная, но от природы неглупая, веселая и нетребовательная, ласковая и добрая, она была полной противоположностью Евдокии Лопухиной. Она вошла в жизнь мужа и жила его интересами. Его горести были ее горестями, его радости — ее радостями. В задушевной беседе Петр делился с ней всеми своими заботами, зная, что всегда найдет у нее горячий, дружеский отклик, ласку и утешение»¹.

Супруги если и расставались, то ненадолго. Несмотря на то что Екатерина родила 12 детей, невзирая на беременность и кормление, она постоянно сопровождала в поездках Петра. Обычно снаряжались два поезда, и поезд Екатерины всегда поражал роскошью, тогда как сам Петр особой роскоши не любил.

Екатерина всегда присутствовала на торжествах и празднествах, не оттеняя супруга, но стоя позади него, среди празднующих и торжествующих. Она умела присутствовать, и Петру, похоже, это нравилось.

Петр мог при ней и даже с ее участием и учинять ассамблеи, и пакостить в Всепеньейшем соборе, и показывать свой крутой нрав, и шутить. Екатерина все принимала, и принимала так, что Петру становилось приятно.

Сохранилась история про розыгрыш, который устроил Петр в первый год существования Петербурга одному голландскому капитану. Тот капитан привел свой корабль к Петербургу, и Петр лично выполнил работу лоцмана, ввел корабль в устье Невы. Представился он «лоцманом Петером», и пока вел корабль, они с капитаном познакомились, выпили рому, чуть ли не подружались.

Петр пригласил капитана к себе «обсушиться», прекрасно принял его, познакомил с женой. Расчувствовавшийся капитан подарил Екатерине полотна «на рубашки»,

¹ Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 188.

и Петр прокомментировал: «В рубашках из такого полотна ты, Катя, будешь прямо императрица!» Тут явился Меншиков, наряженный придворным франтом, и начал докладывать Петру. Капитан смутился, поняв, что его новый друг занимает в обществе совсем другое положение. Но Петр сумел его убедить, что в Петербурге очень часто лоцманы и капитаны могут быть на коротке с придворными. И розыгрыш, уже с участием Меншикова, продолжался, пока не явился некий офицер и не начал по всей форме докладывать Петру.

Только тогда голландец окончательно понял, что его «надули», очень огорчился и стал просить прощения и забирать подарки. Не тут-то было! Петр подарки не отдал, а серебряный рубль, данный ему «на водку», просверлил и повесил на шею, как талисман. А голландского капитана отдалил очень щедро. Так, чтобы он на всю жизнь запомнил не только свое приключение, но и как выгодно плавать в Петербург.

Действительно, с Евдокией Лопухиной такая игра не получилась бы. Екатерина же охотно разыгрывала жену лоцмана. Очень может быть, для нее это тоже было развлечением, подобным любимой игре Петра в «герра Питера, плотника Заандамского». Женщины ведь тоже не все так уж рвутся быть императрицами. Может, крестьянской девице Катерине Скаврошук, воспитанной в мещанском доме пастора Глюка, тоже было ближе замужество за рейтаром или мелким купцом?

По мнению брауншвейгского посланника Вебера, Петр особенно ценил Екатерину за то, что она «всегда умела изобразить императрицу», хотя «прекрасно помнила, что не родилась ею».

Вроде бы и письма звучат убедительно, и факты настаивают в пользу чуть ли не общепринятого мнения: идиллия царицы вокруг трона! Да только... Но нет, об этом чуть позже, пока не плохо бы выяснить — а кто она была, Екатерина? Грубо говоря, откуда эта женщина взялась?

История Екатерины хорошо известна с 25 августа 1702 года, со штурма шведской крепости Мариенбург.

Крепость построили еще в рыцарские времена посреди озера Алуксне, в современной Латвии. С берегом озера крепость соединял мост на каменных столбах. При осаде настил моста разбирали, а каменные столбы, естественно, оставались.

Русским удалось из пушек проломить крепостную стену, и к острову пошла целая флотилия плотов и лодок. Шведы выбросили белый флаг, начались переговоры о сдаче, а мирное население стало перебираться по кое-как наведенному настилу моста. И в это время двое шведских офицеров, поручик Вулф и штык-юнкер Готшлих, взорвали пороховые склады. Взрыв был так страшен, что камни крепости начали падать даже в озеро и на тех, кто перебирался по остаткам моста.

Существует два варианта того, что произошло потом, но они мало расходятся. По одной версии, русские солдаты стали хватать людей и делить их — кому их брать в рабство и забирать их имущество. Екатерина досталась одному из них...

По второй версии, Екатерина упала в озеро, ее столкнули с моста люди, заметавшиеся под градом камней. Она стала кричать по-русски: «Солдат, помоги!» И один русский солдат вытащил ее из озера.

Дальнейшие версии расходятся такими незначительными деталями, что на них можно не обращать внимания. Например, была ли она кратковременной любовницей только одного солдата, который вытащил ее из озера, или нескольких, переходя от одного к другому. Сами ли солдаты продали ее фельдмаршалу Шереметеву за серебряный рубль или Шереметев ее заметил и отнял у солдат сам, по собственной инициативе.

Главное, что оказалась она в доме пожилого, 50-летнего Шереметева, тем самым сразу же сделав головокружительную сексуальную карьеру — от разовой солдатской потаскушки до наложницы главнокомандующего.

Дальше опять начинают спорить между собой различные версии. То ли сам фельдмаршал от великого ума похвастался наложницей Меншикову, то ли Меншиков был

у фельдмаршала Шереметева и заметил Екатерину, выменял ее у Бориса Петровича за три рубля и за «аглицкую» саблю.

Опять же — главное, что оказалась она у Меншикова, продолжая все ту же невероятную, головокружительную карьеру. И тут окончательно исчезают разные версии, потому что известно точно — Меншиков сам рассказал про Катерину Петру и сам предложил ее «попробовать». Дело было уже глухой осенью 1702 года, в Москве.

Но кто она была, эта удивительная женщина, в 18 лет ухитрившаяся очаровать 30-летнего тогда, опытного... да попросту говоря, просто распущенного Петра?! Женщина, в которой наверняка что-то было — иначе как могла бы она сделать эту головокружительную, неправдоподобную карьеру?! Тем более невероятную, что Екатерина наверняка не была опытной куртизанкой, долго учившейся овладевать страстями «своих» мужчин. Такой невероятно опытной, крайне холодной и по-своему очень умной шлюхой была, например, Феодора, актриса театра под «славным» названием Порнай. В VI веке до Р.Х. она ухитрилась сделаться наложницей, потом и венчанной женой императора Юстиниана.

История Екатерины — явно совсем другая история, и потому она особенно загадочна.

В Мариенбурге Екатерина жила в прислугах у немца, пастора Глюка, была она лютеранкой, и звали ее Мартой. По этой ли причине или по иной, но в старой России полагалось считать ее то ли немкой, то ли латышкой — в чем сходятся все крупнейшие историки XVIII и XIX веков.

Впрочем, германское происхождение Марты поставили под сомнение очень давно... потому что известна девичья фамилия этой женщины — Скавронская, или Сковоронская. Есть и версия про то, что фамилия ее была Скаврошук.

Кроме классической немецкой версии, существует по крайней мере четыре версии того, кто же такие были эти Скавронские. Первая версия состоит в том, что Марта

была дочерью «литовского крестьянина Самуила Скавронского»¹.

«По мнению большинства историков, Марта происходила из многолетней латышской семьи Скавронских, находившихся в крепостной зависимости от польского помещика»². Так литовка она или латышка?! Или составители учебников путают латышей и литовцев?! Право же, совершенно напрасно...

Эстонцы тоже вполне серьезно считают Екатерину «своей». Петр разбил в Ревеле-Таллине парк, названный в ее честь, и этот Кадриорг (сад Катрин) существует до сих пор.

В общем, нет народа в Прибалтике, который не попытался бы наложить на Екатерину свою самостийную руку. Кто же она?!

У советского писателя Алексея Толстого в романе «Петр I» Екатерина даже после года жизни в России все еще говорит по-русски с акцентом. На мой взгляд, это совершенно невероятно — ведь люди не говорят с акцентом на родном языке.

В советское время самое точное, но в то же время максимально обтекаемое указание на происхождение Екатерины дал В.В. Мавродин: «Дочь крестьянина родом из Литвы»³. В то время Великое княжество Литовское населяли примерно 4 миллиона русских людей, примерно миллион поляков и тысяч пятьсот собственно литовцев. Почему нельзя было назвать вещи своими именами, какого рода идеологический запрет довлел над этим — я не понимаю. Но и, не назвав Екатерину прямо русской, Владимир Васильевич сделал это так, что невозможно не понять: «Дочь крестьянина, родом из Литвы»... Предельно ясно.

¹ Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 9. М., 1972. Статья «Екатерина I». С. 75.

² Юрганов А.Л., Кацва Л.А. История России XVI—XVIII вв. М., 1996. С. 256.

³ Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 188.

Более того. Происходили Скавронские из-под Минска, и звали их, до бегства в Прибалтику, Скаврощуками; так что считать Екатерину белорусской тоже есть все основания. Самуил Скаврощук был «в крепости» у польского помещика и сбежал во владения шведов: шведы хоть и не отменяли крепостного права в Лифляндии, но прибывших считали свободными и в Речь Посполитую никогда не выдавали.

Кстати говоря, хорошо известны ополяченные белорусские дворяне, графы Скавронские. Они появлялись в Петербурге в 1710 годы, наводя смятение на придворных: кем-то они приходится матушке-царице?! Поплыл даже слух про ее племянников и братьев, отысканных по литовским деревням...

А графы Скавронские никем Екатерине не приходились. Происходят они из Смоленска, где до сих пор есть Скавронкина гора, часть их владений. Если следовать букве закона, то графы Скавронские имели полное право схватить «императрицу» и сделать ее опять своей крепостной: ведь беглецов и их потомков искать можно было вечно, без ограничения времени... Забавные шутки шутит история!

Невольно возникает подозрение, что беглый холоп Скаврощук полонизировал свою фамилию и стал паном Скавронским именно во время бегства, как бы поднимаясь тем самым по общественной лестнице. Впрочем, и без всякой игры в «панство» деньги у него водились. Была арендована мыза под Мариенбургом, и на этой мызе родились четверо братьев и три сестры — все чистокровные Скаврощуки.

Потом, увы, была чума, Господь прибрал отца и старшего брата, наследника. Тогда Марту-Екатерину взял в услужение пастор из Мариенбурга, Питер Глюк. Судя по всему, он уже знал семью Скаврощуков.

Неизвестно, когда Марта-Екатерина перешла в лютеранство. Девушка из Западной Руси никак не могла быть лютеранкой. Марта-Катерина могла быть крещена в католичество, в православии, а вероятнее всего — в униат-

ской церкви. Из чего следует, что она и до перехода в православие в России уже раз меняла религию. Более чем вероятно, с этим связана и ее сдержанность во всем, что касается ее жизни до Мариенбурга и до жизни в прислугах у пастора Глюка. Скорее всего, добрый пастор и перекрестил Марту-Екатерину в лютеранство. Меняла ли она и имя, неясно. При перекрещивании часто имя оставляли, подгадывали совершение обряда в такой день, чтобы оставить человеку прежнего небесного покровителя. Марта вполне могла быть до крещения в лютеранство Марфой, и привыкать к другому имени не пришлось. А может, было у нее и какое-то совсем иное имя.

Во всяком случае, Екатерина до конца своих дней считала патера Глюка своим «вторым отцом» и сохранила самые теплые воспоминания о его доме, «где и работы хватало, но было и много хорошего». Патер Глюк нашел сироте мужа, дал ей приданое. Екатерину взял в жены королевский драгун Иоганн Крузе.

В.В. Мавродин уверяет, что он ушел в первый же день на войну и пропал без вести. Вот это уж чистой воды мифотворчество. Шведский гарнизон Мариенбурга не выходил из крепости, Крузе не думал никуда ни уходить, ни пропадать. Марта осталась в доме пастора Глюка, потому что молодые попросту не успели завести свое хозяйство. Свадьбу справили на Иванов день, 6 июля 1702 года. Об этом событии Екатерина тоже вспоминала очень тепло, как о романтическом событии. Стоял ясный, теплый день, один из самых длинных в году, девушки украсили невесту водяными лилиями из озера и пели, пастор Глюк играл на скрипке.

Через неделю Мариенбург осадили русские войска; 25 августа 1702 года, когда русские уже входили в крепость, а гарнизон готовился к капитуляции, Иоганн Крузе пришел попрощаться с женой. По словам старой, уже стоящей одной ногой в могиле и изрядно спившейся Екатерины, она сама предложила ему бежать — мол, смотри, на том берегу озера русских нет! Иоганн и еще двое

шведских солдат уплыли через озеро, и, судя по всему, Екатерина никогда его больше не видела.

Впрочем, всем этим воспоминаниям Екатерина предавалась уже в самые последние годы своей жизни, после смерти Петра Алексеевича. В эти два года, на которые она пережила последнего супруга, Екатерина находилась в очень скверной и физической, и интеллектуальной форме. Трудно сказать, что было в этих историях истинной, что — ошибкой памяти пожилой нетрезвой женщины. Могли быть и попросту романтические преувеличения, выдумки, украшающие память о блаженной, давно минувшей молодости. К сожалению, ее воспоминания — единственный способ узнать многие подробности. А надежностью они не отличаются, увы.

С 1702 года исчезает всякое упоминание об Иоганне Крузе. Исчезает, правда, только из российских источников. Шведы очень хорошо знают, куда девался законный муж российской императрицы. Иоганн Крузе служил шведскому королю еще много лет, а под старость — в гарнизонах на Аландских островах. Выслужив пенсию, он никуда не уехал — наверное, близких родственников у него не было, и уезжать было попросту некуда. Семьи Иоганн тоже не завел и пастору объяснял, что жена у него уже есть и брать на душу греха он не станет. Был ли Иоганн одним из тех, кого Марта-Екатерина очаровала сверх всякой меры, с этим ли связана его пожизненная верность, сказать трудно. Он пережил свою законную жену, Марту-Екатерину, но не намного, скончавшись в 1733 году.

Все сказанное очень хорошо объясняет, почему в царское время считалось, будто Иоганн Крузе пропал без вести.

Хорошо известна дальнейшая судьба пастора Питера Глюка. Прекрасно образованный саксонский священник, получивший ученые степени богослова и философа, он приехал в Мариенбург как миссионер. В числе прочего он перевел Библию на латышский и на живой русский

язык, чтобы проповедовать лютеранство среди католиков и православных.

В русском плену Питер Глюк стал основателем первой светской гимназии в Москве и, похоже, сильно опередил свое время. Общее образование никому не было нужно, интеллектуальный потенциал Глюка и выписанных им учителей остался невостребованным. Гимназия ни шатко ни валко просуществовала 10 лет, с 1705-го по 1715-й, и была тихо закрыта, много после смерти пастора Глюка в 1704 году. Был он уже старенький, и смерть его, скорее всего, естественная.

Нет никаких данных, что Петр когда-либо встречался с пастором Глюком — хотя, конечно же, именно он многое знал о прошлом Екатерины. Почему? Настолько верил ей, что не считал нужным? Жалел ли он впоследствии, что не встречался с Глюком, когда стал относиться к Екатерине более осмысленно? Все это вопросы без ответов.

Вот он, первый и самый страшный секрет Екатерины, вернее, целый пучок зловонных секретов!

Женой Петра I была русская крестьянка, выкрестившаяся в лютеранство, а потом из лютеранства в православие. К тому же слово «жена» применительно к ее отношениям с Петром Алексеевичем не особенно уместно. Почтенная фру Иоганн Крузе, называя вещи своими именами, в русском плену имела многих любовников, в том числе и императора, от которого родила нескольких детей. Но с точки зрения закона (да и морали) ничего тут не меняется. Марта-Екатерина была законной женой Иоганна Крузе. Она оставалась ею и тогда, когда Петр официально женился на ней в 1712 году. Она только стала двоюмужицей и притом в случае судебного разбирательства должна была стать женой Иоганна, как венчавшегося с ней на 10 лет раньше царя.

...Вот и получается, что на русском престоле в 1725—1727 годах сидела двоюмужица, настоящее имя которой — фру Иоганн Крузе, венчанная жена шведского драгуна.

Любовь Петра к Екатерине, судя по всему, вовсе не миф. Ученица немецкого пастора умела владеть его страстями, это факт. Но вот вторая составляющая мифа о Екатерине — о ее великой любви к царю... Есть в этой любви некая странность. Ну допустим, Петр мог многократно изменять Екатерине и при этом продолжать ее страстно любить. Существует в народе такое мнение — мол, мужчине можно любить и так. Но вот как быть с многократными изменами самой Екатерины? Даже в наше... гм... гм... даже в наше прогрессивное, свободомыслящее время мало кто сомневается — любящие женщины не спят с кем попало, едва «любимый» муж зазевается.

Число мимолетных увлечений Екатерины приближается к двум десяткам. Из будущих членов Верховного тайного совета не воспользовались ее милостями разве что только патологически осторожный Остерман да Дмитрий Голицын, продолжавший смотреть на «матушку-царицу» с высокомерным отвращением. Вряд ли в этом отвращении играла основную роль сословная спесь — Ефросинью ведь Дмитрий Михайлович признал и относился к ней очень хорошо.

Справедливости ради, все связи были именно что мимолетны, продолжались буквально по несколько недель и никак не демонстрировались внешне. Екатерина хранила видимость приличия и, несомненно, хотела сохранить брак. Петр очень часто не имел никакого представления о ее маленьких приключениях. Он оставался первым в числе ее мужчин, и можно только догадываться, какую роль в этом играли его личные достоинства, а какую — факторы социальные. Но в любом случае — при чем тут вообще любовь?!

Об отношениях императрицы с А.Д. Меншиковым говорили разное. И что он, передав Екатерину Петру, больше никогда не прикасался к ней. И что их отношения не прерывались ни на месяц, и часть детей Екатерины родилась от него (если учесть сожительство Меншикова с Петром, получается неплохая «шведская семья»). Какой вариант более правдоподобен, очень трудно судить.

Вот с Виллимом Монсом все было явно не так... Блестящий молодой сотрудник личной канцелярии Екатерины, Виллим Монс был младшим братом многолетней «привязанности» Петра, возможно, его первой женщины — Анны Монс. Ирония судьбы? В какой-то мере. И еще показатель невероятного малолюдства, страшной человеческой «тесноты». Все время мелькают одни и те же лица, а новые чаще всего имеют хоть какое-то отношение к старым.

Узнав о связи Екатерины с Монсом, Петр пришел в ярость и, как обычно, жестоко расправился с «соперником». Монса обвинили в растрате казенных денег; было ли совершено преступление или «дело» «сшили» на пустом месте, история умалчивает до сих пор. Во всяком случае, Виллиму Монсу отрубили голову. Петр, отправившись кататься по городу, не преминул заехать на площадь, где торчала на колу голова Монса. По легенде, Екатерина проявила колоссальную выдержку, не выказав ни горя, ни смущения, и, глядя царю прямо в глаза, произнесла: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности!»

Впрочем, по многим свидетельствам, между супругами происходили бурные сцены со взаимными обвинениями и оскорблениями. Есть свидетельства и того, что с 1724 года Петр попросту стал импотентом, и «матушка царица» окончательно пустилась во все тяжкие. С одной стороны, потеря мужских сил в 52 года совершенно невероятна, медицине такие случаи неизвестны. С другой стороны, попейте-ка вы столько же анисовой водки, сколько выдувал Петр, и посмотрю я, что с вами самими станется... В общем, темная история.

Особая тема, конечно, отношения Екатерины и царевича Алексея Петровича. Очень похоже, что, помимо борьбы двух династических линий, «кланов двух жен» царя, было тут и еще многое. Человек, который выбирал Ефросинью, вряд ли мог хорошо относиться к Екатерине... и наоборот. Слишком разные вкусы проявляются в этих выборах.

А кроме того, очень странно, почему никому не приходит в голову простая мысль: что подросток, юноша, молодой мужчина после разрыва родителей может обидеться не только за мать, сосланную в монастырь. Он может обидеться и за отца, если его вторая жена проигрывает в сравнении с первой и даже не хранит ему супружеской верности.

Екатерина, что поделать, и проигрывала Лопухиной — как во внешности, так и в области общей культуры, и верности ему не хранила. В той мере, в которой она понимала отношение Алексея, в ее собственной династической игре прослеживался и момент личной неприязни. Надо сказать, что некоторые ее письма к Меншикову очень ясно показывают эту довольно сильную неприязнь.

Интересно, мог ли понимать Петр под конец жизни, что к убийству сына его подтолкнули и не последним из «подтолкнувших» была его собственная жена? Что в той мере, в которой Екатерина сознательно стоит за убийством царевича Алексея, она прямо повинна в пресечении династии Романовых по прямой мужской линии? Если понимал, его одиночество становилось еще невыносимее.

Конечно, уж что-что, а семью каждый выбирает сам, по доброй воле. Но наивно думать, что у выбора не будет последствий, что выбор не скажется в самых разных сферах уже не семейной, уже общественной жизни. А поскольку монарх — лицо совершенно особое, его брачные и семейные дела всегда имеют огромный общественный резонанс и огромное значение — в том числе и для истории.

Петр был категорически против брака Алексея с художницей крестьянкой, но сам женился на женщине такого же низкого происхождения и куда более низких достоинств. На женщине, которая не хранила ему верности, не любила его, не оберегала интересов его династии и, очень может быть, отравила его, как полагают некоторые историки.

Стоит внимательно рассмотреть миф о Екатерине, и красивая сказка о высокой любви оборачивается редко-

стной гадостью. Героиня же этой истории оказывается прямо повинной в самом бездарном растрачивании открывшихся ей возможностей, в самом низком поведении и совершенно недостойной того положения, до которого была возвышена.

Сохранилась легенда, что однажды Петр расцеловал одного из Долгоруких за слова: мол, не может все в государстве делаться вопреки воле царя, умными или глупыми министрами. Не могут быть у глупого государя умные министры, и наоборот! Каков государь, таковы и его приближенные; ведь государь приближает к себе людей по самому себе...

Нам с вами трудно расцеловать Долгорукова, умершего триста лет назад, но мы ведь можем согласиться с его оценкой. Действительно, даже не зная ничего ни об Алексее Михайловиче, ни о Петре, вполне можно судить о каждом из них по тому, каковы их приближенные.

Петр как будто нарочно сделал все возможное для того, чтобы после него буквально ничего не осталось. Он убил умного, хорошего сына, который мог бы править после него; возвел на трон женщину, смертельно опасную для него же самого и совершенно непригодную для роли императрицы. Наконец, он словно специально привлек к власти людей, совершенно не способных стоять у руля государства.

Глава 3

ЖЕРТВЫ АНТИХРИСТА

— Тебя излупят плетнами, и ты полюбишь меня как миленькая!
— Нет, ты просто помешался на этой плетке...

Из фильма «Красная шапочка»

Конечно же, жертвами политики Петра стало все население Московии. Конечно же, верхи общества страдали меньше, чем низы, — по крайней мере, меньше страдали физически. Это ведь податное население уже к 1710 году уменьшилось на пятую часть, и вовсе не дворяне и не богатые купцы, а посадский люд и крестьяне толпами бежали в разбойники.

Но вот два любопытных случая — так, в качестве ярких примеров.

В 1712 году фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву исполнилось 60 лет. Ему было уже тяжело водить войска, и он попросил у Петра разрешения — уйти на покой, постричься в монахи Киево-Печерской лавры.

Петр уйти в монахи запретил, а велел овдовевшему фельдмаршалу вместо этого жениться. Даже сам нашел ему жену: вдову своего дяди, Льва Кирилловича Нарышкина. Анна Петровна была моложе супруга на 34 года, но брак оказался удачен, Анна Петровна успела родить 5 детей до смерти мужа.

Так поступил царь со своим приближенным, который патриархально называл его на «ты» и вовсе не противился «реформам»: в 1697 году Шереметев по доброй воле

сбрил бороду, надел европейское платье — еще до указов Петра.

Другой случай связан с основателем рода Бутаковых. Этот русский военно-морской род, каждое поколение которого служило и в данный момент тоже служит в морских офицерах, ведется с Олимпия (Евлампия) Бутакова, который служил с 1688 года, с первой «потешной» флотилии на Переяславском озере. Во время Северной войны Бутаков стал капитаном 18 пушечной шнявы. Однажды он на своей шняве заблудился в тумане, опоздал на 10 дней в Кронштадт и за это был заперт почти на смерть. Во всяком случае, много лет спустя у Олимпия тряслись колени, и ходил он только с палкой¹.

В этих случаях речь идет о крупных полководцах; о людях, лично известных Петру. Что же говорить о самых обычных, «рядовых» дворянах или тем более о «худородных» служилых людях, без больших богатств и без обширных связей при дворе?!

Многим памятен Дмитрий Овцын, штурман Беринга. А был у него родной брат Лаврентий Овцын, и после совершения такого же «преступления», что и Бутаков, — заблудился в тумане — Лаврентий Овцын, родной брат Дмитрия, был заперт не до полусмерти, а НАСМЕРТЬ.

При Петре служилое сословие стало главным объектом развращения и главным полем экспериментов. Петр хотел создать новое общество — нет слов. Но общество, которое он хотел получить, только очень условно может быть названо европейским. Да, внешне это общество в своих верхах европейское — манерами, одеждой, едой, утварью. Но вне дворянства и чиновничества нет даже этого внешнего европейского лоска. И даже образ жизни дворян не имеет ничего общего с сущностными чертами европейского дворянства. Никакого разделения обществ

¹ Эти интереснейшие сведения содержатся в неопубликованной книге «Бутаковы», написанной Александром Александровичем Григоровым и посвященной знаменитому семейству. Книга хранится в Костромском областном архиве и в Красноярске недоступна. Я пользуюсь случаем вынести благодарность Евгению Владимировичу Сметанину, который ознакомил меня с этими материалами. — А.Б.

венной и частной жизни, никакой частной собственности, никакого верховенства закона над произволом отдельных лиц или группировок!

Петр считал, что весь образ жизни дворян должен определяться одним только фактором — служением государству. Сначала он действовал только смотрами: вызывал дворян для того, чтобы лично определять их достоинства и посылать в ту или иную службу. Всем дворянам было строго велено представлять в Разрядный приказ, позже в Сенат, списки недорослей старше 10 лет — и детей, и приемышей. Подросткам-сиротам, которых было некому вписать в списки, велено было самим являться и записываться. В 1704 году впервые были собраны в Москве 8 тысяч недорослей, достигших служилого возраста — 15 лет. Всех их лично осмотрел и определил в службу царь, распределив по полкам и школам.

В числе этих 8 тысяч было примерно 500 недорослей из самых знатных семей Московии. Большую их часть расписали по гвардейским полкам.

В 1712 году было велено явиться всем недорослям, которые учились дома или в школах, и все они тоже были распределены лично царем на три возраста. Младшие вернулись в школы, средний возраст отправили за границу учиться, а старшие пошли в солдаты.

«Нетство», то есть неявки, рассматривались Петром как измена и карались все более жестоко.

Осенью 1714 года было велено всем дворянам от 10 до 30 лет явиться в наступающую зиму для записи при Сенате. Любой, донесший на неявившегося, пусть это будет даже его собственный слуга, получает все его пожитки и деревни.

11 января 1722 года — еще более жуткий указ: всякий неявившийся на смотр подвергался «шельмованию» — под барабанный бой палач прибывал к виселице бумагу с его именем, объявляя нарушителя указа вне закона; теперь всякий имел право побить, ограбить, убить этого человека. Кто такого «нетчика» поймает и приведет, получает по-

ловину его движимой и недвижимой собственности, даже если поймает «нетчика» его крепостной.

Дворяне боролись с правительством разного рода отговорками и уклонениями. Чаще всего они пристраивались к какому-нибудь бездельному интендантскому или полицейскому делу и под его прикрытием переживали в своих вотчинах военную пору. Изобилие полицейских служб, полчища всевозможных чиновников и порученцев, общая неразбериха очень облегчали им это занятие.

По словам Посошкова, есть много таких молодцов, что он мог бы один пятерых неприятелей гнать, а он, добившись наживочного дела, живет себе да наживается.

Другим способом стали неявики. «Иные дворяне уже состарились, в деревнях живучи, а на службе одну ногу не бывали». «Богатые от службы лыняют, а старые и бедные служат».

Особенно забавно описывает Посошков некоего дворянина Золотарева, который «дома соседям страшен, аки лев, а на службе хуже козы». И никто не мог взять его в службу: «кого дарами убоготорит, а не сможет, так больным прикинется, или юродство на себя напустит и в озеро по бороду залезет».

Когда однажды Золотареву не удалось отлынять от похода, он послал вместо себя худородного дворянина под своим именем, дав ему лошадь и своего человека. А сам ездил по соседям, разорял их дома, как разбойник.

С 15 лет офицер должен был служить рядовым в полку. Познатнее, побогаче — в гвардейском, победнее — и в армейском. Рано или поздно его надлежало произвести в офицеры, но только после нескольких лет службы. Закон 26 февраля 1714 года категорически запрещает производить в офицеры людей «дворянских пород», которые не служили рядовыми и «с фундаменту солдатского дела не знают».

Воинский устав 1716 года высказывается еще определеннее: «Шляхеству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме как служить в гвардии».

К концу правления Петра их три — кроме Семеновского и Преображенского еще с 1719 года драгунский «лейб-регIMENT», Конногвардейский полк.

Дворянин-гвардеец жил точно так же, как и рядовой из простолюдинов, в такой же казарме, получал точно такой же паек и обмундирование и выполнял все работы рядового.

Державин в своих записках описывал, как он, сын дворянина и полковника, поступил рядовым в Преображенский полк и жил в казарме вместе с рядовыми из простонародья, вместе с ними ходил на общие работы, возил провиант, чистил каналы и бегал на посылках у офицеров.

В 1724 году в Конногвардейском полку было больше 30 рядовых из княжеских фамилий.

При этом военная служба считалась куда важнее гражданской, и герольдмейстер при Сенате специально смотрел, чтобы не больше одной трети каждой дворянской фамилии служило в гражданской службе.

До конца Северной войны дворян вообще не отпускали из полков. С наступлением мира стали отпускать раз в два года месяцев на шесть, на побывку.

Отставных определяли в гарнизоны или к гражданским делам по местному управлению. Только полная дряхлость или тяжелые увечья служили причиной для отставки. Если у отставника не было поместья, его отправляли в монастырь для пропитания из монастырских доходов или давали пенсию из «госпитальных денег».

Сочетание слов: «крепостное дворянство» — звучит как-то дико. К «крепостному крестьянству» все привыкли, а это как-то даже странно звучит... Но приходится признать эту, на первый взгляд, дикую мысль: до Манифеста о вольности дворянской (1762 год) дворянство было менее свободно, чем податные сословия. Представление о «привилегиях» дворянства так прочно усвоено обществом, что многим трудно будет осознать: были периоды в истории, когда положение дворян было куда тяжелее, куда менее свободным, чем крестьянства, и уж тем более

менее свободным, чем положение купцов, городских мещан или казаков.

Сочетание слов «крепостное дворянство», скорее всего, вызовет улыбку у читателя. Но дворянство действительно было закрепощено, ничего не поделаешь. Служилые люди всегда находились у государства в самой настоящей «крепости», ничуть не в меньшей, чем крестьянство было «в крепости» у того же государства или у частных помещиков.

Известны случаи, когда крестьяне сами объясняли фискалам, что не надо винить чиновников во взятках: они по доброй воле принесли беднякам что могли. А то они, служилые, совсем бы померли от голода.

Дворяне владели поместьями — но при Петре и сразу после Петра жить в них дворяне не могли. Они, как правило, даже не рождались в своих поместьях и порой не видели их всю жизнь, разве что приезжали в них умирать.

За владение этими поместьями, за казенное жалованье дворяне платили очень уж высокую цену — пожизненная служба в самых суровых условиях. После введения учебной повинности даже уже не пятнадцатилетний юноша, а десятилетний малыш покидал родительский кров, и чаще всего — навсегда... Это ведь дворянских детишек пороли плетью и палками в Навигацкой школе, это дворянские недоросли разбегались побираться в рубищах, боясь голодной смерти. Это дворянам запрещено было забирать своих детей из подобных жутких заведений.

Служа всю жизнь, с десятилетнего возраста, дворяне не имели никаких социальных гарантий. Как ни странно, но здесь опять же преимущества «податных» над «служилыми». Податной человек, как правило, очень мало общался с властями. Член общины, корпорации, «общества», он имел дело в первую очередь с такими же, как он, или с выборными старейшинами. Эти сообщества жили не по писаным законам, а по традициям: по правилам, которые даже порой не очень осознавались, но которые никто и никогда не нарушал.

Живя по традициям, человек не совершает личностного выбора, не вступает в полемику. Он поступает неким единственно возможным способом. Таким, который веками назад придумали мудрые предки, не утруждая собственного разума. Традиция не демократична; она сразу расставляет всех по рангу, по чину, по месту, определяет, кто главнее и насколько. Но традиция гарантирует человеку то, что далеко не всегда оказывается в силах обеспечить ему «вскинутое на дыбы», как миксером перемешанное, государство Российское. Пока человек выполняет установленные «от века» правила, он точно знает: ему ничто не угрожает.

Традиция может потребовать унизиться, согнуться в поклоне, буквально простереться ниц. Но пока выполняешь ее — тебя не могут унижить, обидеть. Традиция требует безоговорочного подчинения тем, кого она считает высшими, требует подчинить собственные интересы интересам «общества». Но пока ты выполняешь ее требования, и твои интересы будут блюсти и высшие мира сего, и «общество». По традиции тебе всегда дадут то, что тебе полагается, а если все-таки обидели — всегда найдутся те, кто вступятся за тебя. Не могут не вступить! Потому что если высшие не соблюдают традиции, они поставят под сомнение свое положение в обществе, свое положение «высших».

В Европе на место медленно отступающей традиции так же медленно приходили законы. В Российской империи законы оставались чем-то достаточно условным и всегда служили богатому и сильному. Живя в мире, где нет ни законов, ни традиций, российский дворянин оказался беззащитен против произвола. Бытовым правилом, нормой жизни для дворянства стал произвол вышестоящих. Ведь всевластие государства, конечно же, некоторая абстракция, потому что на практике всевластны очень конкретные лица — государственные чиновники и представители государства.

Если даже человек возносился так высоко, что остальные вельможи становились уже не опасны, его жизнь,

имущество и положение в обществе зависели от произвола одного человека — царя. Царь же, порушив и религиозные, и общественные традиции, не был связан абсолютно ничем. И точно так же практически ничем не были связаны его чиновники, в воле (или в самодурстве) которых и заключалась «воля государства» для абсолютного большинства подданных.

Повторю с полным основанием: хуже всех во всей петровской смуте приходилось служилому сословию, дворянству. Служилые не только вынесли на себе основной удар его реформ, но и оказались в самом неопределенном, самом «межеумочном» положении.

Разрушение традиционной культуры для служилого сословия означало и разрушение системы ценностей, всего, что ученые называют почти поэтично: «поле смыслов». В результате почти весь XVIII век дворянин буквально не знал, что вообще правильно, а что неправильно, что справедливо, а что нет, куда плыть и каких берегов держаться.

Дворянин был государственным служащим не просто «по должности». Самая суть служилого сословия, дворянства, состояла в том, чтобы служить государству Российскому. Служба России давала и общественный статус, и место в жизни, и материальное благополучие... одним словом, абсолютно все!

Не уважать своих Веру, Царя и Отечество он не мог уже потому, что именно за них он шел в бой, их слугой себя осознавал. Эта идея Служения становилась краеугольным камнем морали, и человек оценивался как «хороший» или «плохой», как «лучший» или «худший» по тому, как хорошо и насколько преданно он служил.

Не воспринимать Россию как благодатную страну, как некую светлую сущность он просто органически не мог. Невозможно же ни идти на визжащую картечь, ни лезть на крепостные стены за что-то дурное или недостойное!

Но Русь, за которую дворянин проливал кровь, официально объявлялась страной тупой, дикой, глупой и подлежащей неукоснительному исправлению. Причем объяв-

лялась собственным правительством — тем самым, которое приказывало «служивому» перейти границу и «вступить в баталию» с неприятелем.

И при этом «завороте мозгов», растянувшемся на несколько поколений, дворяне, если не считать купленных рабов или женщин в гаремах мусульман, оказались самыми бесправными людьми во всей Российской империи. По крайней мере, самым бесправным сословием.

При Петре и сразу после него не стало никаких гарантий личной безопасности решительно никому.

Легко заполнить много страниц описаниями самых диких насилий, беззаконий и нарушений прав собственности, неприкосновенности личности и прочих элементарных человеческих прав.

В 1724 году, в очередной раз почувствовав недомогание, Петр решил, что сифилис «подарила» ему последняя любовница, жена его офицера, Прасковья... И велел мужу выпороть «негодную Фроську» за то, что одарила гадкой болезнью царя-батюшку.

В обществе, где придворная дама может быть в любой момент грубо ошупана, пардон, в любом месте, принуждена к сожительству или выпорота батогами (а приведут приговор в исполнение солдаты у дворцового крыльца), нет и не может быть гарантий личной безопасности в принципе ни одному человеку.

Глава 4

ИЗ СТОРОНЫ В СТОРОНУ

— Одной ногой мы стоим в прошлом, второй ногой — в коммунизме!

— И долго нам так враскоряку стоять?!

Анекдот 1960-х годов

ТУПИК

28 января 1725 года умер царь, которого и в Российской империи, и в СССР полагалось считать великим государственным деятелем, великим реформатором, великим полководцем, великим создателем новой, великой России. И не успел остыть его труп, как новоиспеченное государство, провозглашенная только в 1721 году Российская империя оказывается в совершеннейшем тупике. Может быть, самое яркое этому подтверждение — это династический тупик. Совершенно непонятно, кого возводить на престол после смерти «великого реформатора»!

По указу Петра «О престолонаследии» от 5 февраля 1722 года, император Российской империи сам должен был назначать себе наследника и преемника. Вроде бы перед смертью Петр I пытался воспользоваться этим правом. Еще и сегодня можно видеть грифельную доску, на которой рука первого российского императора начертила «Отдайте все...» и косой росчерк сверху вниз — Петр не удержал в руках куска грифеля, не смог начертать имени своего преемника.

По мнению Н.И. Костомарова (вообще-то всегда очень точного и объективного в своих оценках), в лице Петра I умирал монарх, который «как историческая личность представлял собой своеобразное явление не только в русской истории, но и в истории человечества»¹.

«В страшных страданиях физических, с полным признанием человеческой слабости, с требованием подкрепления свыше, подкрепления религиозного, умер величайший из исторических деятелей», — вторит ему С.М. Соловьев².

Почти современный писатель Н. Дубов тоже высказывается о смерти Петра как о высокой трагедии: «Рухнул великан, и рука, которая, играючи, махала топором, кузнечной кувалдой, держала корабельный штурвал, ворочала пушки, не удержала грифеля. «Отдайте все...» — последней натугой нацарапала она и упустила грифель»³.

Таков обычный стиль высказываний, звучащих уже третье столетие. Стало своего рода интеллектуальной традицией угадывать — а кого мог бы назвать Петр, чье имя он хотел вписать, да не успел?!

Н.М. Костомаров думает даже, что Петр мог бы воспитать внука Петра Алексеевича как сына и таким образом выйти из династического тупика. Для того, мол, и нужен был Указ о престолонаследии — чтобы при «назначении» наследника можно было «прыгнуть» через целое поколение в династии.

Диссонансом в этом хоре звучит высказывание не историка, не философа, а писателя, А.А. Бушкова: «Печальный итог в том и состоит, что сам Петр не мог не понимать: наследство оставить некому! Супружница Екатерина глупа, распутна и откровенно спивается. Елизавете всего шестнадцать. Внуку Петру Алексеевичу десять. Молодые племянницы Анна и Екатерина замужем за иностранными князьками... Племянница Прасковья умом

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. С. 780.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга IX. М., 1963. С. 541.

³ Дубов Н.Н. Колесо фортуны. М., 1981. С. 134.

не блещет. НАСЛЕДНИКА НЕТ. Чье имя ни напиши — он или она неминуемо станут игрушкой в руках приближенных — казнокрадов, мотов, озабоченных лишь собственным преуспеянием... Не мог Петр этого не понимать. Прекрасно знал. А потому — нет никакой загадки. «Завещание», можно ручаться, осталось недописанным не потому, что холодеющей руке не хватило какой-то минуты. Петр, несомненно пытавшийся предугадать ход событий после своей смерти, попросту осознал: называть чье-либо имя бесполезно. Потому что не будет продолжателя»¹.

Мнение А. Бушкова хоть и косвенно, но подтверждает такой мощный исследователь эпохи, как В.В. Мавродин: «Но он был болен, и не только телом, но и душой. Чувствовалась безмерная усталость. Все один и один. За всем следи, обо всем подумай, каждого проверь, а не проверишь — и лучший друг окажется казнокрадом, лихоимцем, себялюбцем. Петр все чаще опускал руки, становился вял, задумчив. Окружающие видели в глазах царя усталость и столь чуждое ему раньше безразличие ко всему, а порой и тоску. Петр испытывал неудовлетворенность всем сделанным, чувствовал собственное бессилие и невозможность завершить осуществление своих обширных замыслов»².

В сущности, А.А. Бушков и В.В. Мавродин сказали почти одно и то же, хотя и разными словами: в последние месяцы, быть может, и годы Петр ощущал бессмысленность, бесперспективность того, что он сделал за свою не очень-то длинную жизнь. Усталым, скучным, «чрезмерно усталым» стал человек всего 52—53 лет. Возраст, конечно, не юношеский, но не только сегодня, и в те времена тоже — никак не возраст дряхлости и приближения к смерти.

«Из меня познайте, какое бедное животное есть человек», — говаривал неузнаваемый Петр.

Впадать в смертную тоску, утрачивать вкус к жизни и, по существу, пассивно ждать смерти в этом возрасте,

¹ Бушков А.А. Россия, которой не было. М., 1997. С. 425.

² Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 189.

кроме душевной болезни, может заставить человека только полное разочарование в том, что он делал всю жизнь, неверие в то, что дело это может быть продолжено. Впрочем, и умирать после всего содеянного Петром, наверное, невыносимо страшно — особенно если верить в Высший суд и в то, что отвечать придется за все. А он, вне всякого сомнения, верил.

Был он и физически болен. Перенапряжение, дикие излишества, недолеченные болезни подкашивали организм. Подозревали и сифилис.

А династические дела новоиспеченной Российской империи после смерти ее первого императора, Петра, выглядят куда как печально. По всем законам, наследует престол старший сын... Но царевич Алексей казнен как предатель, а другого наследника так и нет.

Позволю себе высказать суждение, быть может, крайне несовременное и, во всяком случае, противоречащее материалистическому толкованию событий. Но есть в истории моменты, когда Промысел Божий в истории и в отношениях людей заявляет о себе так громко, что его просто невозможно не услышать. Ведь когда мрут один за другим сыновья Петра от Марты Скавронской, получается, что царь-людоед, сожравший собственного сына, все же не может создать династию на костях своего старшего ребенка. Дан тебе старший сын, от первой жены, которая от Бога?! Дан. А если ты не способен распорядиться тем, что подарено, так не воображай, что сможешь продолжить свою династию так, как тебе втемяшилось, а уж тем более поправ дарованное.

Изначально царю Петру была дарована возможность продолжить династию Романовых своим удачным, полноценным сыном. И более того — дан был ему сын добрый, талантливый, умный. Царь начал переделывать жизнь по своему разумению, совершив притом немало преступлений... Старший сын, данный Богом наследник, уничтожен. То ли из высших государственных соображений, то ли чтобы расчистить дорогу детям от второй и любимой жены. Получается, что вместе со старшим, оказавшимся единственным, сыном Петр погубил судьбу и семью, и династию!

...Но читатель, конечно же, вправе считать весь этот мой клерикальный бред издержками воспитания или попросту глупостью. Как угодно! Только вот факты вопиют: сыновья от Скавронской — не жили. Алексей был единственным сыном Петра, дожившим до взрослых лет. Петр его убил, а после этого умерли и все остальные сыновья...

Итак, сына, прямого наследника, нет.

Как ни туманно изложен Устав 5 февраля 1722 года, в нем ясно сказано о наследовании по закону — если нет сына, то наследует старшая дочь. Но старшая дочь Петра, Анна, при обручении с герцогом Голштинии в 1724 году под присягой отреклась вместе с женихом от русского престола за себя и за свое потомство. Отказ отмечен и в их брачном договоре, тут все оговорено с предельной ясностью.

Значит, законное наследство переходило ко второй дочери Петра, Елизавете.

Ни при каких обстоятельствах не могла бы стать императрицей вдова Петра, Екатерина, и вовсе не из-за ее низкого происхождения. И по старинному русскому праву наследования, и по указу 1714 года, вдова-мать при несовершеннолетних детях обеспечивается и может оставаться опекуной до их совершеннолетия. Но она не должна быть наследницей.

Старая родовитая знать, верная старому обычаю престолонаследия, хотела видеть на престоле Петра Алексеевича, внука Петра, сына казненного царевича Алексея.

Выдвиженцы петровского времени — Толстой, Меншиков, Ягужинский, Шафиров... впрочем, долго перечислять, были в ужасе от перспективы воцарения Петра. Петр Алексеевич был уж очень откровенным знаменем возвращения к старому — ко всему, что было до Петра. Новоявленные князья уж очень не хотели обратно, в грязь, и у них было надежное средство поставить на трон не того, кто имеет право, а кто больше нужен этой шатии.

ПРОДОЛЖАТЕЛИ «ДЕЛА ПЕТРА»

В ночь на 28 января, за считанные часы до смерти императора, именно эти высшие сановники собрались во дворце для обсуждения преемника, уже начали было склоняться к провозглашению императором юного Петра Алексеевича. Как-никак, прямой наследник Романовых по прямой мужской линии.

Собравшиеся, при всей громадности их власти, ужасно не уверены в себе. Не раз они спрашивают статс-секретаря А.В. Макарова — нет ли каких распоряжений императора, еще неизвестных?! А их нет. Петр хоть и провозглашен чуть ли не богом, из гроба не подсказывает ничего, и «дельцы» просто не знают, что предпринять.

Сторонники великого князя Петра Алексеевича предлагали даже сделку — давайте возведем его на престол, а до совершеннолетия Петра пусть правит Екатерина и Сенат...

В комнате, где решается сверхважное государственное дело, решаются судьбы всей громадной Российской империи, странным образом присутствовали гвардейские офицеры... Что они делали тут, в зале, где высшие сановники решали столь важные вопросы?! Праздный вопрос, если гвардейцы громко переговаривались между собой, демонстративно не замечая остальных, а тема была одна: они, гвардейцы, тут же разобьют боярству головы, если бояре не станут присягать «матушке-государыне», императрице Екатерине ...

Так и продолжалось, пока за окнами не раздался с площади барабанный бой, звуки команд. «Оказалось», оба гвардейских полка вышли на площадь, выстроились в каре. Есть свидетельства, что даже выкатили пушки, стояли возле них с зажженными фитилями. Впрочем, насчет пушек, может быть, и преувеличение, не все подтверждают эту деталь.

Князь Репнин, президент Военной коллегии, сердито спросил:

— Кто смел без моего ведома привести сюда полки?! Разве я не фельдмаршал?!

На что Иван Бутурлин, командир Семеновского полка, отвечал, что полки позвал он по приказу императрицы, которой все должны подчиняться... «Не исключая и тебя», — ткнул пальцем в Репнина Бутурлин.

При появлении полков гвардейцы, торчавшие в зале, достали из ножен шпаги, а Меншиков тоже вынул шпагу, демонстративно протер лезвие обшлагом мундира и заявил, что если кто-то против матушки-царицы, то пусть высказывается, очень интересно будет все это послушать.

Екатерину провозгласили императрицей не потому, что ее избрал Земский собор; не было даже фикции 1682 года, когда толпа из случайных людей выкрикнула: «Хотим Петра!» Екатерину I возвел на престол гвардия, прикрываясь истолкованием воли почившего Петра. Мол, раз он короновал ее в 1724 году, значит, хотел видеть императрицей после себя.

Что это была за монархия, прекрасно показывает такой эпизод: «...рано утром Петербург был разбужен страшным набатом: это неутешная вдова императрица пошутила над столицей — ради 1 апреля»¹.

А менее чем через год возник новый аналог Боярской думы — Верховный тайный совет. Возник не потому, что в нем было нечто необходимое для страны, а как следствие интриг: кучка высших приближенных Петра любой ценой хотела сохранить свою власть. Сенат — это собрание высших чиновников, а они создали собрание уже совершенно мафиозное — по принципу личного знакомства и личных договоров друг с другом. Почему Совет именно тайный? А потому, что никому не надо знать, какие дела на нем обсуждаются!

8 февраля 1726 года создан Верховный тайный совет в составе А.Д. Меншикова, Ф.М. Апраксина, Г.И. Головина, А.И. Остермана, П.А. Толстого, Д.М. Голицына и герцога Карла Голштинского. Карл попал в эту высокую компанию исключительно как муж старшей дочери Петра, Анны Петровны.

¹ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 3. Ростов-на-Дону, 2000. С. 199.

Этим же указом Сенат лишился названия «правительствующий» и стал называться просто «высоким». При отъезде императрицы править должен был теперь Верховный тайный совет...

Печальна судьба этих первых «верховников» — членов Верховного тайного совета, созданного Екатериной I в 1726 году. Первоначально из 7 «верховников» 5 были выдвинутыми петровского времени — ведь они и задумали этот орган власти как своего рода Боярскую думу для «своих». Но очень уж неустойчивыми, неопределенными людьми были эти самые «выдвинутцы»! Даже как интриганы они проигрывали потомкам древних родов: ведь даже интриганам необходимо доверять хоть кому-то и уметь действовать сплоченной группой. А выпестованные Петром «дельцы», «птенцы гнезда Петрова» не умели этого просто патологически и все время сцеплялись и с феодальными кланами Долгоруких и Голицыных, и друг с другом. Они предавали друг друга с такой рьяностью, что очень быстро в Верховном тайном совете соотношение изменилось в пользу старинных родов, Долгоруких и Голицыных (в том числе и потому, что члены феодальных родов умели держаться друг за друга).

А из первых семи членов только Головин и Остерман остались в составе Верховного тайного совета после всех перемен до 1730 года.

Всего четыре года оказалось отпущено Верховному тайному совету, но «зато» каких четыре года! Время правления двух императоров — Екатерины I и Петра III!

Замечу, что наследственная аристократия, представители старинных родов еще далеко не у власти, они как оттеснены Петром, так пока и не стоят у кормила государства. Они еще только возвращаются, и очень характерно, что в рядах этих возвращающихся мы видим именно Голицыных и Долгоруких, а не сказочно бездарных Буйносовых. Аристократия Руси XVII века, зашуганная «самым низким шляхетством», холуями и клеветами Петра, постепенно поднимает голову и приспосабливается к новому положению вещей... По крайней мере, та ее часть, которая способна приспособиться. Пока что те, «жадную толпой стоящие у трона», — это еще выдвинутцы Петра I.

И жена, и его ближайшие «сподвижники» — это прямые порождения Антихриста, это те, кого он вырвал из небытия, втащил в историю и кто, не будь Петра, никогда не был бы ни известен, ни богат.

А семья, родственники Антихриста, его наследники оказываются во власти всей этой сволочи...¹, которую он сам же старательно отобрал и от которой, в силу естественного хода событий, стал зависеть.

Трудно сказать, как повернулась бы судьба империи, отпусти Господь Екатерине I или Петру II хотя бы лет 30 или 40 жизни. Каждый из этих вариантов — это сложение совершенно новой, совершенно особенной ситуации в истории государства Российского. Долгое правление Екатерины — это вероятность одного пути, долгое правление Петра II — вероятность совершенно другого.

Но Екатерине не было отпущено и 50 лет, а Петру II — даже и 20. Факт остается фактом — после Петра императоры как-то не жили. Очень может быть, им попросту помогли помирать, и притом ближайшие к трону, самые доверенные лица, — совершенно не исключено и такое объяснение вопроса.

В наш рациональный век странно, даже как-то неприлично вспоминать о том, что целых четыре поколения лежит проклятие на потомках негодяев и преступников. Выдумана даже подходящая безответственному веку нелепость — мол, «сын за отца не отвечает». Интересная постановка вопроса! Если отец или дед — достойные и славные люди, тогда, значит, принимай наследство с чистой совестью, грейся у разожженного не тобой огня! Пользуйся в свое удовольствие, наследничек!

А если твой предок — душегуб и мерзавец, тогда, значит, можно поступить тоже вполне комфортно и удобно — «а я за него не отвечаю!» И даже становится как бы

¹ В те времена слово сволочь использовалось не совсем так, как сейчас. Так назывались те, кого стаскивали, «сволакивали» на строительства каналов или на заводы. В официальных документах так и писалось — «посылаю на завод двести человек всякой сволочи, кого удалось загрести».

Я использую слово не в ругательном, а в историческом смысле. — А.Б.

можно не только не нести церковного и гражданского покаяния, не стараться исправить содеянное, но можно и пользоваться наворованным, награбленным. Дело житейское, а сын-то за отца не отвечает!

Если наследников Петра «Великого» никто не травил из их же ближайших и придворных, остается одно — все-таки они «отвечали»! Отвечали своими жизнями, своей судьбой за преступления предка, и некуда им было бежать от этого, от Высшего суда.

ЦАРСТВО ДИКОГО БЕЗЗАКОНИЯ

Называя вещи своими именами, после Петра в Российской империи наступило царство совершенно дикого беззакония. Чаще всего кивают на «закон о престолонаследии» — мол, все дело в том, что не было строгого, однозначного закона, по которому должен был возводиться на престол новый император. Несомненно, это одна из причин воцарившейся анархии; пользуясь законом о престолонаследии, как раз и можно было возводить на трон то одного, то другого, то вообще составлять «тестament», выстраивая в очередь будущих императоров.

Но главная причина беззакония в том, что только воля Петра цементировала слой его приближенных. Вот умер Петр, и оказалось, что даже высшие его сановники — вовсе не министры, «как в Европе», тем более никакие не убежденные сподвижники и продолжатели. Это только лишь самые доверенные, но вовсе не самые преданные слуги, совершенно лишенные собственной воли, инициативы, а уж тем более — государственного ума. Слуги, которые в отсутствие хозяина попросту грабят его имение — в данном случае государство Российское.

Компашка, которую сам Петр выпестовал и выкормил, добывала государство, не давала вернуться хотя бы к подобию законности. Любые государственные решения принимались исключительно в интересах кучки корыстных и примитивных людей.

С этим соглашаются, пусть очень обтекаемо, даже самые лояльные к династии Романовых, самые верноподанные историки XVIII, XIX, начала XX веков. Не только

Н.М. Карамзин, но и О. Егер, книга которого вышла в 1894 году¹.

У современных историков, не связанных лояльностью к династии, обязанностью обходить многие темы, появляются уж вовсе «непозволительные» предположения. Высказываются предположения, что Петр I вполне мог быть отравлен — слишком серьезная опасность нависала над «светлейшим князем», воровство которого Петр наконец-то затеял пресечь. В числе возможных исполнителей, собственноручно всыпавших яду в питье императора, называют и Екатерину.

Очень может быть, следующей была и сама Екатерина — очень уж неожиданно быстро, как-то очень уж «своевременно» она скончалась. Так, что невольно приходит в голову классическое «мавр сделал свое дело...». И концы в воду — тоже классический способ «убирать» исполнителя политического убийства.

Потом жертвами интриг в высших эшелонах власти станут и сам А.Д. Меншиков, умерший в 1729 году в Березове, и Толстой, окончивший свои дни в 1730 году в каменном мешке соловецкой тюрьмы. За год до него угас в соседней темнице и единственный сын Толстого, Иван.

«Никогда еще в нашей стране, да, кажется, и ни в каком другом государстве, верховная власть не переходила по такой ломаной линии... все они попадали на престол не по какому-либо порядку, установленному законом или обычаем, а случайно, путем дворцового переворота или придворной интриги», — констатирует В.О. Ключевский.

Но и Владимир Осипович нисколько не колебался — все эти сомнительные наследники царя-Антихриста продолжали то, что начал Петр. И для него, и практически для всех других историков России было очевидно — тут сталкиваются две группы людей: старая консервативная знать, которая не хочет «реформ Петра Великого», и новаторы, сподвижники Петра, люди из толщи народной.

Благодаря этим выдвигенцам Петра, «...стало очевидным, что порушить начатое Петром не удастся. Не потому, что все недавние соратники рвались продолжать его

¹ Егер О. Всемирная история в 4 т. Т 3. СПб., 1894.

дело... Уцелеть они могли, лишь удержав власть, а удержать ее можно было, только уцепившись за дело Петрово, продолжая его. Они и продолжали. Бестолково, наобум и вразнобой, но продолжали»¹.

Вопрос только, что понимать под «делом» Петра I? Если разворовывание и развал всего, что только можно, — тогда это «дело» преемники сделали на совесть.

Только к середине XVIII века, через 3—4 десятилетия после Петра, начала возникать хоть какая-то стабильность. При Екатерине, тоже насквозь незаконной правительнице, окончательно сложились новые «правила игры»... Этот «золотой век» «матушки Екатерины» до сих пор многие считают одним из высших взлетов России.

Но к стабилизации пришлось идти долго, мучительно, выбирая и нащупывая дорогу. В середину XVIII столетия Российская империя вступила как совершенно удивительное государство, в котором одновременно здравствовали ни много ни мало сразу три коронованных императора. В эту эпоху все новые законные наследники престола Российской империи маршировали колоннами, их обнаруживали даже в Италии и во Франции, а другие в это время сидели в крепостях.

«Золотой век» Екатерины, 1760—1790 годы, начался с истребления этой толпы «лишних императоров». Незаконная война с беззаконием, прямо порожденным Петром.

Совершалось столько многотайных дел и ходов, что уже и само правительство плохо понимало, где кончается правда и начинается вымысел — даже в правительственных же официальных документах. Тем более рядовые жители империи не знали, кто ими правит и на каком основании. В «золотой век» Екатерины вранья в политике и внешней и внутренней было побольше, чем при Брежнев, а правительство удавливало и затаптывало последние проблески народной свободы...

Да и для кого это был «золотой век»? Вовсе не для 35 миллионов подданных Российской империи. Это был «золотой век» для кучки дворян и чиновников, от силы

¹ Дубов Н.Н. Колесо фортуны. М., 1981. С. 143.

для 2% всего населения страны. Он и сделался «золотым», потому что эту кучку чудовищно развратили фантастическими привилегиями, не подтверждаемыми никакой реальной службой.

В «золотой век» по России ходило множество удивительных историй, и, может быть, самая удивительная из них — история Манифеста о вольности крестьянской...

Но эта удивительная история заслуживает отдельной книги!

Книги, которую я напишу вскоре... После этой.

Глава 5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Самые грустные слова на свете: «и все это могло бы быть»...

Французская поговорка

РОССИЯ БЕЗ ПЕТРА

Парадокс в том, что представить себе Россию, в которой нет Петра или в которой он не царствует, гораздо легче, чем такую, которая состоялась. Если уж мы об исторических случайностях — то трудно представить себе нечто более случайное, нежели воцарение Петра. Строго говоря, случайно уже рождение Петра... Почему, собственно, Наталья Кирилловна должна была родить мальчика? А если бы Наталья Нарышкина родила только нескольких девочек? Или вот еще версия: а если она в надлежащий срок производит на свет вполне приличного, здоровенького мальчика, до смешного похожего на Алексея Михайловича...

Но это все варианты, когда Петра нет или когда он рождается и растет не долговязым странным созданием, вызывающим вопросы, кто же его настоящий отец.

Но даже если Петр и есть, если он таков, каким уродился, сам приход его к власти — чистейшей воды непредсказуемая случайность, следствие ранней смерти нескольких человек, в первую очередь отца и старшего брата.

Самый простой вариант, при котором Петра и близко не будет на престоле, — Алексей Михайлович доживает... ну, скажем, до 1696 года, до своих 67 лет. Или до 1700-го, то есть до 71. В принципе, он вполне мог дожить до такого срока; и в XVII веке было немало людей, умиравших под семьдесят или даже за семьдесят. Его отец прожил тоже очень немного, всего 49 лет, но дед, патриарх Филарет, дожил до 78 лет; были среди Романовых и другие «долгожители». Их сроки жизни кажутся скромными по современным меркам, но все же за рубеж восьмого десятка перевалили многие. Почему бы и Алексею Михайловичу не оказаться в их числе?!

Второй вариант — не умирает (сумев, например, избежать отравления мачехой) Федор Алексеевич. Живет он... ну, пусть будет даже недолговечен, проживет те же 46 лет, что и его отец. Но и тогда жить ему, Федору Алексеевичу, до 1707 года.

Если представить себе Московию, в которой и они оба, отец и сын, и даже любой из них проживут такие сроки, Петру не видать власти как собственных ушей.

Тем более если Федор имеет наследников, а это более чем вероятно. Он ведь, похоже, и был отравлен поспешно, чтобы никто не успел родиться от второй царицы...

И даже в том случае, если Петр уже есть, уже растет, даже когда покойники уже оба, и Алексей Михайлович, и Федор Алексеевич, есть варианты.

Стоило Софье действовать более решительно... Именно Софье, потому что Василий Васильевич Голицын, судя по всему, был органически не способен к «подковерной» борьбе, к подсыланию убийц или капанию заветной капельки в заветный бокал из тайно перекрученного перстня. И нужно немного: несколько решительных людей, засевших в роще на дороге; там, где Петр, один или с верным Алексашкой, мчится в Кукуй — то ли к Анне Монс, то ли к Лефорту.

Итак, вариант виртуальности: в 1687 году Петр с Алексашкой пропадают; их трупы находят через два дня,

засунутые в стог. Или находят через полгода, в глубине леса, уже обглоданные лисицами.

Царь Иван сидит себе на троне, а реально правит все равно не он, а Софья и Голицын. В этом варианте даже не очень важно, пострижет ли Голицын жену в монахини и женится на Софье или нет. Династии, строго говоря, все равно суждено смениться из-за того, что у Ивана нет сыновей, только дочери. Сколько бы он ни прожил, на престол после него должна взойти или одна из «Ивановн» (с мужем или без), или ближайшие родственники (то есть опять же Софья...).

Говоря откровенно, перспектива Василия Голицына на престоле лично меня радует как-то больше, чем ковыряющий в носу Иван, и это дело не только эстетического вкуса. Ведь не только Петр мог сыграть роль губителя страны, тут нет слов. В конце концов, его племянница Анна Ивановна ничуть не хуже Петра разрушала все, до чего была в силах дотянуться.

Так что дело не в приятной внешности и даже не в бытовых привычках личностей, занимающих престол. Задача скорее в том, чтобы на престоле не оказался человек, способный увести страну с уже выбранного пути. А для этого в конце XVII века, помимо Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, годятся только Софья и Голицын...

Смоделируем два возможных варианта: в первом из них после смерти Ивана в 1697 году на престол встает одна из «Ивановн», но фактически правит по-прежнему Софья.

Во втором после смерти отца «Ивановны» на престол не садятся — например, если они к тому времени выходят замуж (не обязательно за иностранных принцев). Тогда «верховная правительница» венчается на царство как царица. А если Голицын приходит к выводу, что Москва стоит развода, смена династии неизбежна.

И уж конечно, Софья-правительница, Софья — любимая жена могла прожить гораздо дольше, чем протянула она в каменной келье монастыря (до 1704 года).

Во всех этих вариантах продолжается та политическая линия, которую начали Романовы еще в 1620-е годы. Какой же могла стать Россия при последовательном продолжении этой линии?

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Во-первых, это, конечно же, завершение русской модернизации. Не внешней европеизации дворянства при сохранении рабства всех остальных, а последовательного совершенствования управления, расширения зоны свободы для всего народа. Служилые, конечно, окончательно становятся обычной европейской армией, зауряднейшим европейским чиновничеством (как в Швеции или в Германии). Министерства вполне могут и дальше называться приказами, а некоторые рода войск — стрельцами: это ведь ничего не меняет.

Точно так же и страна остается, скорее всего, разделена на уделы, или, скажем, появляются еще и воеводства (как в современной Польше). Но управление уделами и воеводствами все больше передается «на места», идет нормальнейшая децентрализация управления.

Так же и с названием страны. Вряд ли Софья захотела бы назвать страну «империей». Московия, Татария, Тартария... Да, это уже отжило свое. Тем более присоединение Малороссии, претензии на Галицию заставляли говорить о стране, управляемой Романовыми, как обо всей России... Ну и назвали бы страну Россией, без амбиций стать новым Римом и не пугая соседей.

Скорее всего, европеизация служилого сословия произошла бы даже быстрее, чем в нашей реальности, при Петре и после Петра. Очень может быть, сохранился бы навсегда или, по крайней мере, надолго сохранился бы обычай отдельного участия мужчин и женщин на пирах, хождения в гости не парами, а супругов по отдельности, мужчин к мужчинам, женщин — к женщинам. Ну и что?

В современной Индии, даже если приезжают и собираются семейные пары, все равно мужчины и женщины образуют разные, почти не смешивающиеся группы. Это «почему-то» не мешает индусским физикам получать Нобелевские премии, а индусским предпринимателям заваливать мир тканями, посудой и металлическими изделиями.

Точно так же и в России вполне могли сохраняться свои, местные обычаи; те самые «добрые нравы», об утрате которых скорбел князь Щербатов. Никому ведь и ничему не мешали все милые народные обычаи, сметенные волной поверхностной, чисто внешней европеизации. Россия вполне могла модернизироваться, становиться более индустриальной и более буржуазной страной, сохраняя их в полноте или почти в полноте.

Очень может быть, семейные кланы перестали бы решать судьбу своих молодых членов даже раньше, чем в нашей реальности. Не в конце, а в середине XVIII века — при полном сохранении всех народных обычаев и традиций.

После Петра модернизация шла на 90% в среде дворянства, а весь остальной народ был только подножием этого элитного процесса. Все черты по сути, а не по форме сближавшие народную среду с европейским миром, были уничтожены Петром и преемниками Петра.

В «России Софьи», на севере, свободное крестьянство все больше становится слоем свободных бюргеров, по образцу даже не Германии, а стран Скандинавии. Они носят бороды, косоворотки и сарафаны (точно так же, как шотландцы — мужские юбки-килты), но это несколько не мешает им быть свободными гражданами, вольно владеющими собственностью и строящими собственную жизнь по своим понятиям и традициям. А европейский путь развития именно в этом ведь и состоит.

Еще более буржуазные традиции складываются на Волге, где крепостное право было слабо, а отношения вольного найма — обычнейшим делом. Тут феодальный уклад уходит в прошлое очень легко и быстро, уже

к началу XVIII столетия. Даже на основной территории Великороссии все в большей степени укрепляются города, обзаводятся не фиктивными, на бумаге, а самыми реальными правами. Ведь промышленность и торговля развиваются на основе договоров, вольного найма, свободного движения капиталов, товаров и рабочей силы. Очень возможно, что возникают и «кумпанства» — опять же не фиктивные, в духе Петра, а совершенно реальные. Но более вероятно, что объединять капиталы будут не анонимно, в виде акционерных обществ, а складывая капиталы семейных фирм (как это делали купцы в Персии, Японии и Китае). Такая форма менее подвижна, чем акционерный капитал, менее динамична, нет слов. Скорее всего, когда-нибудь и биржи бы начали строить (как построили в Петербурге в начале XIX века), но был бы какой-то период до бирж, когда купцам были бы удобнее семейно-дружеские «кумпанства».

При выдерживании «линии Софьи» Архангельск, Холмогоры, Астрахань скоро становятся богатейшими городами и начинают или заимствовать магдебургское право в Речи Посполитой, либо создают собственные варианты городского права.

Государство все больше выходит из управления хозяйственной жизнью, и даже города Великороссии начинают управляться по-другому. Да, в этих городах нет рагуши, а выборный голова так и называется «головой», а не мэром. Точно так же выборный совет города называется советом или думой, а не магистратом. Но посадские все больше напоминают европейских горожан, потому что живут в мире рыночной экономики и потому что государство практически не вмешивается в хозяйственную и в общественную жизнь.

До сих пор речь шла о том, что могло быть, если бы не было петровского погрома, а все шло бы по-старому — в 1690-х, 1700 годах так же, как и в 1670—1680-е...

А ведь была еще идея реформы Голицына... Стоило провести эту реформу (за которую стояла армия Федора Алексеевича и значительная часть служилого сословия),

и к началу же XVIII века России предстояло стать страной, где уже не четверть населения была неслужилой и нетяглой, а большая часть населения.

Общество в такой «России Голицына» устроено было бы почти так же, как в Пруссии или в Мекленбурге — то есть в восточных германских землях.

Реформа Голицына стала бы концом крепостного права в России. Что значит, во-первых, колоссальный толчок экономическому и общественному развитию. Ведь вольные крестьяне будут внедрять новые культуры, придумывать новые способы обработки земли, создавать предприятия по переработке своей продукции, отходить на различные промыслы...

А во-вторых, в России никогда не сложилось бы крепостного права в тех ужасных формах, которые сложились ко времени Екатерины II. Не будет утопленных новорожденных младенцев и борзых щенков у женской груди, не будет посаженных на цепь и запоротых насмерть, не будет шеренги невест и женихов, строем идущих в церковь. Не будет этого ни в русской истории, ни в психологии народа.

И если уж мы о народной психологии — пусть не сразу, но вольный русский крестьянин, свободный посадский человек, защищенный от произвола и законами, и своим, пусть относительным, но все же благополучием, неизбежно станет не «холопом», а «господином». Ведь и во Франции далеко не все были магнатами и владельческими князьями, но любой мужик в самой жалкой и забитой деревне был «месье», а его жена была «мадам».

Реформа Голицына — это еще и рост самоуважения огромной массы людей, по существу — всего народа. Это другая общественная психология, другой общественный климат.

Конечно же, не возникает шизофренического разделения русских на «народ» и дворянство, «народ» и интеллигенцию. Нет дикого представления о «народе» как о туземцах, нет желания их переделывать и перевоспитывать. Нет и ответной реакции — отторжения в наро-

де всего, что идет от «бар» или хоть как-то связано с «барами».

«Россия Софьи», «Россия Голицына» вырисовывается как обычнейшая европейская страна, безо всякой экзотики, ставящей ее вне цивилизованного мира. Со своими национальными, религиозными и культурными особенностями, но совершенно безо всяких устрашающих отклонений.

Впрочем, перечислять долго, и неизвестно, все ли мы знаем о ней. Ведь слишком долго эту Россию XVII века замалчивали, рассказывая сказки о том, из какого мрака вытаскивал страну долговязый царь с крохотной головой, меньше собственного кулака, и безумными глазами маньяка. Идеологические догмы два века застили от нас реальность, что поделаешь! Но нельзя же, увидев свет, отречься от него только потому, что раньше был слеп?

Заключение

ИЛИ ПОРТРЕТЫ НА СТЕНЕ

Россия — это Петр и Ленин.

В.Н. Севастьянов

Психологи весьма убедительно говорят, что у человека, строго говоря, нет прошлого — оно уже прожито, над прошлым человек не властен. Человек властен только над своим будущим; только будущее — это то, что у него на самом деле есть.

Я охотно отношу это же самое к государствам, странам и народам. У русских нет прошлого в том смысле, что оно уже состоялось. Мы живем в одной из возможных России, но все эти России — в прошлом. Что состоявшаяся Россия Петра I, что несостоявшаяся Россия без Петра, в которой Алексей Михайлович доживает до 1700-го, а Федор Алексеевич — до 1730 года. Как и Россия Софьи и Голицына. Все они в прошлом, и ничего уже не изменить. Если бы даже Федор Алексеевич дожил бы до 1730 года и построил бы совсем другую Россию, ни в чем не похожую на Россию Петра, то и это событие отделено от нас сотнями лет.

Даже глядя в прошлое, не желая расставаться с ним, мы строим не прошлое, а будущее. Вопрос только в том, какие события и каких людей мы берем с собой из этого прошлого...

Царь-интеллектуал Федор Алексеевич и палач Ромодановский — современники. С них писали портреты, и внешность этих людей нам известна. Точно так же Ша-

фиров, царевич Алексей, Меншиков и Яков Брюс хорошо знали друг друга. Современники. Евдокия Лопухина и Марта-Екатерина Скавручок — жена одного человека, царевич Алексей и Елизавета — брат и сестра по отцу. Все они — наше прошлое, хотим мы того или не хотим, нравятся они нам или нет.

Вешая на стену портрет каждого из этих людей, мы не изменяем прошлого, но формируем настоящее и будущее. Потому что портреты исторических деятелей на стенах — это символы того, как мы относимся к своему прошлому, своей стране и даже к самим себе. Это символы того, какие стороны своего прошлого мы хотели бы повторить в будущем.

Не зря ведь Петр так любил Ивана IV, а Сталин любил их обоих. Не случайно же один из лидеров красноярских коммунистов написал стихи, из которых я взял строку для эпитафии. Для него Россия вполне сводится к Петру и Ленину, а это уже почти диагноз.

Как тут не вспомнить об эксперименте, который в Израиле поставили над похищенным Эйхманом! Нацистскому палачу дали пятьсот фотографий. Он не знал, что за люди изображены на фотографиях, и задание было простое — разложить фотографии на две кучки по одному простейшему принципу: нравится или не нравится. Повторяю: Эйхман не знал, кто изображен на фотографиях, но он не ошибся ни разу. Нравились ему исключительно уголовники-рецидивисты, алкоголики, половые маньяки, сумасшедшие, садисты, мошенники. А не нравились профессора, писатели, поэты, изобретатели и конструкторы новых машин, либеральные политические деятели и так далее и тому подобное. Словом все, при виде кого Гитлер и его приспешники хватались за пистолеты.

Ох, не случайно нравятся нам люди и так же не случайно — не нравятся, в том числе и жившие очень давно.

Да, была и такая Россия — Россия Петра и Ленина. Россия Марты Скавронской и Меншикова, Шафирова и Анны Ивановны, Лефорта и Никиты Зотова. В современной России есть немало людей, которым нравятся эти создания и которые хотят построить будущее, похожее

на это прошлое. Вешая на стены эти портреты, мы призываем на свои головы эту Россию... их Россию.

Но одновременно с ней и параллельно существовала Россия царевны Софьи, Алексея Михайловича, царевича Алексея, Долгоруких, Василия Голицына и Якова Брюса... Перечислять придется долго, да и зачем? Мы мало знаем об этой России, потому что слишком долго ее замалчивали, рассказывая нам сказки о том, какие «отсталые» и невежественные были все эти люди.

Пусть, конечно, читатель сам решает, чьи портреты вешать на стену. Какого будущего мы хотим, такие призраки и вызываем их прошедшего.

Хотите — пусть на вас со стены смотрит интеллигентное лицо Василия Голицына, приятная значительная «парсуна» Алексея Михайловича, чуть смущенно улыбается царевна Софья, иронично поглядывает милое лицо царевича Алексея.

А нравится — любуйтесь монструозной харей Федора Юрьевича Ромодановского, напудренной физиономией личного приятеля чертей и пассивного педика Лефорта, дегенеративным мурлом опухшего от пьянства Никиты Зотова, подловатой харей Меншикова. Вольному воля. Только не воображайте, Бога ради, что этот выбор никак не скажется на вашем собственном будущем и на будущем ваших детей и внуков. Выбирая прошлое, выбираем и будущее.

...Выбираем?

Список использованной литературы

- Толстой А.К.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М., 1963.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991.
- Соловьев С.М.* История Росиси с древнейших времен. Книга VII. М., 1962.
- Анисимов Е.В.* Петр Первый: рождение империи// История отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991.
- Пильняк Б.* Его Величество Кнесь Piter Komandor. Пг., 1922.
- Буровский А.М.* Россия, которой не было-2. Русская Атлантида. М., 2000.
- Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1—2. М., 1909—1912.
- Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 29. М., 1978. Статья «Черносошные крестьяне».
- Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. СПб., 1999.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000.
- Рабинович М.И.* Судьба вещей. М., 1974.
- Соловьев Л.В.* Повесть о Ходже Насреддине. Л., 1980.
- Пересветов Р.Т.* Тайны выцветших строк. М., 1961.
- Бушков А.А.* Россия, которой не было. М., 1997.
- Будыко М.И.* Загадки истории. Историко-литературные эссе. СПб., 1995.
- Алаев Л.Б.* Такой я видел Индию. М., 1971.
- Лысов Ф.* Портрет Александра Невского // Портрет в русском и западноевропейском искусстве. Челябинск, 1995.

- Лебек С.* Происхождение франков. V—IX века. Новая история средневековой Франции. М., 1993.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга V. М., 1961.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга VI. М., 1961.
- Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 21. М., 1975. Статья «Протекционизм».
- Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. III. М., 1988.
- Буссов К.* Московская хроника: 1564—1613. М.—Л., 1961.
- Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
- Гоголь Н.В.* Ночь перед рождеством // *Гоголь Н.В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. М., 1970.
- Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. I. М., 1996.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- Гоголь Н.В.* Страшная месть // *Гоголь Н.В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. М., 1970.
- Бескровный Л.Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947.
- Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.
- Одежда народов Восточной Европы в Средние века. М., 1989.
- Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 7. М., 1972. Статья «Гордон».
- Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 17. М., 1974. Статья «Нижегородская ярмарка».
- Лудольф В.* Русская грамматика. Л., 1937.
- Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Пг., 1916.
- Дарелл Дж.* Земля шорохов. М., 1964.
- Иванов В.* Повести древних лет. Л., 1985.
- Овчиников В.* Ветка сакуры. М., 1972.
- Библия. М., 1997.
- История России с древнейших времен до конца XVII века/Под ред. П.В. Волобуева. М., 2000.

- Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в конце XVII—XVIII веке. М., 1968.
- Очерки истории СССР. XVII век/Под ред. Н.М. Дружинина. М., 1955.
- Широкопад А.* Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск, 2000.
- Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII веках. М., 1946.
- Оруэлл Дж.* Подавление литературы // *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000.
- Мэсси Р.* Петр Великий. Т. 1—3. Смоленск, 1996.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга VIII. М., 1962.
- Клейн Л.С.* Другая любовь. М., 2000.
- Уэндер П., Шейдер Р.* Синдром нарушения внимания с гиперактивностью // Психиатрия / Под ред. Р. М. Шейдера. 1998.
- Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992.
- Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953.
- Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.
- Война с Турцией 1711 г. Прутская операция//Сб. документов под ред. Мышлаевского А.З. СПб., 1898.
- Иллерицкий В.* Экспедиция князя Черкасского в Хиву (1716—1717 гг.) // Исторический журнал. 1940. № 7.
- Быховский И.А.* Петровские корабли. Л., 1982.
- Юрганов А.Л., Кацова Л.А.* История России XVI—XVIII вв. М., 1996.
- Милюков П.Н.* Очерки русской культуры. Т. 2. М., 1994.
- Семевский М.И.* Тайная служба Петра I. Минск, 1993.
- Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
- Успенский Б.А., Лотман Ю.М.* Роль дуальных представлений в динамике русской культуры // Избранные труды. Т. 1. М., 1996.
- Алексеев С.П.* Небывалое бывает. М., 1980.
- Пыляев М.И.* Старый Петербург. СПб., 1889.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.

- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга IX. М., 1963.
- Егер О. Всемирная история в 4 т. Том 3. СПб., 1894.
- Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988.
- Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 1. М., 1970. Статья «Алексей Петрович».
- Большая советская энциклопедия. Вып. 3. Т. 9. М., 1972. Статья «Екатерина I».
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 3. Ростов-на-Дону, 2000.
- Павленко Н.И. Полудержавный властелин. М., 1991.
- Костомаров Н.М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992.
- Дубов Н.И. Колесо фортуны. М., 1981.
- Фальк-Рённе А. Где ты, рай? М., 1989.
- Глинский Б.Б. Царские дети и их наставники. СПб.—М., 1912.
- Большая советская энциклопедия. Вып. 2. Т. 50. Статья «СССР. Исторический очерк». М., 1957.
- Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С. История СССР. Учебник для 7 класса. Издание пятнадцатое. М., 1980.
- История Отечества. Учебник для 8 класса средней школы/Под ред. Б.А. Рыбакова, А.А. Преображенского. 5-е издание. М., 1993.
- Жизнь и приключения А. Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.—Л., 1931.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
- Померанц Г.С. Парадоксы модернизации // Человек. 1990. № 1.
- Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. М.—Л., 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

Часть I. ЦАРЕВИЧ ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ

Глава 1. Переворот Медведихи 19

Глава 2. Воспитание 37

Глава 3. Что реформировал Петр? 93

Глава 4. Изменения в строе общества 131

Часть II. ПОРОЖДЕНИЯ АНТИХРИСТА

Глава 1. Антихрист на престоле 171

Глава 2. Загробная жизнь Петра 181

Глава 3. О регулярном государстве 198

Глава 4. Два слова про «защиту от дурака» 218

Глава 5. Сподвижники Антихриста 232

Глава 6. Исключение из правила 246

Часть III. ПОСЛЕДСТВИЯ ПРАВЛЕНИЯ АНТИХРИСТА

Глава 1. Сын Антихриста 269

Глава 2. Жены Антихриста 298

Глава 3. Жертвы Антихриста 312

Глава 4. Из стороны в сторону 321

Глава 5. Историческая виртуальность 334

Заключение, или Портреты на стене 342

Список использованной литературы 345

Андрей Буровский
ПЕТР ПЕРВЫЙ — ПРОКЛЯТЫЙ ИМПЕРАТОР

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *Н. Витько*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 28.01.2008.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Копина». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 5000 экз. Зак. № 7307.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Нам со школьной скамьи внушают, что Петр Первый – величайшая фигура нашей истории. Дескать, до него Россия была отсталой и дикой, а Петр, не успев взойти на трон, тут же провел грандиозные реформы, создал могучую Империю и непобедимую армию, утвердил в обществе новые нравы, радел о просвещении и т.д. и т.п... и вообще, что бы мы все без него делали!

Но стоит отвлечься от школьных учебников и проанализировать подлинные исторические источники – и мы обнаружим, что в допетровской России XVII века **уже было все**, что приписывается Петру: от картофеля и табака до прекрасного флота и вполне современной для того времени армии.

На самом деле Петр не создал, а разрушил русский флот. Реформы Петра привели к развалу экономики, невероятному хаосу в управлении и гибели миллионов людей. А на месте богатой и демократичной Московии возникло нищее примитивное рабовладельческое государство.

Миф о Петре Великом и его «европейских реформах» живет до сих пор и в книгах, и в душах. Давно пора разрушить эту опасную ложь, мешающую нам знать и уважать своих предков.

ISBN 978-5-699-26219-9

9 785699 262199 >